

LEGEA ȘI VIAȚA

Publicație științifico-practică
ISSN 1810-309X

Întreprindere de stat
Fondator – Ministerul Justiției
al Republicii Moldova
Certificat de înregistrare
nr. 10202264 din 11.02.1993

Publicație acreditată de Consiliul
Suprem pentru Știință și Dezvoltare Tehnologică
al Academiei de Științe a Moldovei prin
Hotărârea nr. 6
1 din 30.04.2009

Categoria C

Asociați: Curtea Constituțională, Curtea Supremă de Justiție, Ministerul Afacerilor Interne, Ministerul Sănătății, Institutul de Științe Penale și Criminologie Aplicată, Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei, Academia „Ștefan cel Mare” a MAI, Universitatea de Stat „B. P. Hasdeu” (Cahul), Universitatea Slavonă, Universitatea „Spiru Haret” (Constanța), Universitatea „Petre Andrei” (Iași).

Se editează din ianuarie 1991
Nr. 6 (258) 2013

Redactor-șef L. Arsene

Colegiul de redacție:

Gh. Alecu, doctor în drept, prof. univ. (Constanța, România); A. Armeanic, doctor în drept, conf. univ.; V. Balmuș, doctor în drept; C. Bocancea, doctor în drept, prof. univ. (Iași, România); V. Bujor, doctor în drept; A. Burian, doctor habilitat în drept; T. Capșa, doctor în drept; Gh. Costachi, doctor habilitat în drept, prof. univ.; I. Floander, doctor în drept (Constanța, România); M. Gheorghiiță, doctor habilitat în drept, prof. univ.; Gh. Gladchi, doctor habilitat în drept; V. Guțuleac, doctor în drept, prof. univ.; V. Florea, doctor în drept, prof. univ.; V. Moraru, doctor în drept, prof. univ.; V. Naumov, redactor-șef adjunct; V. Popa, doctor habilitat în drept, prof. univ.

Adresa redacției:
Casa presei, et. 5 – 531; 515
str. Pușkin 22, mun. Chișinău, MD - 2012,
Republica Moldova
Tel.: 233 790; mob. 067431762;
234 132 (contabilitatea)

E-mail: legea_zakon@mail.ru
Index: RM 77030

© Legea și viața

Pagina web: www.legeazakon.md

SUMAR

- T. КОЛОМОЕЦ. Эффективность – неотъемлемая составляющая ресурса административных взысканий по законодательству Украины (поиск оптимальной модели в контексте современного кодификационного административно-деликтного процесса) 4
- М. ГЕРМАНЮК. Закрепление принципов государственной службы в законодательстве ЕС и стран бывшего СССР: приоритетные направления заимствования для Украины..... 10
- М. ВИХЛЯЕВ. Административная правосубъектность общественных объединений Украины – основа (стержень) их административно-правового статуса..... 16
- А. БОНДАРЬ. Осуществление стандартизации, сертификации, метрологии в агропромышленном комплексе Украины 21
- V. OJOG. Politici și strategii de protecție a informațiilor clasificate în condițiile aspirațiilor de integrare europeană a Republicii Moldova 25
- I. BULAI. Prezentarea spre recunoaștere. Esența psihologică 28
- C.-A. LUPU. Procesul normativ și cel organizațional de realizare a amnistiei..... 34
- Г. СОЛОВЕЙ. Некоторые аспекты уголовного производства на основании соглашений..... 38
- И. ПРИШКО, О. ОХМАН. Принудительное кормление осужденных в исправительных колониях как средство обеспечения их личной безопасности и противодействия преступной субкультуре..... 41
- К. ЄРЕМЕНКО. Правові наслідки недотримання вимог щодо форми правочину: досвід європейських країн 46
- V. SÎRGHII. Introducerea mărfurilor în Republica Moldova de către persoanele fizice..... 51
- V. ORLOVA. Managerial decision preparation, adoption and organization of implementation procedure: administrative law aspect 55

ЭФФЕКТИВНОСТЬ – НЕОТЪЕМЛЕМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РЕСУРСА АДМИНИСТРАТИВНЫХ ВЗЫСКАНИЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ (ПОИСК ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО КОДИФИКАЦИОННОГО АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОГО ПРОЦЕССА)

Т. КОЛОМОЕЦ,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Украины, декан юридического факультета, заведующая кафедрой административного и хозяйственного права, Запорожский национальный университет

SUMMARY

In an article in a systematic form of analysis of the effectiveness of administrative penalties is implemented, their role and importance in the modern codified legislative process in administrative tort sphere in Ukraine are discussed. Attention to conditions, criteria, indicators of efficiency of administrative penalties, their analysis are given and suggestions of on expediency of their incorporation in current conditions to maximize resource of administrative penalties are formed. It is found that the study of this question involves a holistic approach to it on the part of scientists of administrative legal science (in the aspect of the formation of the scientific basis), and the legislator (in the aspect of making of perfect legislation on administrative penalties, to ensure its change), with a focus of their attention to the conditions, criteria and indicators such efficiency.

Keywords: administrative penalties, codification, criteria, parameters, conditions, efficiency.

РЕЗЮМЕ

В статье в систематизированном виде подаётся анализ эффективности административных взысканий, обосновывается их роль и значение в условиях современного кодификационного нормотворческого процесса в административно-деликтной сфере в Украине, уделяется внимание условиям, критериям, показателям эффективности административных взысканий, их анализу и формулируются предложения относительно целесообразности их учёта в современных условиях для максимального использования ресурса административных взысканий. Установлено, что исследование этого вопроса предполагает комплексный подход к нему как со стороны ученых-административистов (в аспекте формирования научного базиса), так и законодателя (в аспекте принятия совершенного законодательства об административных взысканиях, обеспечения его изменения), с акцентом их внимания к условиям, критериям и показателям такой эффективности.

Ключевые слова: административные взыскания, кодификация, критерии, показатели, условия, эффективность.

Постановка проблемы. Кардинальный пересмотр основных положений современного отечественного административно-деликтного законодательства, оптимизация системы субъектов административной юрисдикции, системы субъектов административной ответственности, в т.ч. окончательное официальное признание в качестве таковых юридических лиц, упрощение процедуры рассмотрения дел об административных правонарушениях, пересмотр видов административных проступков, в т.ч. в аспекте введения институтов уголовных проступков и перераспределения противоправных деяний между

последними и административными проступками, с необходимостью предлагают поиск оптимальной системы административных взысканий как реакции на совершение всего разнообразия административных проступков. Количество и разнообразие административных взысканий, их потенциал, правовые основы их применения должны быть такими, чтобы обеспечить адекватность реагирования государства на совершение разнообразных административных проступков, достижение целей административной ответственности. Для этого необходима концентрация совместных усилий юристов-учёных, прежде всего юристов-

административистов, юристов-практиков, законодателя, учёт исторического нормотворческого и правоприменительного опыта, сравнительно-правовые исследования для определения возможных вариантов учёта позитивного и исключения негативного опыта зарубежных стран в административно-деликтной нормотворческой и правоприменительной деятельности в целом и относительно поиска оптимальной системы административных взысканий в частности, обеспечения эффективности использования их ресурса. Необходимо не только нормативно закрепить определённое количество административных взы-

сканий (речь должна идти об их системе), но и возможность эффективного использования их ресурса – как всей их системы, так и каждого в отдельности. От того, насколько эффективным будет применение административного взыскания, зависеть будет в конечном итоге административно-деликтная правоприменительная деятельность, противодействие и профилактика административных проступков в целом.

Актуальность темы. Активизация отечественных нормотворческих процессов, ориентированных на разработку и принятие нового современного кодифицированного административно-деликтного акта, предполагает для достижения позитивного результата формирование обновлённого научного базиса, в т.ч. и относительно поиска оптимальной системы административных взысканий, обеспечения эффективного использования их ресурса. Именно в этом аспекте необходимым предполагается углублённый научный анализ эффективности как свойства ресурса административных взысканий, её критериев, показателей, условий, с использованием имеющихся общетеоретических правовых и отраслевых научных разработок, обобщённых результатов правоприменения, позитивных апробированных временем результатов нормотворческой деятельности в соответствующей сфере отношений зарубежных стран и положений современной зарубежной административно-правовой доктрины. Всё это в конечном итоге способствует уяснению феномена эффективности административных взысканий, формированию доктринального базиса для современного нормативного закрепления оснований её обеспечения.

К сожалению, анализ положений существующих образцов перспективной кодифицирован-

ной административно-деликтной нормотворческой деятельности свидетельствует об упрощённом подходе к урегулированию этого вопроса, преимущественном дублировании устаревших положений действующего законодательства, что не способствует эффективному использованию ресурса административных взысканий – как всей их системы, так и каждого в отдельности. Как следствие – предполагается сохранить те же разновидности административных взысканий, которые были введены ещё в XX ст. и не в полной мере соответствуют целям современных административных взысканий, отсутствие видов административных взысканий, которые бы вполне могли рассматриваться в качестве адекватной действенной реакции на противоправные деяния юридических лиц, взыскания, ориентирование на противодействие всему многообразию административных проступков с различной степенью общественной вредности, заимствование устаревших фрагментарных правовых оснований применения административных взысканий, фактически без учёта изменений, обусловленных социально-экономическими процессами в стране. Признать такую ситуацию оправданной нельзя, соответственно актуальным является исследование феномена эффективности административных взысканий, формирование научного базиса для нормативного закрепления её основ с формулировкой конкретных предложений нормотворческого и правоприменительного содержания, что, фактически, и является целью статьи.

Изложение основного материала исследования. Эффективность в отечественной административно-деликтной правовой науке исследуется преимущественно фрагментарно- или применительно к отдель-

ным видам административных взысканий (например, административных штрафов (работы И. Веремеенко [1], М.Саввина [2], Т.Коломоец [1]), предупреждения (работы Ю.Куразова) [4]), или к административному принуждению в целом. В российской административно-правовой науке в наличии более фундаментальный подход к исследованию эффективности, однако с акцентом на более широкую сферу её действия. Так, например, И. Зайцев исследует эффективность как принцип производства по делам об административных правонарушениях (на примере участкового уполномоченного милиции) [5], О. Рогачева акцентирует внимание на эффективности административно-деликтного права [6]. Эффективность административных взысканий, к сожалению, остаётся вне поля пристального внимания учёных-административистов, что вполне можно считать недостатком современной отечественной административно-правовой доктрины, который необходимо устранить. Эффективность традиционно рассматривается как свойство, качество определённого предмета, явления, характеризующееся фактически достигнутой целью по отношению к ранее определённым задачам. В правовой науке эффективность рассматривается по-разному, выделяют несколько подходов к её определению: отождествление с обоснованностью, результативностью, целесообразностью; связь её с поставленной целью и использованием для этого минимальных затрат; отождествление с оптимальным вариантом поведения, необходимым для достижения цели; рассмотрение в качестве наилучшего результата для достижения поставленной цели; как максимально полезный для общества результат и т.д. [2, с. 32; 3, с. 110]. Применительно к

административным взысканиям можно отметить, что их эффективность – это свойство, качество их ресурса, которое характеризуется фактическим достижением ими целей в ходе применения. Эффективность непосредственно связана с качественной характеристикой административных взысканий, которая определяется результатами правоприменения. Эту качественную характеристику формирует соотношение запланированного (цели административного взыскания) и достигнутого (фактического результата применения). Именно поэтому целесообразным представляется рассмотрение эффективности административных взысканий как «степени достижения цели, предусмотренной законодателем» [2, с. 33-34]. Целью административных взысканий является воспитание лица, совершившего административное правонарушение, общая и специальная превенция, наказание виновного лица, соответственно необходимо практически подтвердить достижение всех составляющих их цели. В этом аспекте вполне возможным представляется использование формул, предложенных в своё время М. Саввиным для административных штрафов, однако в дальнейшем воспринятой и другими учёными-административистами при исследовании эффективности других мер административного принуждения [3], которая вполне приемлема и для административных взысканий в целом: $\mathcal{E} = P : C$, где $\mathcal{E}$ – эффективность, P – результаты, C – цель [2, с. 33; 3, с. 110]. Однако необходимо понять, что использование этой формулы «чистого эффекта» не определяет, это «абстракция, поскольку на формирование результата использование ресурса административных взысканий дополнительно влияют многочисленные позитивные и негативные факторы,

что обуславливает потребность комплексного подхода к изучению этого вопроса» [3, с. 110]. В этом контексте целесообразным является рассмотрение эффективности административных взысканий в нескольких аспектах (с учётом модели, предложенной О. Рогачёвой): целевом, социальном, экономическом, психологическом [3, с. 11-12].

Так, например, целевой аспект эффективности административных взысканий предполагает акцент на соотношение их целей и реально достигнутого результата. Если наложение предупреждения как вида административного взыскания предполагает воспитание лица, совершившего административный проступок, превенцию (общую и специальную), наказание виновного лица, однако на практике фактическое применение этого вида наказания (особенно при т.н. «заочном» участии виновного лица в рассмотрении административно-деликтного дела) сводится к направлению ему копии постановления о применении административного взыскания, без реального публичного эффекта применения предупреждения, о целевом аспекте эффективности предупреждения как вида административного взыскания, навряд ли, целесообразно вести речь. Определению дискуссии обуславливает и определение целевого аспекта эффективности исправительных работ, особенно принимая во внимание возможность отсутствия официально оформленных трудовых отношений лица, признанного виновным в совершении административного проступка, что обуславливает невозможность реального применения этого вида административного взыскания, а соответственно и реализацию целевого аспекта его эффективности. Цель административных взысканий комплексная, предполагает

наличие воспитательного, превентивного, карательного аспектов, фактическое достижение её обусловлено наличием многих факторов – абсолютной определённостью, стабильностью, унифицированностью правового основания применения административных взысканий, учётом субъектом административной юрисдикции всех обстоятельств дела, профессионализмом этого субъекта и т.д.

Выбирая тот или иной вид административного взыскания, уполномоченное лицо должно обеспечить адекватность «строгости взыскания, соотношение моральных и физических претерпеваний виновного лица» [7, с. 179] с общественной вредностью совершенного им деяния, предполагая формирование у этого лица потребности воздержаться от совершения в будущем административных проступков и оказание общепревентивного воздействия на всех иных субъектов общественных отношений. В этом аспекте целесообразным представляется пересмотр действующей системы административных взысканий, оптимизация их количества и видового разнообразия с учётом потребности приведения их в соответствие с требованиями современного времени и модификации ресурса каждого из них.

Социальный аспект эффективности административных взысканий предполагает акцент внимания на «соответствие всей системы административных взысканий и каждого из них в отдельности социальным интересам» [6, с. 11], обусловлен направленностью их на снижение уровня общественной вредной конфликтности в сфере административно-деликтных отношений. В этом отношении вполне уместным представляется учёт законодателем в процессе разработки положений нового отечественного кодифи-

цированного административно-деликтного акта при формировании положений, закрепляющих цели административных взысканий, общих задач административно-деликтного законодательства – охрана прав и свобод граждан, собственности, конституционного строя Украины, прав и законных интересов предприятий, учреждений и организаций, установленного правопорядка, укрепление законности, предупреждение правонарушений, воспитание граждан в духе точного и неукоснительного соблюдения законодательства, уважения к правам, чести, достоинству других лиц, правил совместного проживания, добросовестного выполнения своих обязанностей, ответственности перед государством.

Вполне уместным предполагается сосредоточение внимания на экономическом аспекте эффективности административных взысканий, что подразумевает применение таковых при минимизации использования организационных, материальных, временных ресурсов. К сожалению, существенное устаревание правового базиса использование ресурса административных взысканий не позволяет вести разговор об экономической эффективности большинства современных видов административных взысканий, а соответственно и всей их системы в целом. Это в полной мере имеет отношение к предупреждению, применение которого связано с минимальными ресурсными затратами, однако недооценка потенциала этого вида взыскания, обусловленная в большинстве своём несовершенством законодательной базы, на практике обуславливает минимальное применение этого вида административного взыскания и выбор в качестве замены более затратных видов административных взысканий (в некоторых случаях таких

видов, соотношение которых с совершёнными административными проступками является не вполне адекватным).

Аналогичной можно считать и ситуацию, связанную с применением исправительных работ, когда практически в процедуру исполнения постановления вовлекаются дополнительные лица (работодатели), на которых возлагаются обязательства, исполнение которых, в свою очередь, может зависеть от многих факторов, что в конечном итоге влияет на эффективность исправительных работ как вида административного взыскания. Достаточно затратными можно считать процедуру исполнения постановлений о наложении возмездного изъятия, административного выдворения (хотя спорным является отнесение вообще его к административным взысканиям, но его закрепление в ч.2 ст.24 КоАП Украины фактически формирует для этого основание), что обуславливает целесообразность пересмотра вопроса о предусмотрении таких мер принуждения в качестве видов административных взысканий в будущем или необходимости кардинальной модификации их ресурса с минимизацией затрат государства по их применению. При этом важно не забывать о том, что экономически эффективными должны быть виды административных взысканий, которые применяются как по отношению к физическим, так и к юридическим лицам.

Принимая во внимание целевую направленность административных взысканий, прежде всего воспитательно-превентивный её аспект, вполне логично вести разговор и о психологическом аспекте эффективности административных взысканий. При этом необходимо помнить, что данный аспект эффективности является сложным по содержанию, предполагает воздействие психоло-

гического характера как по отношению к виновному лицу, так и к другим лицам, что предполагает специальную и общую превенцию, воспитание виновного и окружающих лиц, «формирование у них активной гражданской позиции, желания добровольно исполнять, соблюдать, использовать или применять те или иные правовые нормы» [6, с. 12]. В этом отношении наилучшим можно признать результат нормотворческой деятельности по закреплению оснований использования ресурса общественных работ с их максимальным воспитательным и комплексным превентивным ресурсом. В то же время усовершенствование требуют правовые основания применения предупреждения, штрафа, административного ареста и т.д.

Оценка эффективности административных взысканий возможна лишь при условии учета её условий, показателей и критериев. Условия эффективности – «это обстоятельства (или их совокупность), от наличия, изменения которых зависит сама эффективность, её уровень – величина коэффициента эффективности» [2, с. 43; 3, с. 111]. Условия традиционно подразделяются на общие и специальные. К числу первых вполне возможно отнести: учеб-общих принципов регулирования в процессе формирования законодательства об административных взысканиях, соблюдение правил законодательной техники, информированность населения о законодательстве об административных правонарушениях, режим законности и т.д. Относительно специальных условий вполне логично вести разговор о: а) законодательстве об административных взысканиях, которое, к сожалению, существенно устарело по содержанию, характеризуется фрагментарностью положений относительно закрепления оснований использова-

ния ресурса видов административных взысканий, достаточно объемно и состоит из многочисленных законодательных актов (в т.ч. относительно видов административных взысканий, которые применяются к юридическим лицам), что усложняет процесс ознакомления с ним и применения; б) фактически двойственной ситуации, которая сложилась на сегодняшний день, – наличие устаревшего кодифицированного акта с основаниями применения административных взысканий относительно физических лиц и многочисленных законодательных актов с основаниями применения административных взысканий относительно юридических лиц, то есть отсутствие унифицированных правовых оснований использования ресурса административных взысканий; в) информированность субъектов правоотношений о законодательстве об административных взысканиях, уровень которой, к сожалению, признать высоким нельзя, что, в свою очередь, обуславливает рост количества административных правонарушений, их разнообразие, неэффективность общей государственной политики профилактики и противодействия противоправным, в т.ч. административным, правонарушениям. Необходимым представляется активизация профориентационной, правообразовательной, в т.ч. специализированной, работы в пределах всего государства с использованием разнообразных форм и методов, вовлечением разнообразных, в т.ч. негосударственных, субъектов. Кроме того, условиями эффективности административных взысканий вполне логично считать: г) оперативность процедуры их применения, что способствует усилению их эмоционального компонента формирования индивидуальной правовой ориентации, что возможно лишь при условии мак-

симально быстрого наступления правовых последствий реагирования на противоправное деяние. К сожалению, достаточно спорным в современных условиях является вопрос оперативности процедуры применения административных взысканий, принимая во внимание противоречивость, фрагментарность и устаревшее содержание многих положений действующего административно-деликтного законодательства Украины. К числу таковых условий дополнительно можно отнести: д) упрощенность процедуры применения взысканий, которая, несомненно, имеет место, но опять же несовершенство законодательства не позволяет вести разговор о её стопроцентном существовании (например, хотя предусмотрен «упрощенный» порядок рассмотрения дела и применения на месте совершения проступка, однако отсутствует унифицированная бланковая документация для фиксации таких случаев, детальная регламентация самой процедуры, что способствует повышению конфликтности таких ситуаций, усложняет процедуру и т.д.); е) последовательность и гибкость государственной политики относительно использования ресурса административных взысканий. К сожалению, нельзя признать наличие этих условий эффективности в Украине на современном этапе её развития – административно-деликтное нормотворческое реагирование законодателя на изменения в социально-экономической, политической жизни государства существенно отстает по времени, что создает сложности в правоприменении. Кроме того, внесение изменений в действующее законодательство отличается «точечным» характером, что снижает эффективность административно-деликтного законодательства в целом, под-

тверждает актуальную потребность принятия нового современного кодифицированного акта, который бы в систематизированном виде закрепил унифицированные основания использования ресурса административных взысканий.

К условиям эффективности административных взысканий можно отнести и авторитет органов, уполномоченных их применять. В этом же аспекте вполне логичней, с учетом многочисленных результатов правоприменительной деятельности уполномоченных органов в соответствующей сфере общественных отношений, потребностей современного времени, является модификация системы субъектов применения административных взысканий, оптимизация их количества, перераспределение их полномочий. Как результат – лишение таких полномочий административных комиссий и исполнительных комитетов при сельских, поселковых, городских советах, которые фактически «изжили» себя в качестве таковых субъектов, и перераспределение всех административно-юрисдикционных полномочий между судами и государственными органами, действующими по принципу специализации (государственными инспекциями, службами и т.д.).

В правовой науке ученые преимущественно единодушны в определении важной роли условий эффективности, хотя перечень и содержательное назначение таких условий неоднократно обуславливали острые дискуссии в среде отраслевых ученых-юристов. С вышеперечисленным перечнем условий эффективности согласны М. Саввин, И. Веремеенко, Ю. Куразов, несколько иной их формам представляет О. Рогачева, предлагая для обсуждения свой вариант, а именно: государственная политика в сфере профилактики, предупреждения

и пресечения административных правонарушений; правовые качества законов об административных правонарушениях; правоприменительная деятельность уполномоченных субъектов; правовая культура правоприменения; правосознание правонарушителя [6, с. 14] вариант, предложенный О. Рогачевой, выглядит более компактным, однако по содержанию принципиально не отличается от вышеперечисленного, что позволяет вести разговор о существовании общепризнанных основных доктринальных подходов к видовому разнообразию и содержательному наполнению условий эффективности.

Полноценная оценка эффективности административных взысканий невозможна и без её количественных показателей, предназначенных для уяснения качественных характеристик административных взысканий, речь фактически должна идти о показателях и критериях эффективности. Критерии эффективности – это «способ решения, мысль, которая определяет отношения лица к предмету, признаку...человеческим знаниям» [1, с. 179], показатели свидетельствуют о развитии явления [3, с. 114]. Критерии характеризуют явление в целом, показатели – его сущность [3, с. 114], критерии – это позитивный результат (принципиальная схема решения вопроса), показатели – реальный результат (количественные реальные показатели). Применительно к критериям эффективности административных взысканий необходимо обратить внимание на: соразмерность (соответствие, адекватность) административных взысканий характеру административного проступка; способность административного взыскания комплексно (полиструктурно) воздействовать на правонарушителя (воспитание, превенция, наказание); возмож-

ность индивидуализации взыскания с учетом обстоятельств совершения проступка (его количественные, временные показатели и т.д.); возможность замены административного взыскания иным видом (что, к сожалению, в действующем законодательстве представлено не в полной мере и негативно влияет на использование их ресурса в полной мере). Для подтверждения того или иного критерия необходимо предоставление обобщенных показателей с использованием тех или иных уточняющих факторов, аккумулированных различными уполномоченными субъектами с различными временными, территориальными параметрами, что способствует выявлению позитивных и негативных тенденций в использовании ресурса административных взысканий как их системы в целом, так и каждого индивидуально.

Выводы. Таким образом, в условиях существенной активизации отечественных нормотворческих, в т.ч. кодификационного, процессов в административно-деликтной сфере при формировании обновленного правового базиса для системы административных взысканий как реакции государства на совершение многочисленных разнообразных административных проступков повышенное внимание должно уделяться исследованию эффективных таких взысканий как фактической их результативности, что способствовать будет поиску оптимальной правовой модели исследования ресурса каждого взыскания отдельно и всей их системы в целом. Исследование этого вопроса предполагает комплексный подход к нему как со стороны ученых-административистов (в аспекте формирования научного базиса), так и законодателя (в аспекте принятия совершенного законодательства об административных взысканиях, обеспечения

его изменения), с акцентом их внимания к условиям, критериям и показателям такой эффективности.

Список использованной литературы:

1. Веремеенко И.И. *Административно-правовые санкции: учебное пособие*. М.: Юрид. лит., 1975, 192 с.
2. Саввин М.Я. *Административный штраф*. М.: Юрид. лит., 1984, 112 с.
3. Коломоець Т.О. *Адміністративний примус у публічному праві України: теорія, досвід та практика реалізації: монографія*. За заг. ред. В.К. Шкарупи, Запоріжжя: «Поліграф», 2004, 404 с.
4. Куразов Ю.Х. *Ефективність попередження як виду адміністративного стягнення*. В: Проблеми реалізації принципу верховенства права: теоретичні і практичні аспекти: Зб. матеріалів міжнародної науково-практичної Інтернет-конференції «Актуальна юриспруденція», м. Київ, 14 грудня 2012 року: тези доповідей, К., 2012, с. 61-65.
5. Зайцев И.А. *Реализация принципов законности, целесообразности, справедливости и эффективности в производстве по делам об административных правонарушениях (на примере участкового уполномоченного милиции)*. В: Перспективы оптимизации административного процесса: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию М.Я. Масленникова. Отв. ред. А.С. Дугенец, М.: ФГУ «ВНИЦ МВД России», 2011, с. 166-172.
6. Рогачева О.С. *Эффективность норм административно-деликтного права: автореф. дис. ...д.ю.н. / О.С. Рогачева*. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2012. – 49 с.
7. Серков П.П. *Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы: монография / П.П. Серков*. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. – 480 с.

ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЕС И СТРАН БЫВШЕГО СССР: ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЯ ДЛЯ УКРАИНЫ

М. ГЕРМАНЮК,

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры административного и хозяйственного права,
юридический факультет, Запорожский национальный университет

SUMMARY

In the article the basic principles of public service in foreign countries are analyzed, the nature and content of these principles are determined. On the basis of the existing regulations in the European Union and countries of the former Soviet Union consolidation principles of public service in law are studied. The paper summarizes the model of public service in the countries and states on the basis of differences of relevant models to the public service in Ukraine. Author focuses on the principle of public service, which are characteristic of the sub-sector public service in Ukraine, analyzes their features and content. Key areas of public service reform in Ukraine on the basis of the positive experience of borrowing in foreign countries are identified. Attention of the need for borrowing only the experience of those countries whose public service model most similar to domestic models, and in which the public service has developed in similar historical circumstances are stressed.

Keywords: state service, public service, civil servant, principles of public service, closed model of public service, open model of public service.

РЕЗЮМЕ

В статье проанализированы основные принципы государственной службы в зарубежных странах, определены сущность и содержание этих принципов. На базе имеющихся нормативно-правовых актов стран Европейского Союза и стран бывшего СССР изучено закрепление принципов государственной службы на законодательном уровне. В статье дана краткая характеристика моделей государственной службы в указанных странах и указано на основе отличия соответствующих моделей с государственной службой в Украине. Выделены принципы государственной службы, которые не характерны для подотрасли государственной службы в Украине, проанализированы их особенности и содержание. Определены основные направления реформирования государственной службы в Украине на базе заимствования положительного опыта зарубежных государств. Акцентируется внимание на необходимости заимствования лишь опыта тех стран, чьи модели государственной службы наиболее похожи на отечественную модель и в которых государственная служба развивалась в похожих исторических условиях.

Ключевые слова: государственная служба, публичная служба, государственный служащий, принципы государственной службы, закрытая модель государственной службы, открытая модель государственной службы.

Постановка проблемы. В современных условиях обновления законодательства о государственной службе приобретает актуальность проблема заимствования зарубежного опыта в регулировании государственной службы, в частности в аспекте закрепления и реализации ее основополагающих принципов, идей – принципов государственной службы. В связи с особенностью государственной службы как комплексного правового образования возникает потребность в детальном исследовании принципов государственной службы в зарубежных государствах – их законодательного закрепления, особенностей применения, проблем реализации –

для определения приоритетных направлений реформирования подотрасли государственной службы с возможностью определения предпосылок использования опыта зарубежных государств в регулировании этого вопроса.

Актуальность темы. Рациональное использование достижений правовых систем мира, в частности достижений законодательства о государственной службе, позволит углубить и ускорить процессы глобализации правовых систем, в частности распространить процессы европеизации в Украине, начиная формированием влияния европейского законодательства на отрасли, подотрасли и институты украинского законода-

тельства и переходя к формулированию конкретных правовых норм, в т.ч. в подотрасли государственной службы. Именно поэтому проблематике государственной службы, отдельных ее институтов, в том числе и принципам государственной службы в Украине, а также принципам государственной службы в зарубежных государствах, уделялось внимание в разные исторические периоды в научных трудах В. Аверьянова, Д. Бахраха, Ю. Битяка, Л. Белой-Тиуновой, И. Василенко, В. Власова, И. Грицяка, Ж. Зиллера, И. Евтихиева, М. Еропкина, Т. Желюк, К. Кенника, С. Кивалова, Ю. Козлова, Т. Коломонец, В. Малиновского, В. Манохина, А. Ноздрачьева,

А. Оболенского, Г. Петрова, Т. Соколовой, С. Стеценко, С. Студеникина, Б. Топорника, Ю. Шемшученко, А. Школика и других.

Вышеизложенное обуславливает цель этой статьи – проанализировать принципы государственной службы в законодательстве зарубежных государств, определить сущность и содержание этих принципов и приоритетные направления заимствования соответствующего положительного опыта для законодательства Украины по вопросам государственной службы.

Изложение основного материала исследования. В аспекте заимствования зарубежного опыта всегда возникает вполне логичный вопрос относительно правильности выбранного пути, так сказать вектора заимствования соответствующих положений зарубежного законодательства. С одной стороны, необходимо стараться учитывать национальные особенности юридической регламентации указанных правоотношений и специфику подотрасли государственной службы в Украине. При таких условиях, обязательным на этом пути является заимствование опыта государств, имеющих сходную модель государственной службы, похожее по форме и функциям публичное администрирование и т.п. В контексте этого, наиболее оправданным является заимствование опыта Российской Федерации и других государств бывшего Советского Союза, законодательство которых является приближенным к отечественному. С другой стороны, следует учитывать евроинтеграционные попытки и стремления украинского государства, которые обуславливают потребность приближения отечественного административного законодательства и самой государственной службы к «евро-

пейским стандартам». В связи с этим представляется необходимым проанализировать соответствующие принципы, зафиксированные в законодательстве о государственной службе как государств Европейского Союза, так и государств бывшего СССР.

В частности, немецкое законодательство определяет отношения в сфере государственной службы как публично-правовые отношения, где одной стороной выступает чиновник, а другой – федеративные, земельные органы власти, другие учреждения публичного характера. Ознакомление с законодательством о государственной службе Федеративной Республики Германия (далее – ФРГ) дает возможность говорить об определенной системе законодательного регулирования государственно-служебных отношений, которая учитывает федеративное устройство государства, традиции, необходимость централизованного решения ряда вопросов и определенной децентрализации в этой сфере [1, с. 71; 2, с. 312]. Традиционные принципы немецкой государственной службы были восстановлены с принятием 23 мая 1949 года Конституции ФРГ [3, 2, с. 312].

Можно уверенно говорить, что Основной закон ФРГ заложил основы современной государственной службы в Германии, поскольку положения, касающиеся этого института, есть практически во всех главах Конституции. На базе Основного Закона в ФРГ были приняты: Федеральный закон о чиновниках (Общий закон о правовом положении государственных служащих) от 14 июля 1953 года [4, с. 116-120], Закон о федеральных чиновниках (служащих) от 18 сентября 1957 года [4, с. 116], Закон об обеспечении государственных служащих от 24 октября 1990

года [5; 2, с. 312-313]. Основным актом, регулирующим вопросы государственной службы, является Федеральный закон о чиновниках, принятый в 1953 году. Этот закон дает общее определение статуса чиновников, в нем сформулированы принципы, их назначение, продвижение по службе, определены права и обязанности служащих, условия, которым должен соответствовать чиновник, и определяет особые качества, позволяющие претендовать на звание государственного служащего [6, с. 89; 7, с. 38].

Ученый-юрист К. Кеник, исследуя соответствующую проблематику, выделяет следующие принципы государственной службы в ФРГ, которые закреплены в Основном законе ФРГ (ст. 33), в частности: публично-правовое служебное отношение и верность чиновника государству (сюда входит и принцип политического нейтралитета чиновников); пожизненное назначение на публичную службу (принцип пожизненной службы); окончание публично-правового служебного отношения основывается только на законных основаниях; защита самим государством правового положения чиновников в случае причинения им ущерба и убытков; социальное обеспечение за счет государства и выплата денежного содержания, согласно занимаемой должности; свобода мысли и свобода создания общественных объединений; создание особых представительств чиновничества; право на ознакомление с личным делом; равный доступ гражданина к каждой публичной должности согласно его квалификации, профессиональной пригодности, способности и деловых качеств [8]. В свою очередь, среди основных принципов построения аппарата профессионально-

го государственного чиновничества ФРГ Т. Соколова определяет: принцип пожизненной службы, принцип выплаты денежного содержания в соответствии с занимаемой должностью, принцип социального обеспечения за счет государства, принцип связи профессионального обучения с карьерным продвижением [6, с. 89; 9, с. 130].

Другой является структура государственной службы в Итальянской Республике, где выделяются следующие типы служащих: служащие министерств, преподаватели государственных школ и университетов (сочетается принцип подчиненности с принципом свободы преподавания), военные и персонал полиции, дипломаты, магистраты (судьи), руководящий состав государства, сотрудники государственных автономных служб, персонал конституционных органов государства, служащие областных, местных и других публичных учреждений [4]. Конституцией Италии закреплено равное право граждан обоюбого пола на поступление на государственную службу и занятие выборных должностей. Конституция предполагает, однако, ограничение права принадлежности к политическим партиям для судей, кадровых военных действительной службы, должностных лиц и агентов полиции, дипломатов и консульских представителей за рубежом. Закон «О государственной службе» от 29 марта 1983 года закрепляет перечень принципов государственной службы среди которых: верность нации, служение общественному интересу, иерархичность и т.д. [4].

В свою очередь, Законом Республики Болгария установлено, что государственная служба базируется на принципах законности, лояльности, ответственности, стабильности, политической нейтральности

и иерархической подчиненности (ст. 18 Закона от 27 августа 1999 года «О государственном служащем») [10, с. 26]. В Литовской Республике публичная служба базируется на принципах уважения к человеку и государству, справедливости, беспристрастности, порядочности, объективности, ответственности, публичности, образцовости, которые закреплены в ст. 3 «Основные принципы этики публичной службы и публичных служащих» Закона от 23 апреля 2002 года «О публичной службе» [11, с. 428]. Интересным и нуждающимся в заимствовании является подход литовского законодателя, согласно которому указанные принципы раскрываются в этой же статье, т.е. законодатель объясняет содержание указанных принципов и раскрывает их сущность.

В других государствах Европейского Союза фиксация принципов государственной службы с описанием их перечня в отдельной статье не осуществляется. Указанные принципы косвенно вытекают из других положений законодательства о публичной службе. Так, например, во Французской Республике действует соответствующая система нормативно-правовых актов, определяющих организационно-правовые основы публичной службы, в частности: Закон № 83-634 от 13 июля 1983 года «О правах и обязанностях служащих», Закон № 84-16 от 11 января 1984 года «Об уставных положениях о публичной службе государства» [12, с. 153-154]. В указанной нормативной базе четко закрепленого перечня принципов государственной (публичной) службы нет. Однако, можно выделить наиболее общие правила приема и прохождения государственной службы, другими словами принципы государственной службы. Так, например, принцип кон-

курсного отбора вытекает из ст. 19 Закона «Об уставных положениях о публичной службе государства», согласно которой набор служащих осуществляется путем проведения конкурса [13, с. 153-154].

Правда, существуют и внеконкурсные процедуры набора персонала, которые включают: использование списков пригодности, проведение профессиональных экзаменов, а также произвольный отбор, есть перечень высших должностей, назначение на которые осуществляется по решению правительства [14, с. 75-76]. Принцип равного доступа к публичной службе вытекает из ст. ст. 5 и 5bis Закона «О правах и обязанностях служащих», согласно которым граждане государств-членов Европейского Сообщества или других, кроме Франции, государств-участников договора о Европейском экономическом пространстве имеют право на доступ на условиях, предусмотренных общим уставом, к службе в составе корпусов, в штатах и на должностях [15, с. 153-154]. Принцип ответственности служащего вытекает из положений ст. ст. 29-30 упомянутого Закона: «любая вина, осуществленная служащим при исполнении или по поводу выполнения им служебных обязанностей, ведет к применению дисциплинарного наказания, не исключая, в случае необходимости, наказания, предусмотренного уголовным законом ...» [15, с. 156] и т.п.

Аналогичным способом (т.е. косвенно) принципы государственной службы закреплены и в Законе Чешской Республики от 26 апреля 2002 года «О службе государственных служащих в административных учреждениях и о вознаграждении государственных служащих и других работников административных учреждений (Закон о службе)». Так, например, принцип закон-

ности – государственные служащие обязаны соблюдать служебные правила (§ 10) [16, с. 275]; конкурсный отбор – положения главы II указанного Закона [16, с. 281], принцип патриотизма и служения народу – государственные служащие обязаны оставаться верными Чешской Республике при исполнении своих служебных обязанностей (§ 61) [16, с. 300], принцип добродетели – государственные служащие обязаны беспристрастно выполнять службу в рамках предоставленных им полномочий и воздерживаться от выполнения любых действий, которые могут поставить под угрозу беспристрастность принятия решений (§ 61) [16, с. 300], принцип прозрачности – государственные служащие обязаны обеспечивать доступ к информации служебного учреждения согласно Закону «О свободном доступе к информации», если это является частью их работы (§ 61) [16, с. 301]; политической нейтральности – в течение всего срока служебных отношений чиновник не может занимать никакой должности в политической партии или политическом движении (§ 64) [16, с. 304]; ответственности – государственный служащий, за исключением Генерального директора, несет ответственность за дисциплинарный проступок (§ 71) [16, с. 306], социальная защищенность государственных служащих – специальные правовые положения предусматривают осуществление медицинского страхования здоровья и пенсионного страхования государственных служащих (§ 109) и т. п.

В свою очередь, в Польской Республике в Законе от 18 декабря 1998 года «О гражданской службе» закреплены принципы свободного доступа к гражданской службе (ст. 5), конкурсного отбора на службу для отдельных категорий должностных лиц (ст.

ст. 43а, 44, 44А и т.д.), законности, добропорядочности, профессионализма, политической нейтральности и лояльности (ст. ст. 67-77), ответственности (ст. ст. 106-108) и т.д. [17, с. 388-426].

Итак, можно сделать вывод, что принципы государственной службы, закрепленные в законодательстве зарубежных государств, в частности, европейском, нашли свое отражение и закрепление в украинском законодательстве (новый Закон Украины «О государственной службе»), что свидетельствует о глубоких процессах трансформации европейских норм в украинскую правовую систему. Следует и в дальнейшем использовать положительный опыт зарубежных стран, что позволит приблизиться украинскому законодательству о государственной службе к европейским стандартам в этой сфере публично-правовых отношений.

Весьма похожими между собой и однообразными по своему содержанию являются принципы государственной службы в постсоветских странах. Так, согласно ст. 3 Закона Российской Федерации «О системе государственной службы Российской Федерации» основными принципами построения и функционирования системы государственной службы являются: федерализм, обеспечивающий единство системы государственной службы и соблюдение конституционного разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации; законность; приоритет прав и свобод человека и гражданина, их непосредственное действие, обязательность их признания, соблюдения их защиты; равный доступ граждан к государственной службе; единство правовых и организаци-

онных основ государственной службы, которое предусматривает законодательное закрепление единого подхода к организации государственной службы; взаимосвязь государственной службы и муниципальной службы, открытость государственной службы и ее доступность общественному контролю, объективное информирование общества о деятельности государственных служащих; профессионализм и компетентность государственных служащих; защита государственных служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность как государственных органов и должностных лиц, так и физических и юридических лиц [18]. Как видим, указанный перечень принципов является достаточно содержательным и широким, фактически в эту систему основных руководящих идей входят и основные, и организационные, и процедурные принципы государственной службы.

Согласно ст. 6 Закона Республики Беларусь от 14 июня 2003 года «О государственной службе в Республике Беларусь», принципами государственной службы являются: верховенство Конституции Республики Беларусь; служение народу Белоруссии; законность; приоритет прав и свобод человека и гражданина, гарантии их реализации; гуманизм и социальная справедливость; единство системы государственной службы и ее дифференциация исходя из концепции разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную; гласность; профессионализм и компетентность государственных служащих; подконтрольность и подотчетность государственных служащих, персональная ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение ими своих служебных обязанностей; добровольность вступле-

ния граждан на государственную службу; равный доступ граждан к любым должностям в государственной службе и продвижения по государственной службе в соответствии с их способностями, профессиональными знаниями и образованием; стабильность государственной службы с целью обеспечения преемственности власти; экономическая, социальная и правовая защищенность государственных служащих [19].

В свою очередь, согласно ст. 3 Закона Республики Казахстан от 23 июля 1999 года «О государственной службе» [20], принципами государственной службы являются: законность; казахстанский патриотизм, единство системы государственной службы, независимо от разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную ветви; приоритет прав, свобод и законных интересов граждан перед интересами государства; общедоступность, т.е. равное право граждан республики на доступ к государственной службе и продвижения по государственной службе в соответствии со своими способностями и профессиональной подготовкой; добровольность вступления граждан на государственную службу; профессионализм и компетентность государственных служащих; равная оплата труда за выполнение равнозначной работы; обязательность исполнения решений, принятых вышестоящими государственными органами и должностными лицами в пределах их полномочий, для подчиненных государственных служащих и служащих низших государственных органов; подконтрольность и подотчетность государственных служащих, учет общественного мнения и гласность, за исключением деятельности, что составляет государственные секреты или иную охраняемую законом тайну, правовая и социальная защищенность государственных

служащих; поощрения государственных служащих за добросовестное, инициативное исполнение должностных обязанностей, выполнение заданий особой важности и сложности; персональная ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение государственным служащим должностных обязанностей и превышение им своих полномочий; непрерывность повышения квалификации государственных служащих [20].

Рассматривая законодательство о государственной службе Республики Армения, следует обратиться к Закону от 04 декабря 2002 года «О государственной службе в аппарате Национального собрания Республики Армения», в котором закрепляются следующие принципы государственной службы: верховенство Конституции, законов Республики Армения, приоритет прав и свобод человека и гражданина; стабильность государственной службы в Аппарате; единство основных требований, предъявляемых к государственным служащим Аппарата и равноправие государственных служащих перед законом; гласность государственной службы в Аппарате; политкорректность государственных служащих Аппарата; профессионализм государственных служащих Аппарата, правовая и социальная защищенность государственных служащих Аппарата, ответственность государственных служащих Аппарата за неисполнение или ненадлежащее исполнение ими своих служебных обязанностей; подконтрольность и подотчетность деятельности государственных служащих Аппарата [21].

Весьма схожие принципы государственной службы отражены и в Законе Азербайджанской Республики от 21 июля 2000 года «О государственной службе», а именно: законность, установление границ компетенции законо-

дательных, исполнительных органов и органов судебной власти в Азербайджанской Республике; подконтрольность и подотчетность государственных органов и государственных служащих; обязательность решений вышестоящих государственных органов и должностных лиц, принятых в пределах их компетенции, для низших государственных органов и должностных лиц; обязанности всех граждан и должностных лиц выполнять законные требования государственных служащих и защищать их законные действия; прозрачности поступления на государственную службу; поступления граждан на государственную службу на основе конкурса; равноправие граждан в занятии той или иной должности государственной службы в соответствии со своими способностями, успехами по службе и профессиональной подготовкой; равноправие государственных служащих независимо от расы, национальности, языка, пола, социального происхождения, семейного, имущественного и служебного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других причин, не относящихся к деловым качествам служащих; экономичное использование потенциала государственных служащих, ротация в целях повышения их служебного и профессионального уровня; социальная и правовая защищенность государственных служащих, обеспечения для них и их семей достойного уровня жизни, ответственность государственного служащего за выполнение им служебных обязанностей, а также ответственности государственного органа за действия государственного служащего [22].

В свою очередь Законом Грузии от 31 октября 1997 года «О публичной службе» в ст. 13 предусмотрено, что основными прин-

ципами публичной службы в Грузии: верность Государству Грузии и народа Грузии; соблюдение верховенства Конституции Грузии и законов Грузии при реализации служащими должностных обязанностей, уважение прав, свобод и достоинства человека и гражданина; равная доступность публичной службы для граждан Грузии в соответствии с их способностями и профессиональной подготовкой; профессионализм и компетентность служащих; беспартийность и публичный характер публичной службы; стабильность кадров служащих; экономическая, социальная и правовая защита служащих [23, с. 641].

Выводы. При заимствовании зарубежного опыта в области государственной службы следует учитывать национальные особенности указанных правоотношений и специфику подотрасли государственной службы в Украине. В контексте этого, наиболее оправданным является заимствование опыта Российской Федерации и других государств бывшего Советского Союза, законодательство которых является приближенным к отечественному. С другой стороны, учитывая евроинтеграционные и глобализационные правовые процессы в целом и в сфере государственной службы в частности, происходящие в государствах по всему миру, следует обеспечить приближения отечественного законодательства о государственной службе к «европейским стандартам», что вызвано необходимостью унификации и гармонизации национальных правовых систем в условиях сотрудничества и обмена правовым опытом.

Рассматривая принципы государственной службы в постсоветских государствах, можем обратить внимание на их однотипность и повторяемость при фиксации в соответствующих нормативно-правовых актах того или иного государства (хотя не-

которые и отличаются разной формулировкой, однако одинаковы или тождественны по своему содержательному наполнению), что объясняется похожими условиями формирования и функционирования государственной службы в этих государствах. Положительным, в аспекте заимствования, следует признать довольно основательную регламентацию указанных принципов в законодательстве с четким описанием перечня принципов государственной службы в рамках одной статьи нормативно-правового акта.

Что касается опыта государств-членов Европейского Союза, то в целом можно заметить, что даже поверхностный анализ регулирования нормативного закрепления принципов государственной службы в них дает основания утверждать о закреплении меньшего количества принципов (в отличие от отечественного аналога – Закона Украины «О государственной службе» с его перечнем принципов), но среди них, как правило, всегда есть: верховенство права, законность, политическая нейтральность и лояльность, добродетель, стабильность, прозрачность, персональная ответственность, что позволяет определить указанные принципы как фундаментальную основу публичной (государственной) службы в европейских государствах. Кроме того, одной из существенных особенностей нормативной фиксации указанных принципов в европейских государствах является то, что они, как правило, не закрепляются отдельным перечнем (законодательство Франции, Чехии, Польши и других). Вместе с тем, интересным с точки зрения заимствования выглядит опыт литовских законодателей, согласно которому принципы государственной службы не только закрепляются отдельным перечнем, но и раскрывается

их содержание в последующих статьях нормативно-правового акта, регулирующего вопросы государственной службы.

Список использованной литературы:

1. Школик А.М. *Порівняльне адміністративне право: Навч. посібник для юридичних факультетів та факультетів міжнародних відносин*. Львів: ЗУКЦ, 2007, 308 с.
2. *Правова система України: історія, стан та перспективи*: у 5 т. Х.: Право, 2008. Т. 2: Конституційні засади правової системи України і проблеми її вдосконалення. За заг. ред. Ю.П. Битяка, 576 с.
3. *Конституція ФРН*: Закон Федеративної Республіки Німеччини від 23 травня 1949 року [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/LAW/BRD.HTM>.
4. *Административное право зарубежных стран: учеб. Пособие*. Под ред. проф. А.Н. Козырина, М.: Спарк, 1996, 229 с.
5. *Bundesgesetzblatt*, 1990, № 1, s. 449; BGBL. 3. 2030-7.
6. Соколова Т.А. *Особливості проходження державної служби в розвинених країнах*. Інвестиції: практика та досвід, 2011, № 3, с. 87-92.
7. *Государственное право Германии*. Под ред. Б. Топорника, М.: Юрид. лит., 1994, 189 с.
8. Кеник К.И. *Государственная служба Германии*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pravo.kulichki.com/dop/otdk/otdk0197.htm>.
9. Василенко И.А. *Административно-государственное управление: учеб. Пособие*. М.: Гос. акад. упр., 1994, 172 с.
10. *Про державного службовця*: Закон Республіки Болгарія від 27 серпня 1999 року. В: Публічна служба. Зарубіжний досвід та пропозиції для України. За заг. ред. Тимошука В.П., Школика А.М., К.: Конус-Ю, 2007, с. 601-637.
11. *Про публічну службу*: Закон Литовської Республіки від 23 квітня 2002 року. В: Публічна служба. Зарубіжний досвід та пропозиції для України. За заг. ред. Тимошука В.П., Школика А.М., К.: Конус-Ю, 2007, с. 427-453.
12. *Публічна служба. Зарубіжний досвід та пропозиції для України*. За заг. ред. Тимошука В.П., Школика А.М., К.: Конус-Ю, 2007, с. 427-453.
13. *Про статутні положення стосовно публічної служби держави*: Закон Французької Республіки від

11 січня 1984 року. Публічна служба. Зарубіжний досвід та пропозиції для України. За заг. ред. Тимошука В.П., Школика А.М., К.: Конус-Ю, 2007, с. 153-154.

14. Литвинцева Є.А. *Державна служба в зарубіжних країнах*. М.: Изд-во РАГС, 2004, 226 с.

15. *Про права і обов'язки службовців*: Закон Французької Республіки від 13 липня 1983 року. В: Публічна служба. Зарубіжний досвід та пропозиції для України. За заг. ред. Тимошука В.П., Школика А.М., К.: Конус-Ю, 2007, с. 153-166.

16. *Про службу державних службовців у адміністративних установах і про винагороду державних службовців та інших працівників адміністративних установ (Закон про службу)*: Закон Чеської Республіки від 26 квітня 2002 року // Публічна служба. Зарубіжний досвід та пропозиції для України. За заг. ред. Тимошука В.П., Школика А.М., К.: Конус-Ю, 2007, с. 269-287.

17. *Про цивільну службу*: Закон Польської Республіки від 18 грудня 1998 року. В: Публічна служба. Зарубіжний досвід та пропозиції для України. За заг. ред. Тимошука В.П., Школика А.М., К.: Конус-Ю, 2007, с. 388-426.

18. *Про систему державної служби Російської Федерації*: Закон Російської Федерації від 27 травня 2003 року [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://www.consultant.ru/popular/gossluzh/>.

19. *Про державну службу в Республіці Білорусь*: Закон Республіки Білорусь від 14 червня 2003 року [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=h10300204&p2={NRPA}>.

20. *Про державну службу*: Закон Республіки Казахстан від 23 липня 1999 року [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://www.pavlodar.com/zakon/?dok=00083&ogl=all>.

21. *Про державну службу в апараті Національних зборів Республіки Вірменія*: Закон Республіки Вірменія від 04 грудня 2002 року [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://www.parliament.am/legislation.p?sel=show&ID=1333&lang=rus>.

22. *Про державну службу*: Закон Азербайджанської Республіки від 21 липня 2000 року [Електронний ресурс]. Режим доступу: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2617.

23. *Про публічну службу*: Закон Грузії від 31 жовтня 1997 року. Публічна служба. Зарубіжний досвід та пропозиції для України. В: За заг. ред. Тимошука В.П., Школика А.М., К.: Конус-Ю, 2007, с. 601-637.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ УКРАИНЫ – ОСНОВА (СТЕРЖЕНЬ) ИХ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА

М. ВИХЛЯЕВ,

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и трудового права, юридический факультет, Запорожский национальный университет

SUMMARY

In the article review of scientific opinions of representatives of administrative legal science on the definition of «administrative legal personality» and its components is exercised, definition of «administrative legal personality of public associations» is given, its elements are defined.

The author singles out the following list of elements of the administrative legal personality of public associations: 1) ability to have administrative rights and responsibilities; 2) ability to independently implement appropriate administrative rights; 3) ability to independently implement established competence endowed under delegated powers; 4) ability to independently apply administrative coercion under delegated authority; 6) ability to recognize themselves, to guarantee and protect the rights and freedoms of citizens in relations with the public administration; 7) ability to independently to bear administrative liability.

Key words: administrative legal personality, administrative active capacity, administrative passive capacity, administrative tort capacity, public associations.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются научные точки зрения представителей административно-правовой науки относительно определения понятия «административная правосубъектность» и его составных элементов, приводится определение понятия «административная правосубъектность общественных объединений» и определяются ее составляющие элементы. Автор выделяет следующий перечень элементов административной правосубъектности общественных объединений: 1) способность иметь административные права и обязанности, 2) способность самостоятельно реализовывать надлежащие административные права, 3) способность самостоятельно реализовывать установленную компетенцию, наделенную в рамках делегированных полномочий; 4) способность самостоятельно применять меры административного принуждения в рамках делегированных полномочий; 6) способность самостоятельно признавать, гарантировать и защищать права и свободы граждан в отношениях с органами публичной администрации; 7) способность самостоятельно нести административно-правовую ответственность.

Ключевые слова: административная правосубъектность, административная дееспособность, административная правоспособность, административная деликтоспособность, общественные объединения.

Постановка проблемы.

Актуальность статьи основывается тем, что в ней рассматриваются противоречивые мнения украинских и зарубежных ученых-административистов относительно понимания правовых понятий, которые являются признаками субъектов административного права. В современ-

ной административно-правовой науке Украины не существует единой точки зрения относительно понимания следующих дефиниций: «административно-правовой статус», «административная правосубъектность», «административная дееспособность», «административная деликтоспособность», «админи-

стративная правоспособность», что обуславливает необходимость осуществления анализа значительного количества научных источников, посвященных исследованию этого вопроса.

Актуальность темы. Учитывая факт отсутствия единого понимания сущности этих общих понятий науки административного права, без каких-либо возражений можно утверждать об отсутствии единого определения понятия «административная правосубъектность общественных объединений» и его составляющих элементов. Попытки автора статьи предложить решение обозначенной проблемы отсутствия общепринятого определения указанного понятия и его составляющих элементов является **целью статьи.**

Изложение основного материала исследования. В украинской юридической науке вопросам правосубъектности отдельных видов объединений граждан Украины уделяли внимание ученые – представители различных научных юридических специальностей, однако детальное внимание административной правосубъектности общественных объединений в отечественной административно-правовой науке пока не уделялось.

Анализ перечней составных элементов административно-правового статуса, которые приводят в своих научных трудах отечественные ученые, свидетельствует, что подавляющее большинство из них не относят административную правосубъектность в его состав.

Однако стоит акцентировать внимание, что подобная позиция не является устоявшейся. Так, например, известный ученый-административист Ю.П. Битяк отмечает, что административно-правовой статус личности обу-

словливается объемом и характером его административной правосубъектности, которую составляют административная дееспособность и административная правоспособность [1, с. 58-59].

И.П. Голосниченко, Н.Ф. Стахурский, Н.И. Золотарева при исследовании административно-правового статуса также акцентируют внимание на роли административной правосубъектности, которая, по их мнению, является основой административно-правового статуса [2, с. 60]. По этому поводу Т.А. Мацелик справедливо отмечает, что правовой статус организаций как общетеоретическое понятие мало исследовано в юридической науке [3, с. 151].

Именно этот факт является причиной отсутствия устоявшейся теории относительно понимания как правового статуса, так и его разновидности – административно-правового статуса, и как следствие – дискуссия о принадлежности административной правосубъектности к структуре административно-правового статуса, однако не возникает никаких сомнений точка зрения, что административная правосубъектность является основой административно-правового статуса, без наличия которой у субъекта административного права, нельзя говорить о его административно-правовом статусе.

Переходя к рассмотрению подходов относительно понимания сущности понятия «административная правосубъектность» и его составляющих элементов, стоит начать с точки зрения мэтра науки административного права Украины В.Б. Аверьянова, который отмечал, что, обращаясь к понятию административной правосубъектности, следует определить ее как

способность лица иметь и реализовывать (осуществлять) непосредственно или через своего представителя предоставленные ему нормами права – субъективные права и обязанности. По его мнению, содержание данного понятия имеет два элемента: 1) способность иметь субъективные права и обязанности – административная правоспособность 2) способность реализовывать предоставленные права и обязанности – административная дееспособность. Административная правоспособность – это способность субъекта иметь права и обязанности, предусмотренные нормами административного права. Составной административной правоспособности является административная деликтоспособность, т.е. способность субъекта нести за нарушение административно-правовых норм юридическую (как правило, административную) ответственность [4, с. 107].

В.Б. Аверьянова, приводя определение понятия «административная правосубъектность», сочетал в нем определения двух составляющих элементов этого понятия – административную правоспособность и дееспособность, определяя его как способность. Сущность понятия «способность» как в социальном, так и в правовом аспекте исследовала Т.А. Мацелик. Она утверждает, что в социальном смысле под способностью понимается степень интеллектуальных, волевых и физических возможностей лиц при выборе способов поведения, в правовом – как широкий круг гарантированных государством лицу возможностей и обязательств социального характера [5, с. 91]. Предложенное В.Б. Аверьяновым определение понятия «административная правосубъектность» в своих науч-

ных трудах поддерживают другие ученые-административисты Украины, раскрывая его через определение его двух составляющих и указывая на его специфику как отраслевой разновидности общей правосубъектности, а именно на сферу возможностей иметь и реализовывать права и обязанности. Под этими сферами ученые-административисты понимают отношения в сфере государственного управления, исполнительной власти или публичной администрации, в зависимости от периода, в котором их работы были опубликованы, и принадлежности ученого к той или иной школе науки административного права Украины. Так, например, Ю.П. Битяк, В.В. Богуцкий, В.Н. Гаращук определяют административную правоспособность как одну из двух составляющих административной правосубъектности как возможность субъекта административных правоотношений иметь права и нести юридические обязанности в сфере исполнительной власти [6, с. 82], С.В. Кивалов – в сфере государственного управления [7, с. 114], Т.А. Коломеец – в сфере публичной администрации [8, с. 171].

Однако стоит отметить, что существуют другие научные подходы, согласно которым в структуру административной правосубъектности включают другие элементы, кроме административной правоспособности и дееспособности. В.К. Колпаков считает, что составляющими административной правосубъектности являются потенциальная способность иметь права и обязанности в сфере государственного управления (административная правоспособность), реализовывать предоставленные права и обязанности в сфере государственного

управления (административная дееспособность), наличие субъективных прав и обязанностей в сфере государственного управления [8, с. 90], чем фактически приравнивает указанное понятие к административно-правовому статусу. Мнение отнесения прав и обязанностей к структуре административной правосубъектности субъекта права в сфере публичной администрации встречается и в современных диссертационных работах молодых ученых. Так, например, И.И. Диткевич, исследуя административную процессуальную правосубъектность, отмечает, что ее элементами являются административная процессуальная правоспособность, административная процессуальная дееспособность, а также конкретные административно-процессуальные права и обязанности.

По его мнению, именно административная процессуальная правосубъектность закрепляет правовое положение субъектов административного процесса [9, с. 211], что также вызывает логичный вопрос: как он разграничивает административную процессуальную правосубъектность и административно-правовой статус. Поскольку в соответствии с положениями теории права правосубъектность является лишь предпосылкой вступления субъекта права в правоотношение, в которых непосредственно реализуется норма права и в которых указанный субъект приобретает права и исполняет обязанности, следовательно правосубъектность является предпосылкой приобретения субъектом объективных прав, поэтому в структуре административной правосубъектности следует относить права и обязанности субъекта права в сфере правоотношений.

В административно-правовой науке также встречается подход относительно выделения в структуре административной правосубъектности, кроме административной правоспособности и дееспособности, отдельного третьего элемента – административной деликтоспособности, которую большинство ученых-административистов относят к составляющей административной дееспособности.

Так, например, М.В. Костив, исследуя административную правосубъектность юридических лиц, в диссертационной работе обосновывает свою следующую точку зрения: он выделяет три элемента правосубъектности: правоспособность, дееспособность и деликтоспособность, исследует их содержание и соотношение, при этом предоставляя самостоятельное значение деликтоспособности. Дееспособность юридического лица зависит от целей и задач, для реализации которых она создана и которые закреплены в ее уставе. Способность лица отвечать за осуществление деликтов (правонарушений) не охватывается содержанием дееспособности, а составляет содержание самостоятельной категории – деликтоспособности, поскольку дееспособность рассматривается как признанная законом способность осуществлять только правомерные действия с целью приобретения, осуществления, изменения или прекращения прав или обязанностей, поэтому он считает, что деликтоспособность является самостоятельным элементом административной правосубъектности юридических лиц [10, с. 13]. Безусловно нужно согласиться с М.В. Костивым, что дееспособность – это способность осуществлять только

правомерные действия, однако деликтоспособность – это способность нести юридическую ответственность, и факт наличия у субъекта права деликтоспособности не предусматривает наличие у него возможности совершать неправомерные действия.

Согласно теории права, юридическая ответственность в ретроспективном аспекте – это обязанность субъекта права претерпеть определенные ограничения различного характера (организационного, личного, имущественного, финансового и др.) за совершенное правонарушение, при этом одним из оснований привлечения к юридической ответственности является юридическое основание, которое отличает юридическую ответственность от других видов социальной ответственности. Юридическое основание – это конкретная норма действующего законодательства, которая предусматривает вышеуказанную обязанность субъекта права претерпеть определенные ограничения. Поскольку правосубъектность предполагает не только способность иметь и реализовывать права, но и способность иметь и исполнять обязанности, а юридическая ответственность – это именно разновидность обязанности, поэтому целесообразно выделять отдельный третий элемент правосубъектности, такой, как деликтоспособность. Итак, наиболее обоснованной и общепринятой точкой зрения для науки административного права является распределение административной правосубъектности на две составляющие: административную правоспособность и административная дееспособность, относительно разграничения которых также

существует определенная дискуссия. В этом контексте следует поддержать мнение Т.А. Мацелик, которое было сформировано ей по результатам анализа большого количества точек зрения по поводу соотношения двух указанных понятий. Она считает, что правоспособность – это способность быть субъектом права и без своей воли, тогда как дееспособность – это способность быть субъектом права актом своей воли. По ее мнению, административная правоспособность как форма административной правосубъектности является проявлением еще неоформленной воли субъекта [5, с. 93].

Рассмотрение сущности двух составляющих (проявлений) административной правосубъектности позволит выяснить сущность общего понятия. По этому поводу целесообразно отметить подход к пониманию сущности административной правоспособности и административной дееспособности, сформулированный Д.Н. Бахрахом. По его мнению, административная правоспособность – это способность приобретать соответствующие права и исполнять обязанности, совершать действия и принимать решения, возбуждать административные производства и рассматривать дела об административных правонарушениях, нести ответственность в случае нарушения правовых норм и несоблюдения установленных законом требований. Относительно административной дееспособности он считает, что она состоит из таких элементов, как способность лица: самостоятельно реализовывать принадлежащие ему (гражданину, иностранцу, лицу без гражданства) права, осуществлять установ-

ленную компетенцию и принимать правовые акты управления; применять меры административного принуждения, признавать, гарантировать и защищать права и свободы граждан; нести правовую ответственность за вред, причиненный гражданам, государственному органу или юридическому лицу; нести в случае совершения административного или дисциплинарного правонарушения (проступка) соответственно административную или дисциплинарную ответственность [11 с. 130-132]. В украинской административно-правовой науке подобную точку зрения Д.Н. Бахраха поддерживает Т.А. Коломоец, которая отмечает, что элементами административной дееспособности могут выступать: 1) способность самостоятельно реализовывать надлежащие права; 2) способность самостоятельно реализовывать установленную компетенцию; 3) способность самостоятельно принимать правовые акты управления; 4) способность самостоятельно применять меры административного принуждения; 5) способность самостоятельно признавать, гарантировать и защищать права и свободы граждан; 6) способность самостоятельно нести за нарушение административно-правовых норм юридическую ответственность [8, с. 172].

Т.А. Мацелик в своих научных исследованиях субъектов административного права Украины приводит следующее определение понятия «административная правоспособность объединений граждан» – это возможность объединений граждан приобретать права и обязанности, закрепленные за ними нормами административного права, и нести юридическую

ответственность за их практическую реализацию в сфере административно-правового регулирования. Относительно второй составляющей административной правосубъектности, а именно административной дееспособности, она утверждает, что в административно-правовой науке относительно объединений граждан довольно редко применяется термин «административная дееспособность», поскольку, по ее мнению, рассматривая практику деятельности объединений граждан, не всегда можно установить четкие границы между административной дееспособностью и правоспособностью, хотя условно можно утверждать, что они соотносятся как статика и динамика [3, с. 153].

Выводы. Итак, на основании анализа рассмотренных точек зрения ученых-административистов относительно понимания понятия «административная правосубъектность» и их составных элементов можно утверждать, что под административной правосубъектностью общественных объединений следует понимать их способность иметь и приобретать права и обязанности. Можно выделить следующий перечень элементов административной правосубъектности общественных объединений: 1) способность иметь административные права и обязанности, 2) способность самостоятельно реализовывать надлежащие административные права, 3) способность самостоятельно реализовывать установленную компетенцию, наделенную в рамках делегированных полномочий, 4) способность самостоятельно применять меры административного принуждения в рамках делегированных полномочий, 6) способность самостоятельно признавать, га-

рантировать и защищать права и свободы граждан в отношениях с органами публичной администрации, 7) способность самостоятельно нести за нарушение административно-правовых норм юридическую ответственность.

Список использованной литературы:

1. *Адміністративне право України*: підручник. [Ю.П. Битяк, В.М. Гарашук, О.В. Дьяченко та ін.]; за ред. Ю.П. Битяка, К.: Юрінком Інтер, 2006, 544 с.
2. *Адміністративне право України*: навч. Посібник. [І.П. Голосніченко, М.Ф. Стахурський, Н.І. Золотарьова]; за ред. І.П. Голосніченка, К.: ГАН, 2005, 232 с.
3. Мацелик Т.О. *Адміністративно-правовий статус об'єднань громадян: поняття та сутність*. Науковий вісник Національного університету ДПС України (економіка, право), 2010, № 49, с. 150–154.
4. *Адміністративне право України. Академічний курс* [підручник]: у 2 т. [ред. колегія: В.Б. Авер'янов (голова) та ін.]. К.: Юрид. думка, 2007, т. 1: Загальна частина, 2005, 536 с.
5. Мацелик Т.О. *Адміністративна правосуб'єктність як онтологічна здатність особи бути суб'єктом адміністративного права*. Науковий вісник Чернівецького університету, 2011, випуск 597, с. 90–94.
6. Битяк Ю.П. *Административное право Украины*: ученик. Х.: Право, 2003, 576 с.
7. Ківалов С.В. *Адміністративне право України*: навч.-метод. Посібник. С.В. Ківалов, Л.Р. Біла. 3-є вид., перероб. і доп., Одеса: Юридична література, 2006, 488 с.
8. Колпаков В.К. *Адміністративне право України*: підручник. К.: Юрінком Інтер, 2004, 736 с.
9. Діткевич І.І. *Поняття «адміністративна процесуальна правосуб'єктність»: проблеми дефініції*. Право і безпека, 2010, № 4 (36), с. 211–215.

10. Костів М.В. *Адміністративна правосуб'єктність юридичних осіб та особливості її реалізації в адміністративно-деліктних відносинах*: автореф. на здобуття наук. ступеня к.ю.н. 12.00.07 «адміністративне право і процес; фінансове право; інформаційне право». К., 2005, 21 с.

11. Бахрах Д.Н. *Административное право*: учебник для вузов. Д.Н. Бахрах, Б.В. Российский, Ю.Н. Стариков. 3-е изд., пересмотр, и доп., М.: Норма, 2007, 816 с.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ СТАНДАРТИЗАЦИИ, СЕРТИФИКАЦИИ, МЕТРОЛОГИИ В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ УКРАИНЫ

А. БОНДАРЬ,

кандидат юридических наук, доцент, первый проректор,
Запорожский национальный университет

SUMMARY

The questions of realization of standardization, certification and metrology in the agroindustrial complex of Ukraine are examined in the article. Accent of attention on the newly created organ of state supervision (control) in an agroindustrial complex – State inspection of agriculture of Ukraine, translation direction is not correct of requirements of standardization, certification and metrologii by the subjects of ménage in agriculture by realization of verifications and delivery of the proper certificates. It is found that Ukragrostandcertification is the main organization of the metrological service of State inspection of agriculture of Ukraine and the national certification of testing laboratories, certification bodies repaired farm machinery and implements inter-regional and inter-sectoral coordination and implements activities related to development and implementation of standard reference data on physical data and properties of substances and materials .

Keywords: standardization, certification and metrology in the agroindustrial complex of Ukraine, State inspection of agriculture of Ukraine.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются вопросы осуществления стандартизации, сертификации и метрологии в агропромышленном комплексе Украины. Акцент внимания сосредотачивается на новосозданном органе государственного надзора (контроля) в агропромышленном комплексе – Госсельхозинспекцию, который обеспечивает соблюдение требований стандартизации, сертификации и метрологии субъектами ведения хозяйства в сельском хозяйстве путем осуществления проверок и выдачей соответствующих сертификатов. Установлено, что Украгростандартсертификация является главной организацией метрологической службы Госсельхозинспекции и национальным органом по аттестации измерительных лабораторий, органом сертификации отремонтированной сельскохозяйственной техники, осуществляет межрегиональную и межотраслевую координацию и обеспечивает выполнение работ, связанных с разработкой и внедрением стандартных справочных данных о физических данных и свойствах веществ и материалов.

Ключевые слова: стандартизации, сертификации и метрологии в агропромышленном комплексе, Госсельхозинспекция.

Постановка проблемы. Последовательная интеграция в мировое экономическое содружество как избранный Украиной путь развития одним из условий предусматривает проведение целеустремленной политики относительно создания государственных систем стандартизации, сертификации (оценивание соответствия) и метрологии (единству измерений) – составляющих технического регулирования, гармонизированных с соответствующими международными системами и системами отдельных зарубежных стран. При этом приоритетным заданием должно быть создание действенного механизма правового регулирования, который обеспечивал бы оптимальное функционирование системы технического регулирования хозяйственной деятельности как основы надежной

защиты прав потребителей, эффективной работы, защиты прав и законных интересов субъектов технического регулирования [1].

Актуальность темы. Следует отметить, что научному изучению вопросов проведения стандартизации, сертификации и метрологии в агропромышленном комплексе Украины не уделено надлежащего внимания. Однако общими вопросами стандартизации, сертификации и метрологии посвященные публикации Л. Виткина, А. Гиндыкина, Т. Гордиенко, О. Горина, Ф. Грищенко, Т. Захарюгиной, М. Кусакина, Н. Московской, Р. Овчаренка, Д. Сакояна, В. Саламатова, В. Шерстобита, В. Яшина и других ученых.

В связи с этим, **цель** статьи – осветить роль и значение стандартизации, сертификации и метрологии в агропромышленном комплексе Украины, акцентиро-

вать внимание на законодательное регулирование оснований его применения.

Изложение основного материала исследования. Стандартизация, сертификация (оценка и подтверждение соответствия), метрология (единство измерений) – три составляющие единственного понятия, что, начиная с 90-х годов XX века в странах Евросоюза и некоторых других [2, с. 14], а с 2002 г. в Украине, получило название «техническое регулирование». Практика показывает, что эти составляющие всегда тесно переплетаются, взаимодействуют и направлены на достижение единственной цели, которая определяется приведенными стратегическими направлениями развития государства.

Такая же точка зрения относительно своеобразного треугольника, сторонами которо-

го являются стандартизация (с установлением требований к товарам как с добровольным, так и из обязательным приложением), сертификация (оценка и подтверждение соответствия) и метрология нашла свое отражение в Федеральном законе Российской Федерации «О техническом регулировании» от 27 декабря в 2002 г. № 184-ФЗ [3].

Определение термина «стандартизация» прошло длительный эволюционный путь. Представление людей о стандартизации формировалось в процессе развития науки и техники, совершенствования форм и методов производства. С распространением научно-технических и экономических связей на национальном и международном уровнях происходило уточнение термина «стандартизация» параллельно с развитием самой стандартизации. На разных этапах этот срок отображал достигнутый уровень ее развития. Термин «стандартизация» появился в русском техническом словаре в послереволюционные годы под воздействием зарубежного опыта промышленного производства [4].

Стандартизация – это деятельность из разработки и установления требований, норм, правил, характеристик как обязательных, так и рекомендованных для выполнения [5].

По мнению Г.А. Саранчи стандартизация и сертификация являются специфическими средствами регулирования хозяйственной деятельности и в то же время составляющими национальной системы технического регулирования [6, с. 11].

Стандартизация сочетает науку, технику и производство, способствует обеспечению единой технической и правовой политики в разных отраслях экономики, техническому перевооружению производства, широкому осу-

ществлению современной техники и процессов, механизации и автоматизации производственных процессов, повышению качества товаров [4].

Слово «стандарт» (от англ. *standard*) в буквальном смысле значит “норма”, “образец”, а в широком – это образец или эталон качества, через который государство осуществляет научное обоснованное управление качеством. Стандарт является основным нормативным документом в отрасли стандартизации. Стандарт – документ, разработанный на основе консенсуса и утвержден уполномоченным органом, который устанавливает предназначенные для общего и многократного использования правила, инструкции или характеристики, которые касаются деятельности или ее результатов, включая продукцию, процессы или услуги [4].

Украина будет предоставлять преимущество международным стандартам, регламентам и рекомендациям над региональными стандартами и стандартами других стран как основу для разработки собственных стандартов, технических регламентов и процедур оценки соответствия и будет продолжать уменьшать количество категорий продуктов, которые подлежат обязательной сертификации, и предоставит ВТО пересмотренный перечень товаров, которые подлежат обязательной сертификации.

Сертификация и стандартизация следующие средства государственного регулирования и в то же время являются составляющими национальной системы технического регулирования, что регламентируются Законами Украины “О подтверждении соответствия”, “О стандартизации”, “О стандартах, технических регламентах и процедурах оценки соответствия”. Понятие сертификации предоставляется в статье 1 Закона Украины “О

подтверждении соответствия” и означает процедуру, с помощью которой определены в установленном порядке государственные органы, которые документально удостоверяют соответствие продукции, систем качества, систем управления качеством, систем экологического управления, персонала установленным законодательством требованиям [8].

При этом сертификация может иметь обязательный и добровольный характер. Сертификация в сфере, в которой требования к товарам и условию введения ее в обращение регламентируются законодательством (законодательно регулируемая сфера), является обязательной для производителя, поставщика или уполномоченного органа из оценки соответствия. Обязательная сертификация проводится согласно требованиям технических регламентов. По результатам проведения сертификации в случае позитивного решения назначенного органа из оценки соответствия заявителю выдается сертификат соответствия, образец которого утверждается центральным органом исполнительной власти по вопросам оценки соответствия.

Сертификация в сфере, в которой требования к товарам и условию введения ее в обращение не регламентируются законодательством (законодательно неурегулированная сфера), осуществляется на добровольных началах в порядке, определенном договором между заявителем (производителем, поставщиком) и органом из сертификации. Орган из сертификации устанавливает правила проведения добровольной сертификации, определяет участников работ из сертификации. Результатом добровольной сертификации является подтверждение соответствия продукции, систем качества, систем управления качеством, систем, персонала любым заявлен-

ным требованиям (статьи 11, 17 Закона Украины “О подтверждении соответствия”) [9, С. 140].

Термин “метрология” (слово “метрология” происходит от греческих слов *metron* – мера и *logos* – знание) употребляется в нормативных и правовых документах, в научной литературе только для обозначения науки об измерении, которая включает как теоретические, так и практические аспекты измерений во всех областях науки и техники [10, с. 9].

Согласно статьи 1 Закона Украины “О метрологии и метрологической деятельности”, метрология – наука об измерении; измерение – отражение физических величин их значениями с помощью эксперимента и вычислений с применением специальных технических средств” [11].

Храмова-Баранова О.Л. выделяет 4 этапы развития метрологии: I период – предистория метрологии, стандартизации и сертификации (XII–XVII ст.), II период – становление и развитие метрологии, стандартизации и сертификации как наук (XVIII–XIX ст.), III период – развитие метрологии, стандартизации и сертификации в Украине в первой половине XX ст., IV период – научно-техническая революция и развитие метрологии, стандартизации и сертификации во второй половине XX ст. [12].

Сегодня метрологическая служба Украины состоит из Государственной метрологической службы и метрологических служб центральных органов исполнительной власти, предприятий и организаций. В соответствии с законом метрологические службы могут создаваться в центральных органах исполнительной власти (в том числе в их центральных аппаратах) – для координации работ, связанных с обеспечением единства измерений и осуществлением метро-

логического контроля и надзора. Метрологические службы центральных органов исполнительной власти, органов управления объединений предприятий, предприятий и организаций организуют и выполняют работы, связанные с обеспечением единства измерений, основными из которых являются:

- организация и осуществление метрологического контроля и надзора;

- разработка методик выполнения измерений, методик метрологической аттестации, поверки и калибрования средств измерительной техники;

- организация представления на государственные испытания и проверку, а также организация проведения ремонта средств измерительной техники.

К метрологическому контролю принадлежат:

- аттестация калибровочных и измерительных лабораторий предприятий и организаций;

- метрологическая аттестация средств измерительной техники;

- калибрование средств измерительной техники;

- метрологическая экспертиза документации и аттестация методик выполнения измерений.

В системе агропромышленного комплекса Украины существует своя служба метрологического контроля (надзора), которая вместе с подчиненными учреждениями входит в состав Государственной инспекции сельского хозяйства (Госсельхозинспекция) – центрального органа исполнительной власти. При создании Госсельхозинспекции в 2011 году к ней в подчинение вошел Украинский государственный центр стандартизации и сертификации (Укргростандартсертификация) [13].

Госсельхозинспекция в части осуществления метрологического контроля в сельском хозяйстве:

- осуществляет метрологический надзор и контроль за исполнением требований стандартов и нормативных документов;

- осуществляет аттестацию измерительных и калибровочных лабораторий предприятий всех форм собственности в закрепленных отраслях деятельности, аттестацию базовых организаций метрологических служб;

- осуществляет работы из разрабатывания, аттестации, производства и внедрения стандартных образцов;

- проводит метрологическое обеспечение радиационного и дозиметрического контроля при производстве и переработке сельскохозяйственной продукции в установленных зонах контроля;

- участвует в разрабатывании государственных и отраслевых стандартов, методик по вопросам, отнесенным к ее компетенции.

Укргростандартсертификацию создали с целью выполнения заданий государственной политики в сфере стандартизации, метрологии, сертификации, аттестации, для обеспечения единства измерений и осуществления метрологического контроля и надзора в отраслях агропромышленного производства.

Основным предметом деятельности Укргростандартсертификации является:

1. Обеспечение качества и конкурентоспособности отечественной сельскохозяйственной продукции путем проведения государственной технической политики и обеспечения единства измерений в аграрном секторе Украины.

2. Разработка и экспертиза технических регламентов, государственных, отраслевых, межотраслевых стандартов и других документов, в пределах своих полномочий, осуществления контроля за их использова-

нием на предприятиях, в учреждениях и организациях всех форм собственности, которые принадлежат к сфере агропромышленного комплекса.

3. Осуществление мероприятий относительно гарантирования продовольственной безопасности, государственного управления в отрасли агропромышленного производства путем надзора за обеспечением единства измерений и исполнением требований стандартов и нормативных документов.

4. Координация деятельности предприятий и организаций отраслей агропромышленного производства по вопросам метрологического обеспечения производства и осуществления метрологического контроля и надзора.

5. Организация и проведение работ по сертификации отремонтированной, а в пределах своей компетенции и новой сельскохозяйственной техники и ее составных частей.

6. Участие в комиссии по сертификации зерновых складов.

7. Проведение аттестации измерительных лабораторий предприятий, организаций и учреждений всех форм собственности в закрепленных отраслях деятельности; аттестация главных и базовых организаций метрологических служб.

8. Организация работ из калибрования, метрологической аттестации, ремонта, сервисного обслуживания и проведения государственных испытаний средств измерительной техники и испытательного оборудования.

9. Метрологический контроль приборов радиационного и дозиметрического контроля при производстве и переработке сельскохозяйственной продукции в установленных зонах контроля.

10. Методическое обеспечение и координация деятельности главных и базовых организаций метрологической службы.

Выводы. Рассмотрев вопрос осуществления стандартизации, сертификации и метрологии в агропромышленном комплексе Украины, можно сделать вывод, что созданный орган государственного надзора (контроля) в агропромышленном комплексе – Госсельхозинспекция обеспечивает соблюдение требований стандартизации, сертификации и метрологии субъектами ведения хозяйства в сельском хозяйстве путем осуществления проверок и выдачей соответствующих сертификатов.

Украгрозстандартсертификация является главной организацией метрологической службы Госсельхозинспекции и национальным органом по аттестации измерительных лабораторий, органом сертификации отремонтированной сельскохозяйственной техники и осуществляет межрегиональную и межотраслевую координацию и обеспечивает выполнение работ, связанных с разработкой и внедрением стандартных справочных данных о физических данных и свойствах веществ и материалов.

Список использованной литературы:

1. Єршова С.І. *Суб'єкти технічного регулювання господарської діяльності*. С.І. Єршова, І.А. Гамбург [Електронний ресурс]. Режим доступу: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/Dtr_pravo/2012_1/files/LA112_23.pdf.

2. Ханету А. *Обзор лучшей практики Евросоюза и других стран в области технического регулирования*. М.: ТЕИС, 2005, 88 с.

3. *О техническом регулировании*: Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ. В: Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, № 52 (ч. 1), Ст. 5140.

4. Євтушенко В.В. *Система державної стандартизації України і шляхи її вдосконалення та техніко-юридичні норми у галузі будівництва*

(*організаційний, термінологічний та нормативно-правовий аспекти*). Форум права, 2011, №3, с. 251–260.

5. Волков О. И. *Экономика предприятия (фирмы)*: учебник. О. И. Волков, О. В. Девяткин, М.: ИНФРА-М, 2002, 601 с.

6. Саранча Г. А. *Метрологія, стандартизація, відповідність, акредитація та управління якістю*: підручник. К.: Центр навчальної літератури, 2006, 672 с.

7. Титарчук І.М. *Адаптація механізму державної підтримки сільського господарства та регулювання ринку до вимог СОТ*. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/Soc_gum/aprer/2009_5_2/15.pdf.

8. Ямкова І. М. *До питання про засоби державного регулювання господарської діяльності громадян в Україні*. В: Форум права, 2011, № 2, с. 1068–1073.

9. Гамбург І.А. *Зміст технічного регулювання господарської діяльності: теоретичні та правові аспекти*. В: Економіка та право, 2012, № 2, с. 137–143.

10. Тарасова В. В. *Метрологія, стандартизація і сертифікація*: підручник. В. В. Тарасова, А. С. Малиновський, М. Ф. Рибак; за заг. ред. В. В. Тарасової, К.: Центр навчальної літератури, 2006, 264 с.

11. *Про метрологію та метрологічну діяльність*: Закон України від 11 лютого 1998 р. № 113 (у редакції Закону України від 15 червня 2004 р. № 1765-IV). В: Відомості Верховної Ради України, 2004, № 37, ст. 449.

12. Храмова-Баранова О.Л. *Основні періоди розвитку метрології, стандартизації і сертифікації в Україні, їх характеристика* [Електронний ресурс]. Режим доступу: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/natural/vcp/Ist/2011_20/hrambar.htm.

12. Бондар О.Г. *Система органів державного контролю у сільському господарстві України*. Митна справа, 2011, № 5 (77), частина 2, с. 259–264.

13. *Про Державну інспекцію сільського господарства України*: Указ Президента України від 13.04.2011 № 459. В: Офіційний вісник України, 2011, № 11, с. 114.

POLITICI ȘI STRATEGII DE PROTECȚIE A INFORMAȚIILOR CLASIFICATE ÎN CONDIȚIILE ASPIRAȚIILOR DE INTEGRARE EUROPEANĂ A REPUBLICII MOLDOVA

Vitalie OJOG,
doctorand ULIM, Facultatea de Drept

SUMMARY

World is faced to various security risks and threats with which it has to cope. With this view, states, security intergovernmental and non-governmental organizations use a range of methods, techniques and procedures to eliminate, to mitigate or to counter security risks and threats. Under the present intern and international conditions, defined by complexity and a dynamic and random evolution, Moldova must be constantly preoccupied with ensuring its national security and defence. To this end, the system of classified information protection in Moldova should be developed in a high quality and efficient model. Due to the EU integration process, as a first stage, it is important to define the strategies and policies of the multilevel classified information safeguarding system in order to assure national and regional security.

Keywords: security risks, classified information, national security, information security, classified information safeguarding system, security incident.

REZUMAT

Actualele evoluții interne și internaționale în domeniul securității relevă caracterul dinamic, complex și fluid al riscurilor și amenințărilor cu impact direct asupra modului de funcționare a instituțiilor Statului cu atribuții în asigurarea securității naționale și, implicit, în asigurarea securității informațiilor clasificate, ca latură a securității naționale. Procesul de ajustare și armonizare a normelor juridice naționale și ale statelor Uniunii Europene presupune implicit și cercetări fundamentale în domeniul criteriilor și sistemului de protecție a informațiilor clasificate. La etapa inițială se impune conceptualizarea modelului adecvat al mecanismului de protecție a informațiilor clasificate, sarcinile, condițiile, etapele și metodele necesare pentru elaborarea acestui sistem complex.

Cuvinte-cheie: risc de securitate, informații clasificate, securitate națională, securitatea informațiilor, sistem de protecție a informațiilor clasificate, incident de securitate.

Introducere. Problema securității informațiilor nu mai este de mult numai apanajul structurilor militare, în ultima vreme căpătînd o pondere însumată atât în mediile de afaceri, cît și în cele politice. Explozia tehnologiei informațiilor în secolul care a fost denumit “Era Informațională – Information Age” a spart demult barierele de timp și spațiu, permițînd astfel o mai rapidă accesare a informațiilor.

În contextul creșterii dependenței de informații, dar și al necesității de a le proteja, *scopul articolului* respectiv este identificarea și aplicarea la nivel organizațional a celor mai eficiente și oportune soluții de management al riscurilor de securitate în domeniul informațiilor clasificate.

Actualele evoluții interne și internaționale în domeniul securității relevă caracterul dinamic, complex și fluid al riscurilor și amenințărilor cu impact direct asupra modului de funcționare a instituțiilor

statului cu atribuții în asigurarea securității naționale și, implicit, în asigurarea securității informațiilor clasificate, ca latură a securității naționale. Persistența conflictelor clasice, militare, în anumite zone și a ambițiilor regionale ale unor state, emergența unor noi vectori în Asia sau Orientul Mijlociu se suprapun peste transferarea în plan nonstatal a relațiilor internaționale pe coordonatele dezvoltării organizațiilor transnaționale, a grupărilor teroriste sau extremiste cu veleități globale sau chiar a actorilor individuali. În acest sens, relațiile dintre state și actorii nonstatali au devenit o coordonată importantă a descifrării dinamicii de securitate atât la nivel național, cît și internațional [1].

Un alt efect al revoluției tehnologice este reprezentat de creșterea capacităților civile și comerciale de supraveghere – sateliți, sisteme de tip GPS –, care duc la nevoia unei mai bune protecții a informațiilor din mediul militar și la uti-

lizarea la capacitate maximă a informațiilor care provin din mediul civil, comercial. Într-un mediu ostil și evolutiv, în care amenințărilor și vulnerabilitățile se redefinesc și se amplifică permanent, protecția informațiilor clasificate devine o sarcină deosebit de complexă.

Unii savanți – Ion Ciobanu, Aurel Nour, Nasty Vladoiu – insistă asupra faptului că, cel mai adesea, pentru protejarea informațiilor clasificate se recurge la soluții bazate pe mecanisme de securitate deplină. Indiferent de strategia aleasă, mecanismele de securitate deplină asigură integrarea funcțională, din punct de vedere al securității, a procesului ce trebuie protejat, pe baza reglementărilor legale în materie, într-o structură ierarhică eficientă. Conform celor relatate însă de Ilie Gheorghe și Tiberiu Urdăreanu, “nu a fost, nu există și nu va putea exista o măsură de securitate perfectă și general valabilă. Deși mai puțin, această remarcă este adevărată și

pentru un mecanism de securitate deplină, deoarece orice sistem are slăbiciunile sale conceptuale, constructive, tehnologice și, în plus, o dinamică de adaptare și perfecționare, de regulă, inferioară dinamicii de evoluție a realității” [2].

Metode și materiale aplicate. Aplicarea în cadrul articolului respectiv a metodelor logice, comparative, sociologice, prospective și sistematice de cercetare, corelate cu studiul materialelor specialiștilor în protecția informațiilor din străinătate privind conceptele de vulnerabilitate, amenințare și risc informațional și consecințele deosebite asupra viabilității sistemelor informaționale și îndeosebi asupra securității naționale induc o necesitate ascendentă în abordarea standardelor puse la dispoziție de NATO și UE în elaborarea actelor normative specifice, precum și amendarea celor în vigoare, pentru a fi în concordanță cu cele mai noi cerințe euroatlantice.

Succesul oricărui mecanism de securitate deplină, care a fost implementat în vederea protecției informațiilor clasificate, depinde în mod indubitabil de eficiența cu care organizațiile analizează și evaluează amenințările și vulnerabilitățile și își asumă costurile pentru desfășurarea managementului riscurilor de securitate, atât la nivel strategic, cât și la nivel operațional.

Complexitatea tipurilor de atacuri, a direcțiilor și a cauzelor de insecuritate determină complexitatea și ierarhizarea tipurilor de protecție și presupune integrarea acestora într-o strategie fundamentată pe evaluarea riscurilor insecurității și a cheltuielilor totale privind măsurile de securitate.

Strategia de protecție a informațiilor clasificate ca element al securității naționale. Politicile și strategia de protecție a informațiilor, inclusiv coerentă și pentru Republica Moldova, trebuie să aibă ca obiectiv realizarea unei securități de un anumit nivel, ierarhizate și diferențiate pentru anumite

componente, servicii, informații sau utilizatori.

În acest context, se consideră că o societate informațională trebuie să atingă un stadiu în care să dispună de un cadru legislativ și metodologic adecvat, de structuri funcționale și de o dotare corespunzătoare. Cadrul respectiv urmează să asigure desfășurarea nealterată și în condiții de siguranță a proceselor decizionale, să protejeze conținutul informațiilor, să asigure funcționarea în siguranță a sistemelor informaționale și a elementelor de infrastructură de importanță critică. Pe aceeași dimensiune se încadrează și capacitatea sistemului să descurajeze, pe căi și prin mijloace de natură informațională, acțiunile de orice fel la adresa securității naționale, inclusiv infracțiunile ce atentează la securitatea statului. Depistarea oportună și precizarea originii, scopului, căilor și mijloacelor de ducere a acțiunilor informaționale, contracararea acestor acțiuni și estimarea evoluției viitoare a unor acțiuni de acest tip, a costurilor și implicațiilor de contracarare a acestora constituie paliere adiționale strict necesare a fi înglobate de sistemul juridic și metodologic invocat. Nu în ultimul rând, este importantă și desfășurarea de acțiuni informaționale prin care să se contribuie la promovarea și protejarea intereselor securității naționale [3].

Un asemenea stadiu complex, care să asigure o securizare maximă a informațiilor clasificate, poate fi atins prin îndeplinirea următoarelor obiective prioritare:

➤ elaborarea și adoptarea politicii și strategiei protecției informațiilor, care să stabilească un șir de principii, obiective, cerințe și cadrul legal, structural, procesual și metodologic;

➤ conștientizarea, la nivelul factorilor de decizie politico-militară, a necesității abordării și dezvoltării instituționalizate a domeniului protecției informațiilor, plecând de la analiza amenințărilor, vulnerabilităților, riscurilor și a oportunităților pe care le presu-

pune dezvoltarea acestui domeniu vital pentru securitatea națională;

➤ crearea cadrului legislativ la nivel național, dar și la cel departamental, care să permită dezvoltarea instituționalizată și funcționarea corespunzătoare a structurilor specifice;

➤ dezvoltarea unui cadru metodologic, format din metodologii, proceduri, algoritmi, cerințe, standarde și tehnici, care să permită funcționarea tuturor structurilor și capacităților, într-o viziune unitară din punct de vedere conceptual și tehnic;

➤ pregătirea adecvată a resursei umane, într-o concepție multidisciplinară, printr-o colaborare permanentă cu specialiștii din comunitatea de informații, cu cei din domeniile cercetării și universitare, din țară și din străinătate [4];

➤ dezvoltarea infrastructurii de protecție a informațiilor, în acord cu cerințele de securitate națională și de siguranță informațională, paralel cu evaluarea sistematică a vulnerabilităților, amenințărilor și riscurilor din domeniu, care să asigure implementarea metodologiilor, standardelor și procedurilor necesare protecției informațiilor în procesul de prelucrare, utilizare sau stocare a datelor.

Așadar, este necesară punerea bazelor conceptuale și metodologice, precum și crearea unui cadru normativ, juridic și instituțional care să permită dezvoltarea coerentă, globală și unitară a domeniului protecției informațiilor care, în acest context, pot fi considerate prioritare pentru Republica Moldova.

Realizarea cadrului normativ adecvat al domeniului protecției informațiilor presupune asigurarea concordanței acestuia cu aspectele normative complexe și cu raporturile și implicațiile sociale ale informației. Astfel, potrivit cercetătorului V. Fulga, legislația care nu ține întotdeauna pasul cu tehnologia informației și cu implicațiile sociale ale acesteia determină partea juridică să aprecieze

că alterarea, modificarea, distrugerea sau furtul de date și informații din sistemele informaționale nu sînt delictе împotriva bunurilor, ci provocate de neviabilitatea sistemelor informaționale [5].

Ținînd cont de faptul că protecția informațiilor este o problemă care presupune restricționarea și supervizarea unor manifestări comportamentale, se impune realizarea unui cadru normativ bine definit și adecvat realității, în care protecția să-și poată manifesta elementele de voință și de constrîngere.

În acest sens, protecția informațiilor trebuie înțeleasă ca o prioritate în ceea ce privește securitatea națională și trebuie să cuprindă:

1. prevederi în legile organice și speciale referitoare la problematica de protecție, confidențialitate, dreptul de proprietate și de autor, liberul acces la informații, dreptul de procesare și de transmitere a informațiilor;

2. procedurile legale specifice care reglementează strict aspecte de protecție a informațiilor sau privind autoritățile publice abilitate în domeniu;

3. norme de protecție generală și specifică, ce abordează securitatea proceselor sau diferite aspecte (protecția fizică a persoanelor, a datelor și a informațiilor, condițiile de mediu etc.), normele privind combaterea fenomenelor sau a faptelor periculoase, măsuri specifice etc.;

4. coduri deontologice rezultate în temeiul prevederilor, care sînt mai restrictive, dar unanim acceptate, în virtutea unor drepturi private și inalienabile de protecție a activității, a patrimoniului, a informațiilor și a personalului;

5. angajamente de securitate, care presupun stabilirea noului cadru de cunoaștere și de responsabilitate reciprocă între persoane și autorități.

Aplicarea legislației privind protecția informațiilor trebuie să se transfere de la responsabilitatea formală a conducerii către responsabilitățile reale ale personalului,

în funcție de competența și participarea efectivă a fiecăruia la activitățile structurii [6].

Riscurile și amenințările de securitate în domeniul protecției informațiilor clasificate. Crearea structurilor și realizarea mecanismelor destinate protecției informațiilor au fost mult timp privite ca „un rău necesar”, însă s-a impus cu adevărat în Republica Moldova abia după anul 1990. Caracteristica activității de proiectare și realizare a structurilor și a mecanismelor de securitate privind protecția informațiilor, în condițiile evoluției spectaculoase din domeniile comunicațiilor și IT, presupune ca structurile de securitate să corespundă și să răspundă la noile amenințări și riscuri de securitate:

– evoluția paralelă și în concurență permanentă a tehnicilor puse în slujba crimei organizate și a celor adecvate noilor tehnologii de securitate;

– pericolul dezinformării, atacului la imagine, sufocării informaționale, precum și al abuzului în procesarea informațiilor;

– mutațiile fundamentale în tehnologia informațiilor și a comunicațiilor;

– limitarea acțiunii securității, din cauza insuficienței resurselor financiare și umane, în detrimentul protecției anticipative, a asumării conștiente și inteligente a riscurilor în dinamica lor.

Conform unor studii conceptuale și metodologice realizate inclusiv și de autorii Roceanu I., Buga I., instituționalizarea structurilor de protecție a informațiilor, ca mărime și competențe, depinde de un șir de factori flexibili ca valoare și caracter [7]. Printre aceștia sînt trasate specificul și interesele structurii care trebuie protejată, nivelul de informatizare, vulnerabilitățile, amenințările și posibilele riscuri de securitate, bugetul alocat, consecințele unor evenimente nedorite, strategia, structura mecanismului de securitate și performanțele mediului de securitate realizat.

De asemenea, în proiectarea acestor structuri este necesar să se țină seama de cîteva aspecte, care sînt deosebit de pronunțate în condițiile actuale ale Republicii Moldova. În acest sens rolul și locul structurilor de protecție a informațiilor sînt condiționate de interese, de confuzii între concept și dimensionalități, de lipsa unei legislații corespunzătoare în materie. Totodată, structura de securitate este condiționată, de cele mai multe ori, nu de aspectele funcționale, ci de resursele financiare alocate. La același capitol se înscrie și influențarea locului, rolului și competențelor structurii de securitate de calitățile speciale, proiectele și acțiunile acestora.

Deși se recunoaște că securitatea este un element de calitate și stabilitate al oricărei activități, proces, sistem, totuși acceptarea unei structurii de securitate este o problemă de decizie mai mult sau mai puțin condiționată de limitele resurselor sau de dificultatea de a suporta unele costuri mari de securitate și care nu se pot recupera în timp scurt [8].

Considerăm că niciun mecanism de securitate nu poate fi perfect sau absolut, deoarece, oricît s-ar investi, un mecanism are slăbiciunile sale conceptuale, constructive și tehnologice, precum și o dinamică de adaptare și perfecționare inferioară ritmului de evoluție a realității.

Mecanismul de securitate se proiectează pentru a realiza o funcționalitate rapidă și descurajantă, reflexivă (măsuri și contra-măsuri), multidimensională (organizatorică, fizică și informațională), în scopul îndeplinirii unui șir de funcții prioritare. Pe această dimensiune, un mecanism de securitate, inclusiv și cel de protecție a informațiilor, trebuie să îndeplinească funcțiile:

1. Prevenirea și descurajarea acțiunilor (atacurilor);

2. Detecția anticipată a acțiunii răuvoitoare;

3. Întîrzierea;

4. Stoparea;

5. Reducerea efectelor acțiunilor reușite;

6. Evidențierea și analiza evenimentelor de securitate.

Prevenirea producerii evenimentelor care generează insecuritate, precum și măsurile de descurajare au importanță deosebită, am putea spune decisivă, în procesul de protecție a informațiilor. Aspectul invocat se bazează pe considerentul că este mult mai costisitor să tratezi un eveniment decât să-l previi. Totodată, în domeniul protecției informațiilor numărul evenimentelor similare este suficient de mare, încât să poată fi folosit pentru prevenire, iar majoritatea evenimentelor de insecuritate conțin elemente comune, deși acestea se produc separat și izolat. Adicional eficacitatea prevenirii producerii evenimentelor care generează insecuritate este generată și de faptul că existența acestora, care, deși se produc separat și se manifestă în mod diferit, pot duce la situații identice de hazard și la exploatarea similitudinilor evenimentelor de insecuritate produse în alte medii social-economice.

Existența studiilor de potențialitate criminală și acțiunea structurilor competente de prevenire permanentă a actelor criminale, precum și analiza situațiilor de pregătire a actelor criminale și exploatarea acțiunilor premergătoare atacurilor (supravegherea, concentrarea, procurarea de mijloace adecvate, culegerea de informații, situații de labilitate și instabilitate, tipuri de atacuri repetate etc.) determină în fond oportunitatea și eficacitatea aplicării principiului prevenirii în domeniul protecției informațiilor clasificate.

Dacă prevenirea accidentelor și a dezastrelor are deja o cultură formată și se poate baza pe mijloace organizatorice și tehnologice eficiente, prevenirea criminalității în mediul informațional este încă departe de a avea, la rândul său, o astfel de cultură. De aceea, o componentă fundamentală

a conceptului securității mediului informațional o constituie prevenirea producerii evenimentelor și acțiunilor nedorite [9].

În acest context prevenirea producerii evenimentelor care generează insecuritate, precum și măsurile de descurajare au importanță deosebită în combaterea infracțiunilor ce atentează la securitatea Statului cu componente informaționale vădite – art. 337 CP RM „Trădare de Patrie”, art. 338 CP RM „Spionaj”, art. 344 CP RM „Divulgarea secretului de stat” și art. 345 CP RM „Pierderea documentelor ce conțin secret de stat” [10].

Reieșind din faptul că este mai ușor să previi apariția evenimentelor de insecuritate, decât să le tratezi sau să le atenuezi consecințele, prevenirea poate fi considerată o acțiune de apărare bazată pe: cunoașterea mediului informațional, diagnoza și prognoza fenomenului de securitate, organizarea unor acțiuni de prevenire în funcție de particularitățile și tipologia evenimentelor nedorite, anihilarea sau slăbirea factorilor de insecuritate, identificarea amenințărilor și vulnerabilităților, determinarea riscurilor din mediul informațional, educarea personalului din mediu, evidențierea factorilor de descurajare, participarea la inițiativele de securitate colectivă și la acțiunile de prevenție și descurajare întreprinse de autoritățile competente, precum și proiectarea și realizarea unor structuri și mecanisme de securitate corespunzătoare [11].

Structura mecanismului de protecție trebuie să fie de multinivel, ierarhică funcțional și acțional, cu elemente structurate pe submecanisme de securitate. Ea este foarte complexă, iar metodologia de realizare a acesteia comportă, de regulă, patru etape:

I. Analiza și evaluarea mediului de securitate, a riscului și, apoi, definirea variantelor strategiilor de securitate (definirea mediului de securitate și a valorilor de protejat; analiza și evaluarea amenințărilor, vulnerabilităților și riscului de se-

curitate; elaborarea variantelor, strategiilor de securitate; determinarea costurilor de securitate; acceptarea valorilor riscului rezidual acceptat de securitate).

II. Proiectarea, realizarea și acreditarea mecanismelor de securitate (alegerea variantei strategiei de securitate; elaborarea programului de securitate, cu termene, responsabilități și etape de implementare; executarea de teste și inspecții de securitate; omologarea și acreditarea mecanismelor de securitate).

III. Autorizarea și asigurarea mecanismului de securitate acreditat, ce reprezintă, practic, recunoașterea legală a acestuia și abilitarea funcționării lui.

IV. Operaționalitatea și perfecționarea, care presupune acțiuni declanșate pentru evaluarea permanentă a riscurilor, armonizarea proceselor de securitate, realizarea de schimbări, uneori structurale, semnificative, ce pot duce la adoptarea unei alte politici de securitate sau chiar proiectarea unui nou mecanism de securitate.

Concluzii. Analizând principiile de proiectare, realizare și funcționare a unui mecanism de securitate, se poate aprecia că mecanismul de securitate trebuie să fie rezultatul unui proces complex, al unei concepții realiste și pragmatice, bazate pe analiza riscurilor, pe adoptarea de măsuri și responsabilități complexe și adecvate, pe valorificarea opțională a costurilor ce pot fi suportate. Importanță maximă comportă și aspectul adopției strategiei de securitate, care trebuie să fie o consecință a realizării structurii de securitate și o condiție prealabilă de realizare a sistemului de securitate. Totodată, conceptualizarea mecanismului de securitate în calitate de un sistem deschis, adaptabil și perfectibil asigură crearea structurilor eficiente și realizarea mecanismelor destinate protecției informațiilor.

De asemenea, mecanismul de securitate destinat protecției informațiilor trebuie să fie multifunc-

țional, acoperind domeniile fizic, tehnologic, informațional și de personal, asigurând toată gama de servicii de securitate: protejarea, descurajarea, detecția, întârzierea, stoparea, limitarea sau anihilarea consecințelor producerii de evenimente nedorite de securitate, reluarea activității, după producerea acestora, și analiza post-factum, pentru perfecționarea reacțiilor de securitate.

Recenzent:
Alexandru MARIȚ,
conferențiar universitar,
doctor în drept

Bibliografie

1. Colonel Michael E. Whitman, Herbert J. Mattord. *Principles of Information Security*. Third Edition, Canada: Thomson Course Technology, 2009, 265 p.
2. Ilie G., Urdăreanu T. *Securitatea deplină*. București: Editura UTI, 2001, 266 p.
3. Ciobanu I. *Managementul securității informațiilor în acțiunile militare întruine*. București: Editura AISM, 2002, 122 p.
4. Ilie G., Ciobanu I., Nour A. *Confruntarea informațională și protecția informațiilor*. București: Editura Detectiv, 2006, 317 p.
5. Fulga V. *Tendențe de dezvoltare a sistemelor informaționale din perspectiva integrării în Uniunea Europeană*. În: Sesiunea de comunicări științifice, București: Editura Universității Naționale de Apărare „Carol I” [Catedra Sisteme Informaționale Militare și Informații pentru Apărare], 2007, p. 354-365.
6. Ilie G., Stoian I., Ciobanu V. *Securitatea informațiilor*. București: Editura Militară, 1996, 28 p.
7. Roceanu I., Buga I. *Siguranță și securitate informațională*. În: Gîndirea militară românească, nr. 3/2003, București: Editura Statul Major General, 2003, 84 p.
8. Vlădoiu N. *Informația clasificată – excepție de la dreptul la informație*. În: Revista „Spațiul sud-est european în contextul globalizării”. Sesiunea de comunicări științifice cu participare internațională „Strategii XXI”, 12-13 aprilie 2007. București: Editura Universității Naționale de Apărare „Carol I”, 2007, 306 p.
9. Zisu C., Mihalcea A. *Securitatea sistemelor informațional-decizionale: complexitate, structuralitate, operaționalitate*. București: Editura „Tritonic”, 2007, 294 p.
10. *Codul Penal al Republicii Moldova*, nr. 985 din 18.04.2002. În: Monitorul Oficial al RM, nr. 128-129 din 13.09.2002.
11. Boaru Gh., Paun V. *Războiul informațional. Atacul și apărarea într-o lume digitală* [Monografie], București: Editura U.N.Ap., 2003, 86 p.

PREZENTAREA SPRE RECUNOAȘTERE. ESEȚA PSIHOLICĂ

Iurie BULAI,
master în drept, doctorand

SUMMARY

In this paper are treated the aspects of the essence and presentation for recognition tasks. The author analyzes the opinions of different scientists concerning the presentation for recognition and submits his own views on the essence, significance and tasks of this criminal investigation.

Keywords: presentation for recognition, identification, criminal investigation, criminal.

REZUMAT

În prezentul articol se abordează aspecte ce țin de esența psihologică a prezentării spre recunoaștere. Autorul analizează opiniile unor savanți cu privire la aspectele și procesele psihologice ale prezentării spre recunoaștere și înaintea propriile viziuni privind esența, importanța și sarcinile acestei acțiuni de urmărire penală.

Cuvinte-cheie: prezentarea spre recunoaștere, identificare, acțiune de urmărire penală, proces penal.

Introducere. Una dintre acțiunile de urmărire penală frecvent întâlnite este prezentarea spre recunoaștere. Frecvența și faptul că este o acțiune reglementată strict de legislația procesual penală ar fi trebuit să determine succesul acestei măsuri. Cu regret, practica judiciară denotă faptul că în procesul de desfășurare a acestei acțiuni se întâlnesc frecvent erori.

Actualitatea temei rezidă în necesitatea abordării uneia dintre acțiunile de urmărire penală frecvent întâlnite, precum și a modului de abordare a acesteia atât în cadrul doctrinei criminalistice, cât și în psihologie.

Scopul acestui articol este de a scoate în evidență esența psihologică a proceselor de percepere, memorizare, reproducere, a caracteristicilor și a dificultăților de ordin psihologic ce se desfășoară în sistemul nervos central și care stau la baza recunoașterii – acțiune care reprezintă esența prezentării spre recunoaștere.

Metode și mijloace aplicate. În cadrul cercetării s-au utilizat un șir de metode: general științifică, logică, dialectică. A fost folosi-

tă metoda analitică, caracterizată prin cercetarea doctrinei criminalistice și a celei din domeniul psihologiei, îndreptate spre elucidarea mecanismelor psihice de percepere, memorare și reproducere specifice instituției prezentării spre recunoaștere.

Aspectele psihologice ce țin de recunoaștere ca element psihologic au fost tratate de mai mulți savanți, printre care A. Goldstein, L. Harmon, A. Lesc, V.N. Panferov, A.M. Zinin, N.N. Gapanovici, B. G. Ananiev, C. Aioanițoiaie, I. Sandu, M.S. Șehter, M.I. Enichev, S. Rusnac, I. Kertas etc.

Tratarea și analiza aspectelor psihologice ale mecanismelor și legităților ce stau la baza declanșării și derulării diferitor procese psihice reprezintă elementele-cheie, cunoașterea cărora garantează obținerea unor rezultate complete și obiective în cazul implicării factorului uman. În cazul prezentării spre recunoașterea, esența și particularitățile proceselor de percepere, memorizare, reproducere, tipurile de memorie existente, aspectele ce țin de recunoașterea succesivă și simultană reprezintă

dezideratul succesului, cunoașterea căruia va asigura ofițerului de urmărire penală rezultatul scontat.

Psihologia este domeniul care ar oferi recomandări prețioase cu privire la modul de obiectivizare a mersului și rezultatelor prezentării spre recunoaștere. Există un șir de lucrări în acest sens, dintre care menționăm articolul savanților A. Goldstein, L. Harmon, A. Lesc „Identificarea fețelor umane”. În acest articol autorii au tins să stabilească numărul exact de particularități suficiente pentru identificarea persoanei de către o altă persoană sau de către un mijloc tehnic. Ca urmare a investigațiilor realizate, ei au stabilit că 22 de indici permit o identificare sigură a feței redată în fotografie, din cele 255 prezentate concomitent [1, p. 39-40].

Modul de abordare utilizat de autorii respectivi are o valoare deosebită, prin faptul că ei au reușit să elaboreze un model care poate fi utilizat pentru identificarea exactă a obiectelor care nu sînt descrise exact. Acești savanți au evidențiat doar acele particularități, care nu s-ar corela unele cu altele, fiind independente. În cazul prezentării spre recunoaștere, are loc o abateră de la modelul propus, deoarece descrierea persoanei se face într-o formă liberă și cu folosirea doar a acelor elemente și particularități care au fost memorizate de către aceste persoane. De obicei, se memorizează mai puține particularități decît sînt solicitate de modelul elaborat de către autorii menționați.

Considerăm că lacuna apărută poate fi completată de rezultatele obținute de savantul V. N. Panferov în urma experiențelor sale. În cadrul acestor experimente, el a stabilit nu numai numărul de elemente și particularități pe care se bazează persoanele participante la experimente în cadrul prezentării

spre recunoaștere, ci și numărul de particularități deosebite care permit de a evidenția, delimita persoana ce se recunoaște din grupul de persoane asemănătoare [2, p. 158-160].

Savantul V. N. Panferov ca urmare a investigațiilor realizate, trage concluzia: dacă raportăm eficiența recunoașterii la numărul de elemente-particularități de reper și de individualizare, atunci vom vedea că în cazul combinării a cinci elemente de reper cu trei elemente ce individualizează, condiția coincidenței elementelor de reper și de individualizare pe două dintre elemente-particularități asigură cele mai bune rezultate ale eficienței în cazul prezentării spre recunoaștere [3, p. 160-161].

Luînd în considerație faptul că prezentarea spre recunoaștere este o formă procesuală de identificare, concluzia lui V. N. Panferov poate fi utilizată eficient la analiza siguranței identificării persoanei prezentate spre recunoaștere după reflexia memorial fixată, dar cu condiția delimitării stricte a noțiunilor „element” și „particularitate”, și doar în cazul în care particularitățile de reper și de individualizare care corespund cerințelor înaintate față de particularitățile de identificare vor fi relativ independente unele față de altele și nu vor corela. În calitate de criteriu de bază al independenței particularităților unele față de altele se poate considera apartenența lor la diferite elemente ale exteriorului omului.

Astfel, considerăm că pentru identificare în baza reflexiei memorial fixate pot fi utilizate doar acele particularități care s-au reflectat în mod cert în memoria persoanei care recunoaște.

În acest context, menționăm că formarea reflexiei în memorie poartă un caracter subiectiv, deoarece este condiționată nu numai de proprietățile persoanei care a fost

percepută, ci și de proprietățile persoanei care le-a perceput, precum și de către situația în care a fost perceput obiectul [4, p. 118-119].

Importanța practică majoră a acestui aspect este confirmată de rezultatele investigațiilor desfășurate, în cadrul cărora s-a stabilit că circa 70% din cazuri erorile comise de ofițerii de urmărire penală și victime în cadrul prezentării spre recunoaștere au fost condiționate de particularitățile individuale ale persoanei ce a recunoscut, precum și de circumstanțele procesului de percepere și memorizare a reflexiei, procesele de comparare a acestora cu originalul, calitatea reflexiei [5, p. 9]. Nu întîmpător savantul A. M. Zinin subliniază că anume aspectele subiective ale reflexiei memorial fixate determină posibilitățile de folosire a acesteia la stabilirea persoanei [6, p. 27-28].

Savanții-criminaliști din România C. Aioanițoiaie, I. Sandu subliniază că, sub aspect psihologic, mărturia constă în perceperea și memorarea, de regulă, involuntară a unor fapte și împrejurări și în reproducerea acestora în fața organului judiciar. Așadar, mărturia se formează trecînd prin trei etape, succesive, și anume: perceperea, memorarea și reproducerea [7, p. 123].

În opinia noastră, acestea sînt etape specifice doar pentru audiere, prezentarea spre recunoaștere fiind o acțiune de urmărire penală distinctă față de audiere. Corectitudinea opiniei noastre își găsește confirmare în tezele înaintate de savantul-criminalist N. N. Gapanovici, care menționează că în literatura juridică se atestă patru stadii: a) perceperea obiectului, b) memorizarea, c) reproducerea și transmiterea informației despre obiect, d) identificarea obiectului.

Procesul de formare a reflexiei memorial fixate începe cu sesizarea și perceperea care se află în-

tr-un coraport strîns una cu alta, ambele fiind reflexii emotive ale realității obiective, care există independent de conștiință, ca urmare a influenței asupra lor a organelor de simț [8, p. 153].

Spre deosebire de sesizare, care permite cunoașterea parțială a proprietăților separate ale obiectelor și fenomenelor, perceperea oferă posibilitatea de a cunoaște obiectele și fenomenele ca un întreg. În procesul percepției un rol important îl joacă recunoașterea. Fără recunoaștere practic nu există însăși percepția.

O altă formă a percepției este observarea, care este un proces cognitiv activ, la baza căruia stă activitatea organelor de simț ale omului. Datorită organelor de văz omul primește o mare cantitate de informație.

În acest context, psihologul S. Rusnac menționează că în cazul percepției prin intermediul organelor de văz cel mai frecvent se comit erori și lacune diferite după natura lor, printre care am putea menționa *iluzia linguriței frînte*, *iluzia lui Titchner*, *iluzia lui Muller-Lyer*, fenomenul apersepcției (caracterizat prin dependența percepției de conținutul vieții psihice a individului uman), halucinația [9, p. 31-32].

Persoana ce se străduie să memorigeze semnalmentele exterioare ale persoanei, obiectului va acumula o reflexie în memorie net calitativă, în comparație cu cea la care percepția se desfășura involuntar. În situații criminogene, procesul de discuție între persoane este de scurtă durată. Într-o perioadă scurtă de timp fixarea exactă a semnalmentelor este imposibilă. Ori, chiar și în atare situații, la persoană se creează o anumită impresie cu privire la obiect, persoană, care nu totdeauna este adecvată. Asupra calității influențează experiența anterioară a persoanei iar

în cazul în care nu sînt suficiente informații, persoana completează lacunele cu semnalmente care lipsesc. Acest mecanism psihologic permite de a oferi impresiei un caracter definitiv.

Asupra reflexiei memorial fixate o influență majoră, pe lângă factorii subiectivi, au și factorii obiectivi. La acestea se referă condițiile de percepție, care se caracterizează prin următoarele elemente: vizualizarea unică a persoanei, obiectului; ambianța negativă a percepției (nivelul de iluminare, rapiditatea și multitudinea evenimentelor, distanța mare), factorul-surpriză al acțiunii [10, p. 44].

Adecvarea imaginii memorial fixate cu imaginea obiectului perceput într-o măsură considerabilă depinde atît de exactitatea, cît și de deplinătatea percepției, precum și de cît de activă este memorizarea, care poate fi voluntară (intenționată) sau *involuntară*.

Calitatea percepției, memorizării și reproducerii este condiționată semnificativ și de tipul memoriei (în imagini, verbală, vizuală, auditivă), care influențează asupra vitezei, exactității, duratei de memorizare, precum și capacității de a reproduce.

O influență considerabilă asupra percepției exteriorului și comportamentului o poate avea „conștiința direcționată” [11, p. 59].

S-a constatat de mult că atunci cînd persoana observă o ceartă între două persoane necunoscute anterior, în timp ce se clarifică esența faptei, se creează a atitudine față de cei implicați, precum și se catalogează comportamentul fiecăruia. Asupra analizei comportamentului influențează temperamentul, calitățile emoțional-volitve, caracterul celor observate. Persoana ale cărei fapte sînt percepute ca fiind corecte este privită ca una nobilă, cu un exterior plăcut, îngrijită, spre deosebire de cea a cărei com-

portare este văzută ca una negativă, adică privită ca fiind incorectă, brutală, cinică [12, p. 34].

O importanță majoră pentru deplinătatea și exactitatea percepției semnalmentelor exterioare o are durata de timp în care a avut loc perceperea. Astfel, în cadrul Facultății de Drept a Academiei MAI “Ștefan cel Mare”, am organizat un experiment. S-au creat două grupuri de persoane pentru un experiment involuntar: participanții au perceput scena unui act huliganic înscenat cu participarea a două persoane. Primul grup a perceput actul timp de 35-40 de secunde, al doilea – în decurs de 75-85 de secunde. Verificarea rezultatelor oferite de participanți ne-a arătat că valoarea erorilor și lacunelor depistate în primul grup era de 54,9%. În grupul ce a perceput scena 75-85 de secunde, quantumul lacunelor a constituit 18,6%.

Asupra formării reflexiei memorial fixate și integrității sale au o influență puternică sexul sau meseria persoanei, timpul care s-a scurs de la momentul derulării evenimentului [13, p. 15].

Este important să menționăm influența asupra calității memorizării a stării de ebrietate alcoolică sau narcotică, stare care, pe lângă altele, se poate solda cu deconectarea atît a memoriei de lungă durată, cît și a celei de scurtă durată. Respectiv, la etapa de reproducere se atestă o limită a procesului de detaliere.

Un alt element al percepției este cel al glasului, vocii, care include perceperea sunetelor și structurii lor. În acest context, B. G. Ananiev menționează că structura sunetelor limbii materne determină dezvoltarea urechii umane, particularitățile sale de tembru, intervale în timp [14, p. 238].

În plus, diapazonul percepției auditive este cu mult mai larg:

aceasta ne oferă posibilitatea de a sesiza deosebirea între cei ce vorbesc. Astfel, la o observare atentă este ușor de convins că două persoane (chiar și o singură persoană în diferite perioade de timp) nu vor vorbi absolut identic [15, p. 59].

Reproducerea este etapa ulterioară de trecere a informației dintr-o formă în alta. În psihologia generală reproducerea este privită ca unul dintre procesele memoriei care se realizează în formă de reamintiri sau recunoaștere [16, p. 306-308].

N. N. Gapanovici menționează că persoana reînvie în memorie imaginea obiectului și citește de pe el particularitățile și semnalmentele sale, în cazul identificării coraportează la imaginea din memoria obiectului perceput nemijlocit și trage concluzia cu privire la caracterul lor identic, asemănare sau deosebire [17, p. 67].

Reamintirea este reproducerea localizată în timp și spațiu a imaginilor trecutului și atribuirea lor unui anumit loc și timp.

Recunoașterea/identificarea are diferite mecanisme psihologice. În psihologie se deosebesc două tipuri de recunoaștere/identificare: recunoaștere *simultană* și *succesivă*. Recunoașterea simultană (sintetică) este reproducerea imediată a obiectului văzut, fiind recunoașterea de la prima vedere, în urma raportării modelului în timpărit în memoria persoanei ce recunoaște la modelul perceput [18, p. 36]. Recunoașterea succesivă (analitică) are loc diferențiat, printr-o identificare, verificare succesivă și comparare a semnalmentelor obiectului prezentat cu elementele modelului existent în memorie.

În opinia lui M.S. Șepter, cea mai sigură metodă de recunoaștere/identificare este prima. Dacă nu are loc recunoașterea/identificarea rapidă/instantanee, se conectează

analiza conștientă, reamintirea și raportarea exstinsă a semnalmentelor, în finalul cărei operațiuni survine sancțiunea de recunoaștere sau nerecunoaștere [19, p. 12].

În baza anumitor date, în cazul recunoașterii sintetice chiar și a unui obiect bine cunoscut persoanele care recunosc nu indică în datele oferite acele semnalmente în baza cărora a fost efectuată recunoașterea [20, p. 269]. În vederea explicării acestui fenomen, este necesar să ne axăm pe presupunerile savantului rus I. M. Secenov, care consideră că procesul de recunoaștere/identificare are loc în străfundurile memoriei, în afara conștiinței, respectiv fără participarea conștiinței și voinței [21, p. 355-356].

În practica judiciară și în doctrina teoretică s-a constatat faptul că recunoașterea în cazul prezentei spre recunoaștere care nu este bazată pe descoperirea prealabilă a obiectului căutat și a semnalmentelor sale, în baza cărora el este recunoscut, nu poate fi însă considerată ca având importanță probatorie. Astfel, se micșorează importanța identificatoare a unui astfel de gen de recunoaștere, când o persoană o recunoaște pe alta doar datorită faptului că o cunoaște foarte bine, dar este în dificultate de a o descrie și de a explica cum a recunoscut-o.

Descrierea reflexiei memorial fixate de către persoana ce o posedă reprezintă cea mai eficientă metodă de a o materializa și de a o face accesibilă și înțeleasă celor din jur. În acest context, este de menționat faptul că nu întotdeauna se reușește de a reda deplin și veridic imaginea exterioră a obiectului perceput. Aceasta se explică prin faptul că în procesul descrierii are loc transformarea multiplă a imaginilor memorate cu privire la exterior [22, p. 47].

Dificultățile întâlnite la descrierea celor percepute se explică prin erorile procesului de percepere, aspectele specifice memoriei fiecărei persoane, prin nivelul de intelect.

Capacitatea de verbalizare este o calitate esențială de care trebuie să ținem cont. Este adevărat că tot ceea ce percepem este denumit, dar atâta vreme cât nu sîntem obligați să relatăm verbal evenimentele văzute și auzite (deci trăite), ele se transformă în sistemul limbajului interior în forme prescurtate, oarecum „stenografiate” și neorganizate. Când trebuie însă să le povestim, e nevoie de încă o transpunere, de data aceasta în codul unui limbaj coerent logic-gramatical, care singur poate asigura transmisibilitatea informațiilor, a întregului mesaj. Această transpunere secundară (secundară doar în timp) poartă în sine alți germeni de distorsionare [23, p. 128].

Investigațiile desfășurate de savanții-psihologi denotă faptul că vocabularul bogat al subiectului audiat îi va permite să memorigeze și să reproducă un număr mai mare de detalii. Își lasă amprenta asupra acestui aspect și nivelul de inteligență (studii), experiența de viață a persoanei.

Aceste elemente trebuie să fie luate în calcul de ofițerul de urmărire penală. În cadrul audierii, un rezultat pozitiv se va obține dacă ofițerul de urmărire penală va iniția un proces activ, la început prin stabilirea unui contact psihologic, desfășurarea audierii într-un ritm productiv, caracterizat prin corectarea efectuată de OUP, concretizare, sistematizare a datelor acumulate. Totodată, menționăm că este incorectă orientarea ofițerului de urmărire penală doar spre semnalmente individuale, fiind necesar, în opinia noastră, de creat un complex al semnalmentelor

obiectului sau persoanei percepute anterior.

Concluzii. Succesul oricărei acțiuni de urmărire penale derivă din identificarea esenței acesteia, elementelor sale specifice. Aspectele de ordin psihic îndreptate spre realizarea unei acțiuni reprezintă unul dintre elementele-cheie. În esență, evaluarea aspectelor de ordin psihic, a dificultăților existente și înaintatea unor soluții în vederea eficientizării proceselor de percepție, memorare și reproducere reprezintă cheia succesului unei acțiuni cum ar fi prezentarea spre recunoaștere.

Reieșind din cele menționate, considerăm că evaluarea tuturor aspectelor de ordin psihic ce stau la baza recunoașterii ca acțiune psihică, tactică și procesuală reprezintă dezideratul în vederea edificării unei instituții procesual-penale eficiente, calitative – aspecte care vor contribui la stabilirea adevărului și vor asigura supremația legii.

Bibliografie

1. Голдстейн А., Хармон Л., Леск А. *Идентификация человеческих лиц*. В: Труды Института инженеров по электротехнике и радиоэлектронике, 1971, № 5, с. 59.
2. Панферов В.Н. *Восприятие и интерпретация внешности людей (фотографических изображений человеческих лиц)*. Дисс. ... канд. псих. наук, Ленинград, ЛГУ, 1969.
3. Ibidem.
4. Панферов В.Н. *Op. cit.*, с. 2; Бодалев А.А. *Восприятие человека человеком*. Ленинград, 1965.
5. Попова Л.М. *Теоретико-прикладные аспекты проблемы разработки и использования функционального портрета человека в криминалистике*. Автореф. дисс. .... канд. юрид. наук, Минск, 1995.
6. Зинин А.М. *Теоретические и практические проблемы криминалистического установления личности по признакам внешности*. Дисс. .... докт. юрид. наук в виде научного доклада, выполняющего функции автореферата, Москва, 1997.
7. Aioanițoaie C. *Tratat de tactică criminalistică*, Oradea, Editura Carpați, 1992.
8. Богословский В. В. *Общая психология*. Москва: Просвещение, 1973.
9. Rusnac S. *Psihologia dreptului*. Chișinău: Editura ARC, 2000.
10. Зинин А. М. *Габитоскопия и портретная экспертиза*. Москва 2001.
11. În psihologia sovietică, prin *direcționare* se înțelege capacitatea de a percepe un obiect sau un fenomen într-un anumit mod, fapt condiționat de percepțiile anterioare sau, mai bine zis, de experiența anterioară Узнадзе Д. Н. *Экспериментальные основы психологии установки*. Тбилиси, 1961; de asemenea, lucrarea sa *Психологические исследования*, М.: Наука, 1966.
12. Крикунов А., Е. Маевский. *Тактика и психологические основы предъявления лица для опознания на предварительном следствии*. Киевская высшая школа МВД СССР, Киев, 1977.
13. Эминов В. *Объект исследования – очевидец*. В: Наука и жизнь, 1974, № 11.
14. Ананиев В. Г. *Теория оцущений*. Л., 1961.
15. Блумфилд Л. *Язык*. М.: Прогресс, 1968.
16. Петровский А. В. *Общая психология*. Изд. 2-е, дополненное и переработанное. Москва: Просвещение, 1976.
17. Гапанович Н.Н. *Опознание в судопроизводстве (Процесуальные и психологические проблемы)*. Минск: Изд.-во БГУ, 1975.
18. Шехтер М. С. *Некоторые теоретические вопросы психологии узнавания*. В: Вопросы психологии, 1963 № 4.
19. Шехтер М.С. Изучение механизмов симультанного узнавания. – Доклады Академии педагогических наук РСФСРЮ, 1963, № 1.
20. Ратинов А.Р. *Судебная психология для следователей*. Москва: Изд. ВШ МООП СССР, 1967, с. 269.
21. Сеченов И.М. *Избранные философские и психологические произведения*. Москва, 1947, с. 355-356.
22. Снетков В. А., Зинин А. М. *Методы непосредственной актуализации мысленного образа очевидцев при их допросе о признаках внешности человека*. В: Тактические приемы допроса и пределы их использования. Москва, 1980.
23. Zdreanghea V., N. Mitrofan, T. Butoi. *Psihologie judiciară*. București: Editura Șansa, 1992.

PROCESUL NORMATIV ȘI CEL ORGANIZAȚIONAL DE REALIZARE A AMNISTIEI

Cristian Alin LUPU,
doctorand

SUMMARY

There are analyzed some opinions regarding amnesty, by proposing a definition of it. The author stresses that amnesty is dictated by considerations of penal policy. The author also argues the scientific results reached by, the need to improve the legal framework and the method of making such improvements. Stated that the act of amnesty should not produce effects on educational measures and that amnesty shall not affect the rights of the injured. In this respect are submitted proposals to amend the Criminal Code.

Keywords: amnesty, act of clemency, amnesty act, penal policy, the enforcement of amnesty, the content of the amnesty, amnesty effects.

REZUMAT

În articol sînt analizate unele opinii privind amnistia, propunîndu-se o definiție a acesteia. Autorul accentuează faptul că amnistia e dictată de rațiuni de politică penală. De asemenea, autorul argumentează, prin rezultate științifice la care a ajuns, necesitatea îmbunătățirii cadrului legislativ, precum și modalitatea de realizare a acestei îmbunătățiri. Se menționează faptul că actul de amnistie nu trebuie să producă efecte asupra măsurilor educative și faptul că amnistia nu produce efecte asupra drepturilor persoanei vătămate. În acest sens, sînt înaintate propuneri de modificare a codului penal.

Cuvinte-cheie: amnistie, act de clemență, act de amnistie, politică penală, aplicarea actului de amnistie, conținutul actului de amnistie, efectele amnistiei.

Introducere. Prin generalizarea problemei date de actul de amnistie și, implicit, legătura acesteia cu sarcinile teoretice și practice, putem observa schimbările de loc ușore, dar comune în cele două țări învecinate și cu trecut istoric comun – România și R. Moldova. Aceste entități statale s-au înscris în mod pozitiv și ireversibil pe drumul evoluției sociale și politice, al democratizării, modernizării și integrării europene prin tot ceea ce privește procesul de justiție. Amnistia se întemeiază pe teoria ordinului ce a fost reprezentată de către Laband [1, p.508]. În literatura mai recentă, întemeierea actelor de clemență pe ordinul autorității a fost restrînsă doar cu privire la amnistie [2, p. 343].

Rezultate și discuții. Prin analiza unor opinii ce fac referire la amnistie și, mai cu seamă, la ultimele cercetări și publicații, în cadrul cărora a fost pornită studiarea problemei în cauză, putem evidenția și, deopotrivă, enunța elementele nesoluționate ale problemei legate de amnistie, precum și procesele normativ și organizațional de realizare a acesteia. Amnistia reprezintă, potrivit opiniei profesorului A.

Ungureanu, o renunțare din partea puterii publice la aplicarea răspunderii și pedepsei penale pentru restabilirea ordinii de drept încălcate, constituind atît un act politic, cît și unul juridic [3, p. 245]. M. Zolyneak arată că amnistia reprezintă un act de clemență ce se acordă, prin lege, de către Parlament, prin care se înlătură răspunderea penală sau consecințele condamnării pentru infracțiunile ce se încadrează în dispozițiile sale, săvîrșite înainte de apariția sa [4, p. 284]. Autorii din RM arată că amnistia este actul de clemență, acordat prin lege organică, privitor la unele infracțiuni săvîrșite anterior datei prevăzute în actul normativ, pe temeuri social-politice și din rațiuni de politică penală superioară celor care ar fi legitimat reacția coercitivă a societății împotriva infractorilor și care are drept efect înlăturarea răspunderii penale, a executării pedepsei, precum și a altor consecințe ale condamnării [5, p. 228].

Așa cum se observă din definițiile expuse, accentul este pus fie pe gradul de generalizare a actului de clemență, fie pe gradul de răspîndire în doctrină, fie în genere pe anumite trăsături. Definițiile arătate mai sus

constată, deopotrivă, asemănări și deosebiri, iar acestea din urma sînt determinate de trăsătură și sfera lor de cuprindere. Cumulînd toate aceste condiții ce fac referire directă la instituția amnistiei și așezîndu-le într-o formulare sau definiție a acestui act de clemență, constatăm că prin noțiunea de amnistie noi înțelegem: *actul juridic statal de clemență, de liberare de răspundere penală și pedeapsă penală, acordat prin lege organică, privitor la o categorie determinată de infracțiuni, săvîrșite înaintea datei prevăzute în actul normativ, ce are ca temeuri de acordare motivații social-politice și rațiuni de politică penală.*

Ne propunem, prin acest articol, să identificăm o parte din deosebirile legislative în abordarea subiectului amnistiei, precum și modalitatea de îmbunătățire a acesteia, dar și posibilitatea de realizare a acestei îmbunătățiri.

Amnistia provine din grecescul „amnesia”, ceea ce înseamnă *a da uitării, a ierta*, fiind prin dispozițiile și cerința legiuitorului o modalitate de liberare de răspundere și pedeapsă penală. În acest sens, amnistia este un act de clemență al pu-

terii legiuitoare, acordat prin lege organică, privind unele infracțiuni săvârșite anterior datei prevăzute în actul normativ și care are ca efect înlăturarea răspunderii penale, a executării pedepsei, precum și a altor consecințe ale condamnării [6, p. 553]. O particularitate ce identifică amnistia este aceea că iertarea pornită prin actul de amnistie se răsfrânge asupra infracțiunilor săvârșite într-un anumit interval de timp. Această iertare nu este completă, fiind concentrată numai asupra laturii penale, fiindcă ea înlătură numai consecințele penale ale faptelor, nu și alte consecințe juridice, spre exemplu, cele civile, administrative, disciplinare etc. De asemenea, amnistia nu înlătură caracterul infracțional și nu poate fi echivalată cu dezincriminarea faptei, consideră cu bună dreptate prof. Ion Neagu, iar faptele săvârșite ulterior actului de amnistie constituie infracțiuni și atrag răspunderea penală [7, 180].

O atenție deosebită trebuie să manifestăm față de faptul că amnistia este dictată de rațiuni de politică penală. Așa fiind, actul de amnistie este întotdeauna corelat cu anumite evenimente social-politice care influențează fenomenul infracțional ori care marchează momente deosebite în evoluția societății, cum este cazul celor amintite de noi în începutul acestui articol. De asemenea, întărim considerentul că amnistia se declară în legătură cu anumite evenimente sau date cu însemnătate remarcabilă din istoria statului. Putem argumenta acest exemplu prin: Legea privind amnistia în legătură cu aniversarea a X-a a adoptării Constituției RM nr. 278-XV din 16.07.2004, publicată în MO nr. 125-129/673 din 30.07.2004 [8]; Decretul-lege nr. 3/1990 privind amnistierea unor infracțiuni și grațierea unor pedepse emis de către CFSN în 4.01.1990, publicat în MO al României nr. 2 din 5.01.1990 [9], și Decretul-lege nr. 23/1990 privind grațierea unor

pedepse, emis de către CFSN în 4.01.1990, publicat în MO al României nr. 2 din 5.01.1990 [10].

Totodată, amnistia poate fi folosită ca mijloc de reevaluare a politicii penale, de reparare a unor eventuale acte de injustiție ori să se fundamenteze pe ideea de identificare a noi resurse și mijloace de apărare socială, consideră prof. V. Dobrinou și alții [11, p. 451].

În opinia lui L. Barac, amnistia reflectă imperativele umanismului și încrederea statului față de persoanele care au săvârșit infracțiuni. Amnistia se înfățișează ca o instituție juridică complexă, ce cuprinde atât norme juridice de drept constituțional, cât și norme de drept penal [12, p.194]. Prin această ultimă opinie, considerăm că amnistia – act al autorității legiuitoare – intervine și este reglementată prin normele dreptului constituțional prin intermediul art. 66 lit. p) și prin art. 72 alin. 3 lit. o) din Constituția Republicii Moldova, actele de amnistie sînt emise de Parlamentul RM în cadrul activității de legiferare, stabilind infracțiunile pentru care se acordă amnistia, condițiile în care se acordă și limitele incidenței sale. Arătăm că ordinea de aplicare a legii cu privire la amnistie este stabilită într-o hotărîre specială separată.

Ca instituție a dreptului penal, amnistia este prevăzută de art. 107 CP RM, care stabilește efectele pe care le produce amnistia intervenită fie înainte, fie după condamnarea făptuitorului. În mod corespunzător, în CPP RM sînt prevăzute dispoziții cu privire la procedura aplicării amnistiei și la consecințele procesuale ale acestei măsuri. Aceași situație privind natura juridică a amnistiei este înțîlnită și în România, prin corespondent atît în ceea ce privește norma Constituției României, cît și în ceea ce privește norma de drept penal prin art. 119 CP.

Expunînd materialul principal, vom argumenta – prin rezultatele

științifice la care s-a ajuns – dacă se impune a se îmbunătăți cadrul legislativ, precum și modalitatea de realizare a acestei îmbunătățiri.

Răspunsul nostru pe această problemă este desigur unul afirmativ, ce vine și susține procesul de îmbunătățire a amnistiei, considerînd noi că prin prisma incidenței sale amnistia are întotdeauna un caracter real și operează, de regulă, *in rem* pentru anumite fapte penale, fără a se lua în considerație persoana făptuitorilor. Totodată, efectele amnistiei se produc în raport cu toți participanții. O îmbunătățire ar consta în ipoteza că legiuitorul poate să aplice amnistia și în funcție de anumite condiții personale. Drept consecință, amnistia capătă un caracter mixt, operînd nu numai *in rem* (pentru infracțiuni), dar și *in personam* (pentru persoanele care îndeplinesc condițiile legii) [13, p. 248].

Raportată la subiecții răspunderii penale, amnistia, ca act juridic, are un caracter obligatoriu. Acest caracter obligatoriu poate fi privit fie în raport cu organele de stat ce sînt în drept a exercita constrîngerea în cadrul răspunderii penale, fie în raport de persoana care a săvârșit infracțiunea.

Legea, prin generozitatea manifestată de legiuitor, asigură dreptul învinutului (inculpatului) că în vederea stabilirii exacte a răspunderii penale, acesta să beneficieze de dreptul de a cere continuarea procesului penal, cu scopul și totodată pentru a se stabili nevinovăția sa. La finalul procesului penal, indiferent de concluziile la care se ajunge, procesul penal va înceta prin următoarele posibilități: fie prin stabilirea nevinovăției persoanei, fie prin înlăturarea răspunderii penale pe baza amnistiei.

Aceasta înseamnă că aplicarea actului de amnistie se întemeiază pe prezumția existenței infracțiunii chiar și pentru o perioadă scurtă de timp. Prezumția constituțională de nevinovăție, potrivit căreia, pînă

la rămânerea definitivă a hotărârii judecătorești de condamnare, persoana este considerată nevinovată, se transformă într-o autentică prezumție de vinovăție [14, 100]. Dar efectul imediat al amnistiei și al aplicării prezumției de vinovăție constă tocmai în încetarea imediată a oricărei proceduri împotriva făptuitorului, ceea ce, în majoritatea covârșitoare a cazurilor, corespunde intereselor sale.

Prin doctrina dreptului penal avem posibilitatea să deosebim:

□ *amnistii generale* (atunci când vorbim despre acte ce privesc toate infracțiunile săvârșite pînă la data acordării ei, indiferent de natura sau gravitatea lor), iar ca o caracteristică acestea sînt utilizate foarte rar și utilizate de mai multe state cu o instabilitate politică și o înaltă frecvență a infracțiunilor;

□ *amnistii speciale* (atunci când sînt acordate și privesc deopotrivă numai anumite infracțiuni, de un anumit gen, gravitate, săvârșite de anumite persoane etc.).

Practica din Republica Moldova arată că cele mai des acordate sînt acest ultim tip de amnistie.

Considerînd că amnistia are o arie largă de aplicare, totuși ea are unele limite strict determinate de lege care, conform art. 107 (2) CP al RM, arată: „amnistia nu are efecte asupra măsurilor de siguranță și asupra drepturilor persoanei vătămate”. Justificarea, precum și rațiunea acestei limitări rezidă atît în natura, cît și în finalitatea măsurilor de siguranță. Acestea sînt concepute de legiuitor cu scopul de înlăturare a unor stări de pericol și preîntîmpinare a săvîrșirii faptelor prevăzute de legea penală, de aceea trebuie să își mențină activitatea atîta timp cît există aceste stări.

Este evident că renunțarea din partea Statului de a pune în executare aceste măsuri de siguranță nu ar avea nici o justificare și nu ar fi folositoare nici societății și nici celui față de care s-au dispus măsurile [15, p. 546].

Este admis atît în Republica Moldova, cît și în România faptul că actul de amnistie nu trebuie să producă efecte asupra măsurilor educative. Considerațiile avute în vedere în momentul dezbaterilor pe acest aspect au fost determinate de motivația că măsurile educative nu sînt cuprinse în grupa pedepselor, drept urmare amnistia nu poate produce efecte decît asupra pedepselor. Comportamentul infractorului trebuie corijat și direcționat pe un drum pozitiv atît față de norma penală, cît și față de relațiile sociale ocrotite de legea penală.

Pedepsele, spre deosebire de măsurile educative, constituie antecedente penale pentru minorul pentru care au fost luate, în schimb măsurile educative nu constituie antecedente penale. În CP al RM [16], considerăm ca propunere de lege ferenda a se insera în conținutul art. 107 alin. 2 prevederea expresă întocmai cum este prezentată în legea penală a României la art. 119 alin. 2. În prezent conținutul art. 107 alin. 2 este următorul: „Amnistia nu are efecte asupra măsurilor de siguranță și asupra drepturilor persoanei vătămate”. Prin propunerea de lege ferenda, conținutul art. va fi următorul: „Amnistia nu are efecte asupra măsurilor de siguranță, *măsurilor educative* și asupra drepturilor persoanei vătămate”.

Amnistia nu produce efecte asupra drepturilor persoanei vătămate (art. 107, alin. 2 CP al RM) [16]. Aceeași reglementare se regăsește și în dispozițiile art. 119 alin. 2 CP al României [17]. În cadrul prevederii acestor dispoziții, prin drepturile persoanei vătămate se înțeleg drepturile privitoare la pretențiile civile, iar nu și la drepturile pe care le are persoana vătămată uneori în legătură cu latura penală (de exemplu, dreptul de a face plîngere prealabilă, dreptul de a stinge procesul penal prin retragerea plîngerii etc.), aceste din urmă drepturi stingîndu-se și ele prin amnistie. Ambele state,

prin reglementările normative în materie penală, consideră că exceptarea privitoare la consecințele civile operează fie că este vorba de amnistia intervenită înainte de condamnare, fie că este vorba de amnistia intervenită după condamnare. Justificarea prezentată atît de autorii cercetărilor științifice ai României, cît și de cei ai RM asupra acestei dispoziții constă în faptul că amnistia, ca și toate celelalte cauze de înlăturare a răspunderii sau pedepsei penale, privește raportul juridic de drept penal, fapta ca activitate infracțională, și nu raportul juridic de drept civil, fapta ca activitate dăunătoare.

Concluzii:

1. Ca noțiune a actului de amnistie se înțelege că *aceasta reprezintă actul juridic statal de clemență, de eliberare de răspundere penală, acordat prin lege organică, privitor la o categorie determinată de infracțiuni săvârșite înaintea datei prevăzute în actul normativ, ce are ca temeiuri de acordare motivații social-politice și rațiuni de politica penală.*

2. În ceea ce privește modalitatea în care intervine acest tip de clemență, trebuie arătat faptul că aceasta aparține numai puterii statale prin act juridic emis de către Parlamentul României sau RM.

3. Amnistia este un mijloc de realizare a principiului umanismului în politica juridică penală și în legislația penală. În conținutul său actul de amnistie face referire la un anumit cerc de persoane nedeterminate individual, un număr de cauze penale nedeterminate direct, indiferent de faza procesuală de aflare a acestora. Amnistia are caracter general obligatoriu pentru organele de drept.

4. Actul de amnistie doar creează baza normativă pentru liberarea persoanei, stabilind categoriile de persoane care cad sub incidența ei, ordinea și condițiile de aplicare a acesteia. Ca temei juridic pentru liberarea de răspundere penală intervine printr-un act individual de aplicare

a normelor de drept, actul juridic de constatare a incidenței amnistiei.

5. Consecințele juridice pe care actul de amnistie le produce sînt evidențiate în funcție de momentul la care intervine actul de amnistie, fiind legate de criteriile ce au la bază întinderea actului de amnistie; condițiile de acordare a actului de amnistie; stadiul procesual în care se găsesc infracțiunile.

6. Efectele amnistiei intervenite înainte de condamnare produc consecința juridică a înlăturării răspunderii penale. În acest stadiu procesual-penal, procesul nu mai pornește, dar în situația în care acesta a pornit, acțiunea penală nu se mai pune în mișcare, fiind oprită. În cazul în care procesul urmează cursul judecării, aceasta va înceta. Aceste efecte juridice și consecințe sînt regăsite în ambele reglementări penale ale celor două state – România și RM.

7. În afara înlăturării răspunderii penale, amnistia produce un șir de consecințe juridice specifice, în funcție de diferitele momente cuprinse între data săvîrșirii infracțiunii și aceea a rămîinerii hotărîrii definitive. În cazul în care amnistia a intervenit înainte de sesizarea organelor judiciare, ea nu stinge dreptul persoanei vătămate de a introduce plîngere ori de a cere repararea prejudiciului.

8. Amnistia intervenită în intervalul dintre data rămîinerii definitive a hotărîrii judecătorești și aceea a începerii executării pedepsei va înlătura, deci, în parte executarea pedepsei accesorii și în totalitate executarea celei principale. În RM limitările de acțiune ale amnistiei constau în art. 107 alin. 2 CP, amnistia nu are efecte asupra măsurilor de siguranță, cum ar fi: măsurile de constrîngere cu caracter medical, adică internarea persoanei iresponsabile, care a săvîrșit infracțiuni fiind responsabilă, într-un spital de boli mintale sau aplicarea măsurilor de constrîngere cu caracter medical alcoolicii și narcomanilor,

sau punerea lor sub tutelă (art. 98 și 103 CP al RM); măsurile de constrîngere cu caracter educativ, cum ar fi: internarea minorului într-o instituție specială de învățămînt și de educație sau într-o instituție curativă și de educație, limitarea timpului liber și stabilirea unor cerințe speciale privind comportamentul minorului etc. (art. 104 CP al RM), expulzarea străinilor (art. 105 CP al RM) și confiscarea specială (art. 106 CP al RM).

9. Ambele state, prin reglementările normative în materie penală, consideră că exceptarea privitoare la consecințele civile operează fie că este vorba de amnistia intervenită înainte de condamnare, fie că este vorba de amnistia intervenită după condamnare. Justificarea prezentată atît de cercetătorii din România, cît și de cei ai RM constă în faptul că amnistia, ca și toate celelalte cauze de înlăturare a răspunderii sau pedepsei penale, privește raportul juridic de drept penal, fapta ca activitate infracțională, și nu raportul juridic de drept civil, fapta ca activitate dăunătoare.

Referințe bibliografice

1. Laband P. *Das Staatsrecht des deutschen Reiches*. Bd. III. Tubingen; Leipzig: Verlag von J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1901.
2. Pfeifer. *Das Gnadenrecht des Bundespräsidenten – Insbesondere das Restitutionsrecht*. În: JBl, 1952.
3. Ungureanu A. *Drept Penal român. Partea generală*. București: Lumina Lex, 1995.
4. Zolyneak M. *Drept penal. Partea generală*. Iași: Fundația „Chemia”, 1993.
5. Barbăneagră A. Alecu Gh., Berliba V. și alții. *Codul penal al R. Moldova. Comentariu*. Chișinău: Sarmis, 2009.
6. Botnaru S., Șavga A., Grosu Vl. și alții. *Drept penal: partea generală*. Chișinău: Cartier juridic, 2005.
7. Neagu I. *Dreptul procesual penal*. București: Ed. Academiei RS România, 1988.

8. *Legea privind amnistia în legătură cu aniversarea a X-a a adopțării Constituției RM nr. 278-XV din 16.07.2004*, publicată în MO nr. 125-129/673 din 30.07.2004.

9. Decretul-lege nr. 3 din anul 1990 emis de către CFSN în 04.01.1990, publicat în MO al României nr. 2 din 5.01.1990.

10. Decretul-lege nr. 23 din anul 1990 emis de către CFSN în 04.01.1990, publicat în MO al României nr. 2 din 5.01.1990.

11. Dobrinioiu V., Pascu I., Molnar I. și alții. *Drept penal. Partea generală*. București: Europa Nova, 1999.

12. Barac L. *Răspunderea și sancțiunea juridică*. București: Lumina Lex, 1997.

13. Mittrache C. *Drept penal român: partea generală*. Ed-a III-a. București: Șansa SRL, 1997.

14. Tulbure A.S. *Prezumția de nevinovăție. Contribuții la integrarea europeană*. Sibiu: Agenția de publicitate și management „Red”, 2000.

15. Dobrinioiu V. și alții. *Drept penal. Partea generală*. București: Atlas Lex, 1994.

16. *Codul penal al Republicii Moldova*. Legea Republicii Moldova 985-XV din 18.04.2002 (în vigoare din 24.05.2009, republicat). În: Monitorul Oficial al R. Moldova, nr. 128-129/1012 din 13.09.2002. Republicat: Monitorul Oficial al R. Moldova nr.72-74/195 din 14.04.2009.

17. *Codul penal al României*. Legea nr. 286/2009. În: Monitorul Oficial al României. Partea 1, nr. 510 din 24.07.2009.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ОСНОВАНИИ СОГЛАШЕНИЙ

Г. СОЛОВЕЙ,

аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики
Харьковского национального университета внутренних дел

SUMMARY

The article is devoted the nature of the institute of plea agreement in the criminal proceedings. The author proposes to add CCP of Ukraine articles, which would provide legal assistance as the accused or suspect during an agreement on the plea.

Keywords: the plea agreement, the CCP of Ukraine, judicial reform, mediation.

РЕЗЮМЕ

В статье исследуется сущность института соглашения о признании вины в уголовном производстве. Автор предлагает дополнить УПК Украины положением, которое бы обеспечивало обязательное предоставление правовой помощи обвиняемому или подозреваемому при заключении соглашения о признании вины.

Ключевые слова: соглашение о признании вины, УПК Украины, судебная реформа, медиация.

Постановка научной проблемы. Судебно-правовая реформа, которая проводится в Украине, требует обращения к международному опыту с целью изучения и рецепции правовых институтов и процедур, доказавших свою эффективность на практике. На основе этого в Уголовном процессуальном кодексе Украины от 13 апреля 2012 года (далее – УПК) сформирован принципиально новый подход к регулированию уголовных процессуальных отношений между государственными органами, осуществляющими уголовное преследование, и лицом, привлекаемым к ответственности. УПК Украины ввел новый институт для украинского уголовного судопроизводства, а именно *осуществление уголовного производства на основании соглашений*.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопрос дифференциации уголовно-процессуальных форм, упрощенных и сокращенных процедур рассмотрения дел, в частности с применением соглашения о признании вины, исследовали такие зарубежные ученые как: А. Альшулер, А. Гольдштейн, Л. Уайнреб, М. Фили, Л. Фридман, М. Хейманн, В. Штрунц, Р. Веннигер, Г. Веттер, Д. Дрес-

слер, Д. Ленгбайн, В. Макдоналд, Ч. Мирски и Р. Скотт. Украинские ученые (например, П. М. Маларчук, В. Н. Махов, П. В. Пушкарь, Д. В. Филин и другие) большое внимание уделяют вопросу имплементации соглашения о признании вины в законодательство. Поскольку УПК Украины к особым порядкам уголовного производства отнес производства на основании соглашений, то такой институт требует научного анализа.

Целью статьи является исследование отдельных аспектов осуществления уголовного производства на основании соглашений, определение некоторых направлений усовершенствования этого правового института.

Основные результаты исследования. УПК Украины значительно расширил институт медиации в уголовном процессуальном праве. Правовые нормы, определяющие порядок осуществления судопроизводства на основании соглашений, соответствуют европейским требованиям и могут считаться одним из проявлений гармонизации украинского законодательства с законодательством ЕС и международными стандартами. О необходимости расширения сферы применения медиации в уголовных делах указано в

рекомендациях Совета Европы. Так, в ст. 10 Рамочного решения Совета Европейского Союза «О положении жертв в уголовном судопроизводстве» от 15 марта 2001 г., последняя обязывает все государства ЕС распространять посредничество в уголовных делах и обеспечивать принятие к рассмотрению любых соглашений между жертвой и правонарушителем, достигнутые в процессе посредничества [1]. Следует отметить, что проблемы медиации в правосудии были предметом обсуждения Совета ООН, который 24 июля 2002 г. принял резолюцию «Об основных принципах программы реституционного правосудия по уголовным делам», в которой рекомендуется всем странам международного сообщества развивать и внедрять такое правосудие в национальное судопроизводство.

Поэтому учитывая вышеупомянутые документы и опираясь на опыт европейских и зарубежных государств, УПК Украины предоставил сторонам уголовного производства возможность заключать соглашения о примирении между потерпевшим и подозреваемым или обвиняемым и соглашения о признании вины между прокурором и подозреваемым или обвиняемым. Вышеупо-

мянутые виды сделок могут инициироваться как в досудебном, так и в судебном производствах, но только до того момента, когда суд выйдет в совещательную комнату для вынесения приговора (ч. 5 ст. 469 нового УПК). Вместе с тем, если обвиняемый или подозреваемый заключают соглашения о признании вины, то это приводит к ограничению права на подачу апелляции на приговор суда (ч. 2 ст. 473) [2].

Следует отметить, что внедрение такого института для украинского судопроизводства было вызвано и тем, что за последние десятилетия все чаще в научной литературе рассматривается вопрос неэффективности строгих методов наказания преступников. Безусловно, роль наказания не стоит недооценивать, но ни в коем случае не следует переоценивать, видя в нем залог успеха в борьбе с преступностью. Человечество испытало за свою историю все возможные виды уголовного наказания, но ни один из них не привел к желаемому результату, уровень преступности не снижается под влиянием карательных средств [3, с. 70].

Поэтому, возникла проблема дифференциации процессуальной формы, необходимости ускорения и упрощения судебного производства при условии обеспечения прав участников процесса. Такая проблема существует и в других государствах, где также пытаются найти оптимальную модель процессуальной формы. Это особенно необходимо в тех делах, когда в суд подаются достаточные доказательства вины лица в совершении преступления, которое ее не отрицает, поэтому возможно решить дело без полного судебного разбирательства [4, с. 7]. В данном случае именно соглашения о признании вины является способом решения этих проблем. Такие соглашения, во-первых, являются важным

условием сохранения эффективного функционирования судебной системы, не проводя при этом полного рассмотрения дела, во-вторых, существенно уменьшают нагрузку на судей.

Следует отметить, что соглашения о признании вины применялись в США еще в начале XIX века и имеют более чем 150-ти летнюю практику. Соглашение о признании вины закреплено в Федеральных правилах уголовного процесса в окружных судах США в правиле II пункте E. Содержание такого соглашения заключается в том, что прокурор и обвиняемый заключают соглашение о признании обвиняемым своей вины в совершенном преступлении в обмен на сокращение ему объема обвинительного акта или на смягчение наказания. По данным американского юриста Реймонда Молли, в 1839 году в штате Нью-Йорк 22% судебных приговоров по уголовным делам выносились на основании соглашений о признании вины, а в 1920 году более 80% уголовных дел решались с помощью заявлений о признании вины [5, с. 626].

Таким образом, соглашение о признании вины является основным способом разрешения большого количества уголовных дел в судах США и большинстве государств, которые относятся к англосаксонской правовой семье. Поэтому в Америке значительная часть опытных адвокатов решают дела путем переговоров и оформления сделки о признании вины. Судебная система США столкнулась с тем, что подавляющее большинство обвиняемых по уголовным делам отказываются от своего права на судебное разбирательство и заключают соглашения о признании вины. Роберт Скотт и Билл Стунц утверждали, что такие соглашения являются не приложением к системе уголовного правосудия, а самой системой уголовного правосудия.

В подтверждение изложенного можно привести следующие статистические данные: в 2010 году в США 3463 обвиняемых в преступлениях предстали перед судом, тогда как 72110 – заключили соглашения о признании вины. Таким образом, менее 5% уголовных дел были рассмотрены в судебном слушании, а 95,4% – закончились заключения соглашений. Американские ученые-процессуалисты констатируют, что соглашения о признании вины стали нормой для судебной системы США, тогда как судебные разбирательства – аномалией для уголовного судопроизводства [6, с. 163].

Совсем иная ситуация сложилась в странах романо-германской правовой семьи, в которую входит и Украина. В большинстве стран континентальной системы права (например, Франция, Италия) институт соглашений о признании вины действует не более 10 лет. Практика заключения таких соглашений в Германии вообще отсутствует. Институт соглашения о признании вины критикуется во Франции, потому что юристы считают унижительным заключать такие соглашения, поскольку это противоречит этике профессии в определенных аспектах, а также лишает лицо права на полное судебное разбирательство и нарушает принцип презумпции невиновности.

Противники введения вышеуказанного института в украинское уголовное судопроизводство отмечают, что таким законодательным предписанием, во-первых, создается еще одна коррупционная составляющая, потому что подозреваемый и обвиняемый будут заинтересованы в заключении таких соглашений, во-вторых, фактически легализуется признание вины невиновным лицом, является не допустимым в правовом государстве, а в-третьих, соглашение о признании вины

противоречит принципам уголовного процесса, в частности объективной истины, презумпции невиновности [7, с. 302]. Такую позицию поддерживают и большинство судей, которые считают заключение соглашения о признании вины аморальным делом, а ведение переговоров о назначении меньшего наказания, чем то, которое могло быть назначено в случае применения закона на общих основаниях, потенциально коррупционным.

В противовес этим утверждениям, следует отметить, что соглашение о признании вины соответствует интересам всех заинтересованных лиц в деле. Так, обвиняемый получает соглашение, по которому снижается мера наказания, прокурор уверен в том, что осуждение лица будет иметь место, потерпевший знает, что исполнитель преступления не избежал наказания, а в исправительные органы доставят правонарушителя, который признал свою вину. Стоит отметить, что исправительным органам всегда труднее перевоспитать преступника, который даже после судебного разбирательства дела утверждает о своей невиновности.

Признание обвиняемым вины в совершенном преступлении в обмен на облегчение наказания не противоречит принципу объективной истины по делу, а касается только субъективных оценок, согласно которым прокурор и судья считают возможным квалифицировать деяние обвиняемого по статье уголовного закона с менее строгой санкцией и соответственно назначить более мягкое наказание [8]. Также соглашение о признании вины не противоречит презумпции невиновности. Так, согласно ч. 4 ст. 474 УПК Украины суд перед принятием решения об утверждении такого соглашения должен выяснить у обвиняемого, вполне ли он пони-

мает, что имеет право на судебное разбирательство, в ходе которого прокурор обязан доказать каждое обстоятельство по уголовным преступлением, в совершении которого его обвиняют [2]. Поэтому подозреваемый или обвиняемый сам отказывается от предоставленного ему права. Такая же ситуация возникает при отказе подозреваемого или обвиняемого по собственной инициативе от защитника согласно ст. 54 УПК Украины. В этом же случае не усматривается нарушение принципа состязательности сторон в уголовном производстве.

Однако необходимо указать мнение тех ученых, которые отмечают, что при рецепции соглашения о признании вины или соглашения о примирении следует учитывать особенности деятельности правоохранительных органов Украины. Заключение таких соглашений является добровольным. Также УПК Украины содержит норму: суд обязан убедиться, что заключение соглашения сторонами не является следствием применения насилия, принуждения или угроз. Судья должен истребовать документы, жалобы подозреваемого или обвиняемого, предоставленные им в ходе уголовного производства и решения по результатам их рассмотрения (ч. 6 ст. 474 УПК Украины) [2]. Однако следует предусмотреть дополнительные гарантии для защиты прав подозреваемого или обвиняемого при заключении сделок. Поэтому целесообразно дополнить часть 4 статьи 474 УПК Украины пунктом 2 следующего содержания: «соглашение о признании вины между прокурором и подозреваемым или обвиняемым может быть заключено в производстве только с обязательным участием защитника. Только в присутствии защитника должна осуществляться отказ от него обвиняемым или подозреваемым. Переговоры о заключении согла-

шения о признании вины приостанавливаются до тех пор, пока не будет привлечен к делу другой защитник, избранный обвиняемым или назначенный ему с его согласия».

Введение такой правовой нормы в УПК Украины укрепит реализацию состязательности сторон при окончании досудебного производства. Поскольку, если защитник не будет присутствовать во время ведения переговоров при заключении сделки о признании вины или возникнет другая процедура отказа от защитника, то это может повлечь незаконные действия в отношении подозреваемого или обвиняемого, с целью заставить последнего отказаться от защитника. В такой ситуации есть вероятность, что прокурор заключит соглашение с обвиняемым из-за отсутствия убедительных доказательств его виновности. Поэтому заключение соглашений о признании вины с обязательным участием защитника и о примирении с потерпевшим необходимы для украинского уголовного судопроизводства, так как они имеют целью смягчить наказание обвиняемому и уменьшить нагрузку на систему осуществления правосудия.

Таким образом, в юридической литературе не существует четко определенного, однозначного мнения относительно того, является ли соглашения о признании вины положительным или отрицательным явлением для уголовного производства.

Выводы. На основании проведенного исследования можно предложить следующие выводы:

1. Соглашения о признании вины является юридической договоренностью сторон обвинения и защиты по разрешению дела на взаимовыгодных условиях. Лицо признает свою вину в обмен на меньшую меру наказания, чем та, которая определена законом за преступление, в совершении

которого его обвиняют или подозревают.

2. УПК Украины требует дополнений, которые прежде всего связаны с тем, чтобы законодательно обеспечить обязательное предоставление правовой помощи обвиняемому или подозреваемому при заключении сделки о признании вины.

Перспективным в дальнейшем является научное обоснование вопросов, связанных с анализом содержания соглашения о примирении между потерпевшим и подозреваемым в уголовном производстве, а также определением последствий заключения и утверждения такого соглашения по УПК Украины.

Литература:

1. *Про місце жертв у кримінальному процесі*: Рішення Ради Європейського Союзу від 15 березня 2001 року [Електронний ресурс]. Режим доступу : http://www.commonground.org.ua/lib_law.shtml.

2. *Кримінальний процесуальний кодекс України: Закон України «Про внесення змін до деяких законодавчих актів України у зв'язку з прийняттям Кримінального процесуального кодексу України» від 13 квітня 2012 року № 4652-VI*. Х.: Одеська, 2012, 360 с.

3. Гишинский Я. И. *Кризис системы уголовных наказаний (Социология преступности)*. В: Социологические исследования, 1993, № 8, с. 70–74.

4. Пушкар П. В. *Угода про визнання вини у сучасному кримінальному процесі: порівняльно-правове дослідження*: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. Наук, спец. 12.00.09. К., 2005, 23 с.

5. Махов В. Н. *Уголовный процесс США (досудебные стадии)*. М.: Юристъ, 1998, 201 с.

6. Берни Уильям. *Правовая система США*. 3-й выпуск. М.: Новая юстиция, 2006, 1216 с.

7. Куприевич А. *Основы свободного общества: учебник*. М.: Левит Институт международного развития, 2010, 405 с.

8. Филин Д. В. «Соглашение о признании вины» и возможности ее применения в уголовном судопроизводстве Украин. Форум права, 2011, № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.nbuv.gov.ua/e-journals/FP/2011-1/11fdvku.pdf>.

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ КОРМЛЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИХ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОЙ СУБКУЛЬТУРЕ

Игорь ПРИШКО,

соискатель кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права НАВД (Национальной академии внутренних дел (г. Киев, Украина))

Ольга ОХМАН,

соискатель кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права НАВД (Национальной академии внутренних дел (г. Киев, Украина))

SUMMARY

In article the analysis of standards of the existing criminal and executive legislation of Ukraine, regulating questions of compulsory feeding condemned in corrective colonies is carried out, and also scientifically reasonable assessment of the bill concerning this subject is given.

Keywords: compulsory feeding; execution of the punishment; hurling back of punishments; criminal liability; tortures; state coercion; system principle.

РЕЗЮМЕ

В статье осуществлен анализ норм действующего уголовно-исполнительного законодательства Украины, регулирующих вопросы принудительного кормления осужденных в исправительных колониях, а также дана научно обоснованная оценка проекта закона, касающегося этой тематики.

Ключевые слова: принудительное кормление; исполнение наказания; отбывание наказания; уголовная ответственность; пытки; государственное принуждение; системный принцип.

Постановка проблемы. Согласно требованиям части 3 статьи 116 Уголовно-исполнительного кодекса (далее - УИК) Украины, в случае заявленного осужденным отказа от принятия пищи, если это угрожает его жизни, допускается его принудительное кормление по медицинскому заключению [1].

Группой народных депутатов Украины (А.Б. Аваков, В.Г. Ярема, В.А. Головки, Р.А. Заблок, В.А. Наливайченко) в Верховном Совете Украины зарегистрирован проект Закона Украины «О внесении изменений в УИК Украины», реестр. № 2199 от 05.02.13 г., в п. 1 которого они предлагают следующее:

Часть 3 ст. 116 УИК изложить в следующей редакции:

«Принудительное кормление

осужденного, который заявил об отказе от принятия пищи, и по заключению комиссии врачей не имеет психического заболевания и осознает свои действия, запрещается» [2].

Учитывая важность предлагаемых изменений и их возможное влияние на практику исполнения наказания в виде лишения, следует признать, что выбранная тема статьи является весьма актуальной, а также такой, что имеет теоретико-прикладной характер.

Актуальность темы исследования. Изучение научной литературы показало, что в той или иной мере исследованию обозначенной проблематики посвящены работы таких ученых, как В.А. Бадыра, И.Г. Богатырев, В.В. Василевич, А.П. Гель, А.Н. Джужа, Т.А. Денисова, С.Ф. Денисов,

А.В. Кирилук, В.О. Корчинский, А.Г. Колб, В.О. Меркулова, О.В. Лисодед, Л.П. Оника, А.Е. Степанюк, В.М. Трубников, И.С. Яковец и др..

Среди зарубежных ученых следует выделить работы М. Деткова, А.И. Зубкова, Ю.И. Калинина, С.И. Кузьмина, В.Д. Сысоева, М.П. Стуровой, М.О. Тюгаева, В.А. Уткина, др.

Цель исследования заключается в необходимости рассмотрения данного вопроса о принудительном кормлении осужденных в исправительных колониях (как о средстве обеспечения их личной безопасности и противодействия преступной субкультуре) в качестве отдельной научной разработки.

Изложение основных положений работы. Для того, чтобы дать ответ, а следовательно, поддержать или отвергнуть данный законопроект, следует выяснить содержание и социально-правовую природу ряда существенных правовых понятий и категорий, которые в данном случае органично взаимосвязаны, взаимообусловлены и находятся во взаимодействии с таким правовым явлением, как принудительное кормление осужденного в местах лишения свободы.

Как представляется, решающими для правильного понимания в этом контексте есть понятия уголовной ответственности, наказания, возмездия, исполнения и отбывания наказания, пытки, т.д., которые на сегодня составляют содержание уголовно-исполнительной политики [3, с. 306], и в целом - правовых основ борьбы с преступностью в Украине [4, с. 335].

Общепринято считать, что уголовная ответственность - это один из видов юридической ответственности, устанавливаемой государством в законе об уголовной ответственности, а также наказание, которое налагается судом относительно лиц, признанных на основании его приговора виновными в совершении преступления, и должны нести обязательства личного, имуще-

ственного и организационного характера [5, с. 314].

Таким образом, исходя из содержания данного понятия, можно сделать вывод о том, что в случае привлечения любого лица к уголовной ответственности, у него (собственно, в осужденного) возникают определенные обязательства перед государством которые, он на протяжении отбывания определенного судом срока наказания должен выполнить в полном объеме. С другой стороны, у персонала органов и учреждений исполнения наказаний (УИН) возникает право воздействия на осужденного предусмотренными в законе средствами (ст. 6 УИК Украины) с тем, чтобы последний четко выполнял эти обязательства - это неотъемлемые элементы механизма правового регулирования в любой отрасли права [6, с. 499-501], включая и уголовно-исполнительное [7, с. 125-128]. В частности, в УИК (ст.ст. 9, 107) и других нормативно-правовых актах Украины по вопросам исполнения наказаний определены основные обязанности осужденных, которые предусматривают для этих лиц неуклонно соблюдать правила поведения, предусмотренные для осужденных и выполнять законные требования администрации органов и учреждений исполнения наказаний. При этом невыполнение осужденными своих обязанностей и законных требований указанных органов и учреждений, а также их должностных лиц влечет за собой установленную законом ответственность.

Более того, если буквально понимать содержание ст. 50 Уголовного кодекса (УК) Украины, то следует признать, что наказание является мерой государственного принуждения, которое заключается в предусмотренном законом ограничении прав и свобод осужденного, реализуемое, в основном, реализуется через такую его цель, как возмездие [8]. При этом, несмотря на различные подходы ученых к пониманию возмездия, подавляющее большинство из них убеждены, что наказание - это не жестокая месть или возмез-

дие лицу со стороны государства за совершенное преступление, а ориентация законодателем суда, органов и УИН на применения такого комплекса ограничений его прав и свобод, который будет ощутимым и одновременно достаточным для достижения других основных целей наказания - исправление осужденного, а также специальной и общей превенции. Более того, с этой точки зрения наказание выступает только как промежуточная цель наказания [9, с. 107].

В уголовно-исполнительном законодательстве Украины возмездие реализуется через режим, т.е. установленный законом и иными нормативными правовыми актами порядок исполнения и отбывания наказания, который наряду с этим обеспечивает и выполнения возложенных на осужденных обязанностей (ст. 102 УИК) [10, с. 300-310]. При этом термин «исполнение наказания» обращен к органам и учреждениям по исполнению наказаний, которые в своей деятельности обязаны реализовать весь комплекс правоограничений, предусмотренных в режиме конкретного вида наказания, а также обеспечить осуществление предоставленных для осужденных прав и выполнение возложенных на них обязанностей, а термин «отбывание наказания» - к осужденным, которые должны на основании приговора суда и в соответствии с предписаниями, установленными уголовно-исполнительным законодательством Украины, исполнять обязанности, а также избегать совершения запрещенных действий, осуществлять свои права и т.д. [11, с. 6].

Следовательно, при таком законодательно определенном подходе, включая требования ч. 3 ст. 63 Конституции Украины о том, что осужденный пользуется всеми правами человека и гражданина, за исключением ограничений, определенных законом и установленных приговором суда [12], необходимо признать, что осужденные право на голодание в УИН не имеют. Дополнительным аргументом по этому по-

воду выступают положения ст. 8 УИК «Основные права осужденных» и ст. 107 УИК «Права и обязанности осужденных к лишению свободы», а также ст. 5 КВН «Принципы уголовно-исполнительного законодательства, исполнения и отбывания наказаний», которые не предусматривают права осужденных на голодовку и обязывают действовать в соответствии с принципом законности, то есть выполнять свои обязанности [13, с. 26-28] четко в соответствии с законом [14, с. 11-12]. Более того, указанное право не предусмотрено и в ст. 10 УИК «Право осужденных на личную безопасность», так как голодание не включено в содержание его реализации в УИК [15, с. 76-82].

Во всех остальных случаях действия должностных лиц УИК и осужденных, связанные с их индивидуальным или коллективным голоданием (отказ от пищи), могут быть согласно действующему законодательству Украины расценены как такие, которые связаны с:

- превышением полномочий, то есть совершением действий, которые не предусмотрены законом [16, с. 255];

- как форма уклонения осужденных от отбывания наказания в виде лишения свободы (ст. 390 УК) путем самоубийства, ухудшением состояния своего здоровья, членовредительства, исходя только из того, что уклонение в этой ситуации - это невыполнение осужденным обязанности по отбыванию наказания [17, с. 114];

- как злостное неповиновение законным требованиям администрации учреждения исполнения наказания (ст. 391 УК) [18, с. 112-113] и как злостный проступок (ст. 133 УИК);

- как форма давления на администрацию УИН, другие правоохранительные органы или суд, с целью заставить их принять неправомерное (незаконное) решение (ст. 376 УК, ст. 342 УК, др.) [19, с. 167-168], или получить в дальнейшем определенные льготы на освобождение из УИН по

болезни (ст. 84 УК) или помилования (ст. 87 УК).

Как показало изучение социально-правовой природы правонарушений и преступлений в УИН Украины, в том числе такого явления, как отказ осужденных от пищи, подавляющее большинство случаев из них были обусловлены невыполнением осужденными своих обязанностей, которые вытекали из их правового статуса (ст. 7 УИК) [20, с. 183-211], а поэтому отмена принудительного кормления осужденных в УИН Украине будет не предвиденным и непрогнозируемым по обществу опасным последствием шагом законодателя.

Тем более, что международно-правовые акты по вопросам исполнения наказаний и зарубежная практика также предусматривают принудительное кормление определенных категорий лиц, включая осужденных. В частности, эта процедура определена в Мальтийской декларации в отношении лиц, которые объявили голодовку [21, с. 293]. Именно ее содержание и подходы были использованы Государственной пенитенциарной службой (ГПтС) Украины при утверждении Инструкции об условиях содержания и порядок принудительного кормления в УИН лиц, отказывающихся от употребления пищи [22].

В принципе 5 приложения к Принципам медицинской этики, касающиеся роли работников здравоохранения, в особенности врачей, в защите осужденных или задержанных лиц от пыток и других жестких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания, по этому поводу указано следующее: «Участие работников охраны, особенно врачей, в любой процедуре смирительного характера в отношении осужденного или задержанного лица является нарушением медицинской этики, если только оно не продиктовано чисто медицинскими критериями как необходимое средство для охраны физического или психического здоровья или безопасно-

сти самого осужденного или задержанного лица [23, с. 83].

Если буквально понимать смысл термина «пытка», который определен в ст. 1 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, то он не предусматривает боль и страдания, вызванные только при реализации законных санкций, которые неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно, то есть и в случаях принудительного кормления (как это, например, предусмотрено ч. 3 ст. 116 УИК Украины) [24, с. 45].

Не считается пыткой принудительное кормление осужденных в УИН и согласно действующего уголовного законодательства Украины (ст. 127 УК) [25, с. 204].

Право на применение принуждения имеет персонал УВН и согласно требованиям п. 15 Основных принципов применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка, в котором указано, что указанные субъекты в своих отношениях с лицами, находящимися под стражей и в местах лишения свободы, не применяют силу, за исключением случаев, когда это существенно необходимо для поддержания безопасности и порядка в том числе в УИН, или когда создается угроза для личной безопасности [26, с. 44].

Интересным в этой связи следует признать содержание п. 4 приложения к Основным Принципам обращения с осужденными, в котором говорится о том, что УИН несут ответственность за содержание осужденных и защиты общества от правонарушений в соответствии с другими социальными задачами любого государства и это являются ее основными обязанностями по содействию благосостояния и развития всех членов общества [27, с. 77].

В Украине такие задачи определены в ч. 1 ст. 1 УИК, а именно - защита интересов лица (в данном случае - осужденного, который заявил об отказе от пищи) - его здоровья и жизни.

Кроме этого, действующее уголовно-исполнительное законодательство Украины предусматривает для УИН контроль за исполнением решений суда по возмещению осужденными причиненного ими материального ущерба и морального вреда для потерпевших от преступления (ст. 4 УИК) [28], которые в случае голодания нарушают законные права и интересы жертв преступлений так как не выходит на работу. Так, ежегодно для последних возмещается лишь до 45% сумм, определенных судами как реальные убытки [29].

В то же время, как свидетельствует официальная статистика и данные УИН высоким есть уровень заболеваний и смертности среди осужденных, включая и случаи суицида, которые в том числе носят скрытый (латентный) характер, так как осужденные, отказывающиеся от приема пищи, при этом о своем решении персонал исправительных колоний, как это предусмотрено ч. 3 ст. 116 УИК, не сообщают [30, с. 53-54].

Косвенно право на применение принуждения персоналом УИН, в том числе и по вопросам принудительного кормления, признано и в других международно-правовых актах, а именно:

- в ст. ст. 1, 3, 5 Кодекса поведения должностных лиц в поддержании правопорядка [31, с. 78-79];

- п.п. 33,57-60, 63, 65, др. Минимальных стандартных правил обращения с осужденными [32, с. 65-69];

- других [33].

Не признаются случаи принудительного кормления осужденных нарушением их прав и Европейским судом по правам человека, который, в частности в решении по делу «Невмержицкий против Украины», отметил, что принудительное кормление, в принципе, не считается поведением, которое унижает человеческое достоинство [34].

На правовом уровне (как отдельные нормы УИК или как специальные законы) отрегулирован этот вопрос и за рубежом (в Российской Федерации [35];

Республике Беларусь [36], других государствах [37, с. 89-102].

Выводы. Таким образом, исходя из проведенного выше анализа, следует констатировать, что фактических и юридических оснований для видоизменения ч. 3 ст. 116 УИК Украины (отмены принудительного кормления осужденных) не имеется.

Такой вывод, в частности, вытекает из следующего:

1) социально-правовой природы уголовного наказания в виде лишения свободы (ст. ст. 50, 63 УК Украины);

2) содержания процесса «исполнения» и «отбывания» наказания в Украине;

3) правового статуса осужденных к лишению свободы (ст. ст. 7-9, 107 УИК Украины);

4) из задач уголовно-исполнительного права Украины, в первую очередь тех, которые связаны с обеспечением личной безопасности осужденных (ст. ст. 1, 8, 10, 102, др., УИК Украины) и выполнения других решений судов (в частности, о возмещении осужденными причиненного в ходе совершения преступлений материального ущерба и морального вреда);

5) задач по предотвращению фактов уклонения осужденных от отбывания наказания, злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания, злостного неповиновения требованиям администрации УИН; т.д.;

6) содержания международно-правовых актов по вопросам, которые регулируют порядок и действия должностных лиц УВП по применению принуждения, включая принудительное кормление;

7) международно-правовой практики.

Наряду с этим следует отметить, что, без сомнения, учитывая взятые Украиной обязательства при вступлении в соответствующие международные организации [38], а также требования Закона Украины «Об общегосударственной программе адаптации законодательства Украины к законодательству Европейского

Союза» [39] и другие решения по этим вопросам [40], видоизменять нормы действующего уголовно-исполнительного законодательства Украины нужно. При этом необходимо соблюдать несколько требований и правил построения правовых норм, а именно:

- способы (формы) изложения норм права в статьях нормативно-правового акта (полную, отсылочную, бланкетную и казуистических; абстрактную) [6, с. 291-293];

- общие принципы и функции правотворчества, в частности требования принципа системности, т.е. согласование принимаемых норм с другими нормативно-правовыми актами (в том числе и статьями УИК) [6, с.295-297].

- особенности соответствующих общественных отношений, подлежащих правовому регулированию, к которым относится и уголовно-исполнительные правоотношения [7, с. 138-140];

- компаративистские основы формирования правовых норм, т.е. сравнение их содержания с международно-правовыми актами и практикой [37, с. 6-16];

- правовые источники функционирования Государственной уголовно-исполнительной службы Украины [41] и их аналогов за рубежом [37, с. 89-123].

- другие факторы и элементы правового регулирования, а также особенности юридической техники [6, с.488 - 515];

- требования ст. 3 Конституции Украины и международно-правовых актов по правам человека [33], согласно которым права и свободы человека (в данном случае как осужденных, так и жертв преступлений, и в целом общества) должны определять содержание и направленность деятельности любого государства.

Список использованных источников (ссылок):

1. Уголовно-исполнительный кодекс Украины: принят 11 июля 2003 года / / Ведомости Верховного Совета Украины. - 2004. - № 3-4. - Ст. 21.

2. О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Украины (относительно принудительного кормления осужденных): проект Закона Украины, внесенный народными депутатами Украины А.Б. Аваковым,

В.Г. Яремой и др. (№ 2199 от 05.02.2013).
// http://www.zakonoproekt.org.ua/viewhtml.aspx?hn=Proekt_Zakonu_05_02_201315.

3. Борисов В.И. Государственная политика в сфере борьбы с преступностью и ее направления // Проблемы законности: Респ. Межвед. науч. сб. / Отв. ред. В.Я. Тацій - М.: Нац. юрид. акад. Украины, 2009. - Вып.100. - С. 305-312.

4. Голина В.В. Преступность: многообразие понятий и предметная сущность явления // Проблемы законности: Респ. Межвед. науч. сб. / Отв. ред. В.Я. Тацій. - К.: Нац. юрид. акад. Украины, 2009. - Вып.100. - С. 324-336.

5. Международная полицейская энциклопедия: В 10 т. / Отв. ред. Ю.И. Рымаренко, Я.Ю. Кондратьев, В.Я. Тацій, Ю.Р. Шемшученко. - К.: Концерн «Издательский Дом «Ин Юре», 2003. - Т.1: Теоретико-методологические и концептуальные основы полицейского права и полицейской деонтологии. - 1231 с.

6. Скакун О.Ф. Теория государства и права: Учебник / Пер. с рус. - К.: Консум, 2001. - 656 с.

7. Уголовно-исполнительное право Украины: Учебник / А.Н. Джуца, И.Г. Богатырев, А.Г. Колб, В.В. Василевич и др.; под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. О.М. Джуци. - М.: Атика, 2010. - 752 с.

8. Уголовный кодекс Украины: принят 5 апреля 2011 года // Ведомости Верховного Совета Украины. - 2001. - № 25 - 26. - Ст. 131.

9. Научно-практический комментарий к Уголовному Кодексу Украины. - 4-е изд. перераб. и полным. / Отв. ред. С.С. Яценко. - К.: А.С.К., 2006. - 848 с.

10. Научно-практический комментарий Уголовно-исполнительного кодекса Украины / А.П. Гель, А.Г. Колб, В.О. Корчинский [и др.]; Под общ. ред. А.Е. Степанюка. - К.: Атика, 2008. - 496 с.

11. Уголовно-исполнительный кодекс Украины: Научно-практический комментарий / Степанюк А.Х., Яковец И.С.; под общ. ред. А.Х. Степанюка. - Х.: «Одиссей», 2005. - 560 с.

12. Конституция Украины: принята на пятой сессии Верховного Совета Украины. // Ведомости Верховного Совета Украины. - 1996. - № 30. - Ст. 141.

13. Уголовно-исполнительное право: учебник / В.В. Голина, А.Е. Степанюк, О.В. Лисодед и др.; под ред. В.В. Голины и А.Е. Степанюка. - Х.: Право, 2011. - 328 с.

14. Уголовно-исполнительное право Украины: Учебник для студентов юрид. спец. высш. уч. заведений / Под ред. проф. А.Е. Степанюка. - Х.: Право, 2006. - 256 с.

15. Колб И.А. Формы и средства обеспечения права осужденных на личную безопасность // Научный вестник НАВД. - 2012. - № 2 (81). - С. 76-82.

16. О судебной практике по делам о превышении власти или служебных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда Украины от 26 декабря 2003 г. № 15 // Постановления Пленума Верховного Суда Украины по уголовным делам / Сост. В.В. Рожнова, А.С. Сизоненко, Л.Д. Удалова. - К.: ПАЛИВОДА А.В., 2011. - С. 254-258.

17. Уголовно-исполнительный кодекс Украины: Научно-практический комментарий / под общ. ред. д.ю.н., проф. В.В. Коваленко, д.ю.н., проф. А.Х. Степанюка. - К.: Атика, 2012. - 492 с.

18. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушениями режима отбывания наказания в местах лишения свободы: постановление Пленума Верховного Суда Украины от 26 марта 1993 года № 2 // Постановления Пленума Верховного Суда Украины по уголовным делам / Сост. В.В. Рожнова, А.С. Сизоненко, Л.Д. Удалова. - К.: ПАЛИВОДА А.В., 2011. - С. 109-116.

19. О применении законодательства, предусматривающего государственную защиту судей, работников суда и правоохранительных органов и лиц, участвующих в судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Украины от 18 июня 1999 года № 10 // Постановления Пленума Верховного Суда Украины по уголовным делам / Сост. В.В. Рожнова, А.С. Сизоненко, Л.Д. Удалова. - К.: ПАЛИВОДА А.В., 2011. - С. 165-168.

20. Предотвращение правонарушений в местах лишения свободы: учебное пособие / В.К. Джуца, А.Г. Колб, В.В. Василевич и др. ...; под общ. ред. А.Н. Джуци и А.Г. Колба. - К.: Луцк: ИП Иванюк В.П., 2010. - 244 с.

21. Мальтийская декларация Относительно лиц, объявивших голодовку: принята 43-й Всемирной медицинской ассамблеи, Мальта, ноябрь 1991 г. // Права человека и профессиональные стандарты для работников пенитенциарной системы в документах международных организаций. - К.: Сфера, 2002. - С. 292-293.

22. Инструкция об условиях содержания и порядок принудительного кормления в учреждениях уголовно-исполнительной системы лиц, отказывающихся от приема пищи: утв. приказом Государственного департамента Украины по вопросам исполнения наказаний от 12 июня 2000 года № 127 // <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/z0444-00>.

23. Принципы медицинской этики: принятые резолюцией 37/194 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1982 // Права человека и профессиональные стандарты для работников пенитенциарной системы в документах международных организаций. - К.: Сфера, 2002. - С. 81-83.

24. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания: принята Резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1984 года // Права человека и профессиональные стандарты для работников пенитенциарной системы в документах международных организаций. - К.: Сфера, 2002. - С. 42-52.

25. О судебной практике по делам о преступлениях против жизни и здоровья человека: постановление Пленума Верховного Суда Украины от 07 февраля 2003 года № 2 // Постановления Пленума Верховного Суда Украины по уголовным делам / Сост. В.В. Рожнова, А.С. Сизоненко, Л.Д. Удалова. - К.: ПАЛИВОДА А.В., 2011. - С. 202-212.

26. Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка // Права человека и профессиональные стандарты для работников пенитенциарной системы в документах международных организаций. - К.: Сфера, 2002. - С. 40-45.

27. Основные принципы обращения с заключенными: приняты резолюцией 45/111 Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 // Права человека и профессиональные

стандарты для работников пенитенциарной системы в документах международных организаций. - К.: Сфера, 2002. - С. 76-77.

28. Защита прав потерпевшего от преступления в уголовно-исполнительном праве: учебное пособие / В.В. Василевич, А.П. Гель, В.Г. Захаров и др.; Под общ. ред. д.ю.н., профессора А.Е. Степанюка и А.Г. Колба. - Луцк: ИП Иванюк В.П., 2010. - 176 с.

29. Анализ состояния осуществления судопроизводства судами общей юрисдикции в 2011 г. (по данным судебной статистики) // http://www.court.gov.ua/sudova_statystyka/oglyad.

30. Карпачева Н.И. Состояние соблюдения Украиной стандартов прав и свобод человека: Специальный доклад Уполномоченного Верховного Совета Украины по правам человека по случаю 60-летия Конвенции о защите прав и основных свобод. - К.: Уполномоченный Верховного Совета Украины по правам человека, 2010. - 194 с.

31. Кодекс поведения должностных лиц в поддержании правопорядка: принят резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1979 года // Права человека и профессиональные стандарты для работников пенитенциарной системы в документах международных организаций. - К.: Сфера, 2002. - С. 77-81.

32. Минимальные стандартные правила обращения с осужденными // Права человека и профессиональные стандарты для работников пенитенциарной системы в документах международных организаций. - К.: Сфера, 2002. - С. 61-76.

33. Права человека и профессиональные стандарты для работников пенитенциарной системы в документах международных организаций. - К.: Сфера, 2002. - 293 с.

34. Практика Европейского Суда по правам человека. Решения. Комментарии. - К.: Министерство юстиции Украины, 2005. - С. 48-53.

35. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. - К.: Изд-во «Омега-Л», 2012. - 91 с.

36. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь. - Мн.: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2000. - 144 с.

37. Богатырев И.Г., Копотун И.Н., Пузырев М.Р. Сравнительное уголовно-исполнительное право: учеб. пособие / под общ. ред. И.Г. Богатырева. - К.: Институт уголовно-исполнительной службы, 2013. - 140 с.

38. Устав Совета Европы // Официальный вестник Украины. - 2004. - № 26. - Ст. 1733.

39. Об общегосударственной программе адаптации законодательства Украины к законодательству Европейского Союза: Закон Украины от 18.03.2004 № 1629-IV // Правительственный курьер. - 2004. - 20 апреля. - С. 2-3.

40. О Планах мероприятий по выполнению обязанностей и обязательств Украины, вытекающих из ее членства в Совете Европы: утв. Указом Президента Украины от 20 января 2006 года № 39/2006 // Официальный вестник Украины. - 2006. - № 4. - Ст. 143.

41. О Государственной уголовно-исполнительной службе Украины: Закон Украины от 23 июня 2005 года // <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/2713-15>.

ПРАВОВІ НАСЛІДКИ НЕДОТРИМАННЯ ВИМОГ ЩОДО ФОРМИ ПРАВОЧИНУ: ДОСВІД ЄВРОПЕЙСЬКИХ КРАЇН

К. ЄРЕМЕНКО,
аспірант кафедри цивільного права НУ «ОЮА»

SUMMARY

The article is devoted to research of basic provisions about a transaction form in the legislation of the European countries. The conclusion is drawn that today in the European countries there was an approach according to which transactions are made in any form at the request of the parties, except for cases when for them the law established an obligatory written form or need of observance of other formal requirements. Consequences of non-compliance with requirements concerning a form of transactions are their invalidity.

Keywords: transaction, form, consequences, invalidity.

АНОТАЦІЯ

Статтю присвячено дослідженню основних положень про форму правочину у законодавстві європейських країн. Зроблено висновок, що на сьогоднішній день у європейських країнах склався підхід, відповідно до якого правочини вчиняються у будь-якій формі за бажанням сторін, за винятком випадків, коли для них законом встановлена обов'язкова письмова форма або необхідність дотримання інших формальних вимог. Наслідками недотримання вимог щодо форми правочинів є, як правило, їх недійсність.

Ключові слова: правочин, форма, наслідки, недійсність.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена исследованию основных положений о форме сделки в законодательстве европейских стран. Сделан вывод, что на сегодняшний день в европейских странах сложился подход, в соответствии с которым сделки совершаются в любой форме по желанию сторон, за исключением случаев, когда для них законом установлена обязательная письменная форма или необходимость соблюдения других формальных требований. Последствием несоблюдения требований относительно формы сделок является, как правило, их недействительность.

Ключевые слова: сделка, форма, последствия, недействительность.

Постановка проблеми. Дослідження особливостей відображення основних положень про форму правочину у цивільно-правовій доктрині та законодавстві європейських країн є корисним з точки зору можливостей врахування позитивного законодавчого досвіду. Особливий інтерес представляє дослідження зміни концепції щодо форми правочину протягом розвитку цивільного права, яке неминуче реагувало на зміни, що відбувались у суспільстві, що, у свою чергу, відображалось у зміні підходів до способів виявлення волі та закріплення волевиявлення.

Актуальність теми. Для сучасної науки цивільного права характерною є тенденція збільшення уваги до питань форми правочинів, дослідження правових наслідків недотримання визначених законом вимог щодо

форм правочинів. Це обумовлено необхідністю забезпечити захист прав учасників цивільного обігу, оскільки форма правочину слугує надійним забезпеченням його належної реалізації. Дотримання вимог щодо форми правочину є важливою умовою його дійсності. Тому дослідженню цього питання необхідно приділяти пильну увагу.

Питанням форми правочину були присвячені численні наукові праці, як, наприклад, М.М. Агаркова, В.В. Вітрянського, Ю.С. Гамбарова, Д.М. Генкіна, О.В. Дзери, О.С. Іоффе, І.В. Спасибо-Фатєєвої, Р.Й. Халфіної, Є.О. Харитонова та ін., проте питання щодо форми правочину потребують подальшої уваги.

Метою статті є дослідження особливостей законодавчих вимог щодо форми правочину та

правових наслідків недотримання таких вимог у європейських країнах.

Виклад основного матеріалу дослідження. Якщо римське право було суворо формальним, то кожна з європейських країн формувала свій підхід до регулювання форми правочину. Деякі вибрали систему неформальних угод, залишаючи на відкуп сторонам право закріплювати чи не закріплювати їх в певній формі. Інші віддали перевагу суворості обов'язкових формальностей [1, с. 9].

На початку XIX ст. в європейському цивільному праві закріпився принцип вільної форми правочину, який згодом був закріплений у нормативних актах деяких європейських країн. Так, принцип вільної форми правочину було закріплено Цивільним кодексом Франції (далі – ЦКФ)

1804 року. Взагалі у той час більшість пандектистів вважали, що формою правочину слід визнавати будь-який засіб, завдяки якому внутрішня воля особи виражається при укладенні правочину, тому крім письмової форми, ними розглядалися усне волевиявлення та конклюдентні дії як способи волевиявлення [2].

Для пандектного права, як і для римського, характерним був поділ всіх правочинів на формальні та неформальні. Формальними вважались такі правочини, для укладення яких було потрібним волевиявлення у певній формі. Наприклад, до формальних правочинів відносились деякі правочини у сфері сімейного права (укладення шлюбу, всиновлення), заповіт та інші односторонні розпорядження на випадок смерті тощо [2].

Після набуття чинності Німецьким Цивільним кодексом (далі – НЦК), пандектистами були визначені види форм правочинів, до яких вони відносили просту письмову форму, судове або нотаріальне посвідчення, публічне засвідчення правочину [3, с. 33]. Слід зазначити, що ще до прийняття вказаного нормативного акту, у вченнях пандектистів згадувалось про усну, письмову форму правочину, а також про вчинення правочину із залученням свідків [2] (звернемо увагу, що такого роду порядок вчинення правочину був передбачений і дореволюційним російським правом, про що буде сказано далі).

Вже тоді розгортались дискусії щодо доцільності укладення правочинів у певній формі. Позитивне значення форм правочину убачали в тому, що це забезпечувало підтвердження серйозності намірів сторін, які вчиняють правочин та надають можливість відрізнити правові зв'язки від таких, що не мають юридичного значення. Разом із

тим, зазначалось, що форми правочинів завжди є більш чи менш незручними, вони віднімають багато часу, швидко застарівають [2].

Незважаючи на те, що доцільність дотримання певних форм при укладенні правочину піддавалась сумніву, все ж таки укладення правочину у визначеній формі мало велике значення. У більшості випадків правовими наслідками недотримання формальних вимог при укладенні правочинів було визнання правочину недійсним, нікчемність правочину. Проте, як зазначав Г. Дербург, іноді з недотриманням вимог щодо форми правочину пов'язувалась не нікчемність, а інші негативні наслідки. Так, якщо наслідки недотримання вимог щодо форми правочину не визначались законом, наступала нікчемність правочину, якщо тільки форма не була встановлена винятково для забезпечення доведення правочину [2].

У сучасних європейських правових системах спостерігається відмова від суворих вимог до форми договору – такі висновки випливають з аналізу п. 2 ст. 2:101 Принципів Європейського договірної права (далі – Принципи ЄДП). На розвиток цього положення у ст. 2:106 Принципів ЄДП передбачено більш ліберальне правило щодо форми угоди про зміну або припинення договору порівняно з аналогічними положеннями Віденської конвенції про договори міжнародної купівлі-продажу 1980 року та Принципів УНІДРУА. На відміну від зазначених актів, у п. 1 ст. 2:106 Принципів ЄДП закріплено положення, відповідно до якого умова письмового договору, що передбачає необхідність оформлення письмової угоди про зміну або припинення договору, утворює лише презумпцію того, що така угода, не будучи оформленою у пись-

мовому виді, не містить наміру бути юридичним обов'язком [4, с. 45].

На думку В. В. Спіфанової, така тенденція спрощення значення форми правочину у сучасному європейському законодавстві має своїм корінням англо-американську правову систему [5, с. 64]. Розглянемо детальніше особливості підходу до форми правочину та правових наслідків її недотримання у країнах англо-американського права.

Як зазначає О. Гудзь, у країнах англо-американської системи права односторонні правочини носили зобов'язальний характер тільки у випадках, якщо вони містилися в документах “за печаткою”. Раніше дана печатка була необхідним атрибутом подібних документів. Однак уже давно ця вимога перетворилася на звичайну формальність. І тепер достатньо, щоб на документі було надруковано літери “L.S.” (“locus sigilli” з лат., “під печаткою”) або слово “Seal” (“печатка”). Достатньо також, щоб зобов'язана особа (або її повірений) наклеїла на документ ярлик червоного кольору, який можна було знайти у кожному кіоску [6, с. 34].

Існують у країнах англо-американського права і правила, які зобов'язують осіб вчиняти правочини у письмовій формі (in writing). Наприклад, у Великобританії у письмовій формі мають бути вчинені наступні види правочинів: перевідні і прості векселі, договори морського страхування, угоди про оренду-купівлю. Недотримання вимоги щодо письмової форми у вказаних випадках тягне негативні наслідки: векселі не набувають юридичної сили, страхові договори вважаються нікчемними, а оренду-купівлю неможливо привести до виконання [7, с. 270]. У праві США у письмовій формі мають вчинятись наступні дого-

вори: договори за печаткою, поручительства, товаророзпорядчі документи та акредитиви, договори у сфері земельних відносин тощо. Вимога укладення вказаних правочинів у письмовій формі є необхідною для визнання їх дійсними [5, с. 74-75].

Крім зазначених форм правочинів, англо-американська система права практикує також такі форми договорів – договори за рішенням суду (contracts of records) та прості (неформальні) договори (contracts). Договір за рішенням суду передбачає встановлення зобов'язань, які покладаються на учасників відносин судовим рішенням. Часто метою таких рішень стає надання договору більшої юридичної сили – значення публічного акта, створюваного владою. Решта договорів є простими, вони можуть укладатися як в письмовій, так і в усній формі. Дійсність таких договорів залежить від зустрічного задоволення [8, с. 168].

Взагалі у англо-американській доктрині встановлення особливої форми правочину розглядається як вимушена міра, що обмежує свободу договору на користь публічного інтересу або з метою захисту становища сторін правочину. Такого роду обмеження свободи договору мають назву надзорних доктрин, що стосуються форми правочину [9, с. 87].

Розглянемо тепер у загальних рисах законодавчі вимоги до форми правочину країнах континентального права, зокрема, у Німеччині та Франції.

Перш за все, звернемося до німецького законодавства, оскільки історично воно має найбільший вплив на сучасне цивільне законодавство України. Німецький законодавець визначає правочин як окреме (приватне) волевиявлення. При цьому він не обмежує це поняття лише дією, а вважає правочином також бездіяльність, яка також є волевиявленням [10,

с. 314]. Німецьке законодавство виходить з принципу свободи форми вчинення правочину, визначена форма правочину розглядається як виняток з цього принципу, який може бути встановлений або законом, або сторонами правочину. Зокрема, у п. 126 НЦК зафіксована вимога про обов'язкову письмову форму договору, якщо на неї є пряма вказівка закону [11]. Аналіз німецького законодавства дозволяє визначити наступні випадки, коли договір має бути укладений у письмовій формі, що залежить, зокрема від:

- строку дії договору (наприклад, у письмовій формі відповідно до п. 566 НЦК має бути укладений договір майнового найму на строк більше одного року);

- виду договору, незалежно від строку дії і суми (наприклад, у письмовій формі укладаються відповідно до п. 766, п. 492 НЦК договори поручительства, позики);

- сторін та характеру правочину (так, у письмовій формі мають бути укладені деякі комерційні правочини, тобто правочини підприємця, які стосуються його комерційної діяльності);

- предмету договору (тут вже передбачена складна письмова форма, як, наприклад, для договору про передачу права власності на землю, коли потрібно або нотаріальне посвідчення договору, або внесення запису у поземельну книгу) [5, с. 67-68].

Слід зазначити, що нотаріальна форма правочину у Німеччині має свою специфіку. При нотаріальному посвідченні правочину сторони мають виявити свою волю, а нотаріус занести її у протокол. Після цього протокол зачитується сторонам у присутності нотаріуса і підписується ними. Таким чином сторони виявляють своб волю шляхом визнання формулювань волеви-

явлень, які містяться у протоколі [12, с. 220].

Певну особливість у німецькому законодавстві має також така специфічна форма правочину як електронний правочин, який з'явився у законодавстві Німеччини зовсім недавно і був закріплений у п. 126а НЦК. Відповідно до вказаного параграфу, електронний правочин визначається як аналог письмової форми правочину, але при цьому встановлено обов'язок укладача такого документу вказати у ньому своє ім'я та кваліфікований електронний цифровий підпис. Будь-яких обмежень щодо укладення правочинів у електронній формі у НЦК серед загальних положень щодо форми правочину не закріплено, але такі обмеження виявляються при аналізі інших норм НЦК. Наприклад, відповідно до п. 492 НЦК, забороняється укладення в електронній формі договорів позики. Тобто обмеження у застосуванні електронної форми правочину обумовлені необхідністю забезпечити захист інтересів слабшої сторони правочину, зокрема, фізичних осіб [5, с. 72].

Схожі з німецькими положення про форму правочину містяться у ЦКФ. Зокрема, у ст. 1108-1 ЦКФ також, як і у НЦК закріплено положення про те, що письмова форма договору є обов'язковою, якщо на це є пряма вказівка закону. При визначенні обов'язковості письмової форми для правочину французький законодавець виходить з суми правочину. Зокрема, обов'язкова письмова форма передбачена для правочинів на суму більше 1500 євро. Так, відповідно до ст. 1341 ЦКФ, будь-які правочини, у тому числі добровільне зберігання, які перевищують суму або вартість, встановлену декретом (ця сума з 1 січня 2005 року складає 1500 євро), мають бути оформлені нотаріально по-

свідченим документом або документом, укладеним у простій письмовій формі. Правовими наслідками недотримання вимог щодо форми такого правочину є неприпустимість застосування показань свідків, що ставлять під сумнів або виходять за межі змісту цих документів, а також таких показань, які відносяться до тверджень, що нібито мали місце до, під час, або після складання цих документів, навіть якщо йдеться про меншу суму або вартість [13, с. 419]. Отже, правочини на суму менше 1500 євро можуть бути укладені в усній формі.

Форма правочину за законодавством Франції визначається також його предметом. Наприклад, відповідно до ст. 2326 ЦКФ, договірна іпотека може бути встановлена лише нотаріально посвідченим договором. У такій самій формі відбувається передача або відміна іпотеки. Такий підхід обумовлений цінністю та значимістю нерухомого майна, яке є предметом іпотеки.

У письмовій формі, за французьким законодавством, укладаються також наступні правочини: заповіт (може бути вчинений власноруч або посвідчений нотаріально двома нотаріусами чи одним нотаріусом у присутності двох свідків – ст. ст. 970, 971 ЦКФ), договір дарування (такі договори мають бути нотаріально посвідчені і оригінал зберігається у нотаріуса – ст. 931 ЦКФ). Правовими наслідками недотримання вимог щодо письмової форми таких правочинів є їх недійсність (ст. ст. 931, 1001 ЦКФ).

Крім того, права із правочинів відчуження, дарування, іпотеки нерухомості підлягають державній реєстрації (ст. 2315-2323 ЦКФ). Правовими наслідками недотримання вимог щодо реєстрації прав із правочинів з нерухомістю є те, що такі права

не мають сили відносно третіх осіб, які набули прав на те саме нерухоме майно від того самого власника (ст. 2322 ЦКФ).

У ЦКФ, як і у НЦК закріплені положення про електронну форму правочину. Відповідно до ст. 1108-1 ЦКФ, коли для дійсності правочину потрібна письмова форма, він може бути вчинений і в електронній формі. Для дійсності такого правочину необхідно, щоб існувала можливість встановити особу, яка його вчинила, та щоб він був складений та зберігається в умовах, які забезпечують його цілісність (ст. 1316-1 ЦКФ). Якщо ж правочин, який вчиняється у електронній формі потребує посвідчення, то він має бути складений і збережений у спеціальному порядку, який встановлюється Державною радою (ст. 1317 ЦКФ).

Таким чином, у цивільному законодавстві Франції електронний правочин вважається різновидом письмової форми правочинів, електронна форма розглядається як спосіб фіксації волі у письмовому вигляді. У ст. 316-3 ЦКФ закріплено, що письмовий документ на електронному носії має таку саму доказову силу, що й документ на бумажному носії. Це підтверджує і той факт, що у ст. 1316 ЦКФ йдеться не про «письмову форму правочину», а про «письмовий доказ» або «доказ у формі письмового документу», під яким розуміється послідовно розташовані букви, ієрогліфи, цифри чи будь-які інші знаки або символи, які мають зрозумілий сенс, незалежно від їх носія та способу їх передачі.

Із загального правила про можливість вчинення будь-яких правочинів у електронній формі, що не позбавляє їх доказової сили, існують і винятки. Так, ст. 1108-2 ЦКФ закріплено, що не можуть бути вчинені у електронній формі такі правочини:

- правочини, які укладаються

у простій письмовій формі та стосуються сімейних та спадкових прав;

- правочини, які укладаються у простій письмовій формі та стосуються особистого або речового забезпечення виконання зобов'язань цивільно-правового або комерційного характеру, за винятком тих, які вчиняються особою для її професійних потреб.

Таким чином, цивільним законодавством Франції, як і німецьким цивільним законодавством, закріплена заборона використовувати електронну форму правочину, в якому одною зі сторін виступає фізична особа, що обумовлено необхідністю забезпечити захист слабкішої сторони правочину. Це пояснюється тим, що фізичним особам досить складно дотриматись всіх вимог, які пред'являються до такої форми правочину. Наприклад, такі складнощі можуть виникнути у зв'язку з тим, що у електронних правочинах використовується електронний підпис, який має полягати у використанні надійного засобу ідентифікації, який забезпечує зв'язок підпису з актом, якого вона стосується (ст. 1316-4 ЦКФ).

Окремо згадаємо особливості оформлення правочинів з нерухомістю у деяких зарубіжних країнах. Форми правочинів з нерухомістю практично у всіх країнах мають кваліфікований характер, за загальним правилом вони підлягають нотаріальному посвідченню під загрозою недійсності. Що стосується систем реєстрації у зарубіжних країнах, то їх, на думку В. В. Єпіфанової, можна поділити на такі види:

1) *консенсуальна* – передбачає перехід права власності від продавця до покупця у момент укладення договору; при цьому факт передачі нерухомого майна і факт реєстрації прав реєстраційним органом для перехо-

ду права влансості значення не мають (Італія);

2) *німецька реєстраційна модель* – передбачає спочатку укладення договору, а потім його реєстрацію, при чому реєстраційний запис має вирішальне значення; для того, щоб оспорити право на нерухомість, необхідно оспорити запис у поземельній книзі (Німеччина, Швейцарія, Естонія, Латвія);

3) *модель Торренса* – набуття права на нерухомість пов'язується винятково з формальним моментом – моментом реєстрації в актовій книзі; суттєвим недоліком цієї системи реєстрації прав є те, що відповідний запис про перехід права здійснюється на підставі заяви лише одного продавця (Австралія, Нова Зеландія, Канада);

4) *модель реєстрації правочинів як документів* – передбачає реєстрацію всіх правочинів з нерухомістю у спеціальній державній установі; при цьому реєстрації самих виникаючих у зв'язку з укладенням правочинів прав (титулів) не відбувається, замість цього здійснюється «технічний облік документації» [14, с. 90-97], який не носить публічного та достовірного характеру (Англія, США) [5, с. 79].

Зазначені підходи до систем реєстрації у зарубіжних країнах можуть бути корисні українському законодавцю з урахуванням зміни концепції щодо реєстрації правочинів з нерухомістю та прав, що з них впливають.

Висновки. Таким чином, у європейському цивільному праві ще пандектистами був сформульований принцип вільної форми правочину, який згодом був закріплений багатьма європейськими правопорядками. На сьогоднішній день у європейських країнах склався підхід, відповідно до якого правочини вчиняються у будь-якій формі за бажанням сторін, за винятком

випадків, коли для них законом встановлена обов'язкова письмова форма або необхідність дотримання інших формальних вимог. Наслідками недотримання вимог щодо форми правочинів є, як правило, їх недійсність.

Література:

1. Щенникова Л. В., Старовєрова А. В. *Теория формы сделки и практическое гражданское законодательство*. В: Законодательство, 2006, № 11, с. 8-13.

2. Пандекты: Перевод с немецкого. Общая часть. Т. 1. Дербург Г.; Под ред.: П. Соколовский; Пер.: Г. Фон Рехенберг. - М.: Унив. тип., 1906, 481 с. [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://www.bibliard.ru/vcd-743-1-1057/goodsinfo.html>

3. Татаркина К.П. *Форма сделок в гражданском праве России*: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Ксения Павловна Татаркина. Томск, 2009, 241 с.

4. Мазаев Р.И. *Особенности регулирования заключения договора «Принципами европейского договорного права»*. В: Международное публичное и частное право, 2004, № 2, с. 44-47.

5. Епифанова В.В. *Форма сделки: теория и практика реализации в гражданском законодательстве*: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Валерия Владимировна Епифанова. Краснодар, 2009, 178 с.

6. Гудзь О. *Еволюція форм правочину – від усної до електронної*. В: Юридичний журнал: Аналіт. матеріали. Коментарі. Судова практика, 2006, № 1, с. 32-37.

7. *Гражданское и торговое право капиталистических государств*. Под ред. Е. А. Васильева. М.: Международные отношения, 1993, 376 с.

8. Богатых Е.А. *Гражданское и торговое право. От древнего римского к современному российскому*. Ч. I. М.: Инфра-М, 1996, 192 с.

9. Осаке К. *Свобода договора в англо-американском праве: понятие, сущность и ограничения*. Жур-

нал российского права, 2006, № 7, с. 84-93.

10. Жалинский А. *Введение в немецкое право*. В: А. Жалинский, А. Рерихт. М.: Спарк, 2001, 767 с.

11. *Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению*. [пер. с нем.; сост. В. Бергман]. [2-е изд., доп.]. М.: Волтерс Клувер, 2006, 415 с.

12. Шапп Я. *Основы гражданского права Германии: учебник* / Ян Шапп; [пер. с нем. К. Арсланова]. М.: Издательство БЕК, 1996, 304 с.

13. *Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона)*. [пер., коммент. и справ. аппарат В. Захватаева; отв. ред. А. Довгерт]. К.: Истина, 2006, 968 с.

14. Сыроедов Н.А. *Регистрация прав на землю и другое недвижимое имущество*. В: Государство и право, 1998, № 8, с. 90-97.

INTRODUCEREA MĂRFURILOR ÎN REPUBLICA MOLDOVA DE CĂTRE PERSOANELE FIZICE

Viorel SÎRGHII,
doctorand, lector universitar

SUMMARY

The given article explains how the entry of goods by individuals namely to establish the legal status of people, the purpose of movement of people across the customs border of the Republic of Moldova. There also have been established the difference category of goods, personal property, cargo, cargo shipped commercially.

The article describes the procedure applied by customs officers when the goods are carried by individuals, and how to declare it.

Separately, the article gives explanations on how to make a declaration of customs value of goods shipped and declared by individuals, based on the legal framework of the Republic of Moldova. The customs value is the estimated amount at which goods trade circuit.

Through this article are explanations on how to place the goods by individuals for personal and commercial purposes. Here, an analysis was made using data from commercial practice on amendments to the law to regulate the rights of transportation of goods by individuals for commercial purposes.

The given article attempts to estimate the purposes of applying the evaluation methods of customs valuation and the method of their application, the declaration and purpose of transporting goods by individuals.

Keywords: individual, transporting goods by individuals, how to declare the goods carried by individuals, the customs value.

REZUMAT

În acest articol se explică modalitatea de introducere a mărfurilor de către persoanele fizice, și anume stabilirea statutului juridic al persoanelor, scopul deplasării persoanelor peste frontiera vamală a Republicii Moldova. Totodată, a fost stabilită categoria mărfurilor prin diferența de bunuri, bunuri personale, marfă, marfă livrată în scop comercial. A fost, descrisă procedura aplicată de către colaboratorii vamali la verificarea mărfurilor transportate de către persoanele fizice, precum și modalitatea de declarare a acestora.

În articol se explică modalitatea de declarare a valorii în vamă la mărfurile transportate și declarate de către persoanele fizice, reieșind din prevederile cadrului legal al Republicii Moldova. Valoarea în vamă este valoarea la care sînt estimate mărfurile din circuitul comerțului exterior.

Autorul explică modul de introducere a mărfurilor de către persoanele fizice în scop personal și în scop comercial. Totodată, s-a efectuat o analiză – utilizînd date din practica comercială – a modificărilor operate în legea ce prevede reglementarea drepturilor asupra transportării mărfurilor de către persoanele fizice în scop comercial.

Autorul a încercat să dezvăluie scopurile aplicării metodelor de evaluare a valorii în vamă, precum și modalitatea de aplicare a acestora, procedura de declarare și scopul transportării mărfurilor de către persoanele fizice.

Cuvinte-cheie: persoană fizică, transportarea mărfurilor de către persoana fizică, modalitatea de declarare a mărfurilor transportate de persoanele fizice, valoarea în vamă.

Introducere. Reieșind din aspectul amplasării geografice a Republicii (R.) Moldova, practic fiecare cetățean (persoană fizică) locuitor al R. Moldova a traversat cel puțin o dată frontiera de stat, în scop de călătorie, afacere etc. Odată cu trecerea frontierei de stat, persoana fizică are asupra sa bunuri ce îi aparțin, care sînt transportate și care trebuie declarate organului vamal la trecerea frontierei de stat.

Persoanele fizice rezidente sau nerezidente în Republica Moldova pot introduce mărfuri în scop personal, în condiții prevăzute de

legislație, cu declararea acestora organului vamal la momentul traversării frontierei de stat a R. Moldova cu sau fără achitarea plăților vamale.

Actualitatea temei abordate se evidențiază prin analiza modalității de determinare a valorii în vamă la mărfurile transportate de către persoanele fizice, precum și prin concluziile asupra modificărilor efectuate în legislație.

Legislația R. Moldova reglementează dreptul și modul de transportare a mărfurilor de către persoanele fizice care traversează

frontiera de stat. Însă transportarea mărfurilor se poate efectua doar pentru utilizare în scopuri personale. Anterior legislația R. Moldova prevedea dreptul de transportare a mărfurilor de către persoanele fizice și în scop comercial, acest drept fiind evident, reieșind din faptul că persoana fizică poate practica și activitate comercială, iar mărfurile pot fi procurate și din afara țării noastre.

Scopul studiului: examinarea profundă a normelor de drept vamal, prevăzute de legislația R. Moldova, ce reglementează moda-

litatea de introducere a mărfurilor de către persoanele fizice.

Legea nr. 1569 din 20.12.2002 cu privire la modul de introducere și scoatere a bunurilor de pe teritoriul R. Moldova de către persoanele fizice reglementează modalitatea de introducere a mărfurilor de către persoanele fizice. Scopul a fost explicarea modalității de declarare a valorii în vamă la mărfurile transportate de către persoanele fizice, stabilirea modalității de declarare a mărfurilor de către persoanele fizice la traversarea frontierei vamale a R. Moldova, precum și a acțiunilor întreprinse de către colaboratorii vamali abilitați cu dreptul de verificare a mărfurilor declarate.

Totodată, se examinează modificările din legislație privind prevederile ce interzic introducerea mărfurilor de către persoanele fizice în scop comercial.

Expunerea materialului cercetat. Baza metodologică a investigației date o constituie pozițiile și direcțiile contemporane ale teoriei cunoașterii proceselor sociale și a fenomenelor juridice. Suportul metodologic și teoretico-științific al cercetărilor efectuate îl formează lucrările teoreticienilor în drept, ale specialiștilor din alte domenii adiacente, atât din țară, cât și de peste hotare.

În procesul cercetărilor, am operat cu materiale din ramurile dreptului vamal, dreptului financiar-fiscal, din practica activității vamale. Ca bază empirică pentru lucrare au servit cercetările în domeniul dreptului vamal național.

Studiul a fost realizat prin aplicarea metodelor specifice dreptului (metoda analitico-sintetică), precum și a celor generale (metoda logico-juridică, metoda comparativismului juridic). Studiul științific s-a axat pe cele mai importante acte naționale în domeniu: Constituția și Codul vamal ale Republicii Moldova.

Legea nr. 1569 din 20.12.2002

cu privire la modul de introducere și scoatere a bunurilor de pe teritoriul Republicii Moldova de către persoanele fizice, Legea cu privire la tariful vamal.

Toate persoanele ce traversează vama în scop de a se deplasa din sau în Republica Moldova transportă cu ei lucruri personale sau alte bunuri ce le aparțin. Odată cu transportarea acestor bunuri, este necesar ca acestea să fie declarate organului vamal, care va stabili dreptul de introducere în sau scoatere din Republica Moldova a acestor bunuri.

Reieșind din norma legală ce reglementează transportarea bunurilor de către persoanele fizice, inițial se determină scopul transportării și cantitatea mărfurilor, deoarece anume aceste două criterii sînt determinante la impunerea mărfurilor cu taxe vamale.

Odată cu declararea independenței, Republica Moldova a stabilit hotarele sale prin amplasarea posturilor vamale care, prin atribuțiile stabilite, sînt responsabile de verificarea și vămuirea mărfurilor transportate de către persoanele fizice. Este evident că tot atunci a apărut necesitatea de adoptare a cadrului normativ juridic de reglementare a dreptului de introducere și scoatere a mărfurilor în/din Republica Moldova.

Primul act normativ ce reglementează procedura de vămuire este **Codul vamal** al Republicii Moldova, care stabilește principiile juridice, economice și organizatorice ale activității vamale și este orientat spre apărarea suveranității și securității economice ale Republicii Moldova. Totodată, există și alte acte normative de reglementare a procesului de vămuire, ca **Legea nr. 1569 din 20.12.2002 cu privire la modul de introducere și scoatere a bunurilor de pe teritoriul Republicii Moldova de către persoanele fizice**. Scopul acestei legi este stabilirea modului de trecere de către persoane fizice,

a mărfurilor, obiectelor de uz personal și a mijloacelor de transport auto. Legea oferă noțiuni generale privind introducerea și scoaterea bancnotelor, monedelor și cecurilor de călătorie în valută străină, modul de declarare a bunurilor, scoaterea bunurilor de pe teritoriul Republicii Moldova. Anume legea dată este actul de bază, prin reglementările căreia se stabilește modul și drepturile de introducere și scoatere a bunurilor de către persoanele fizice în/din Republica Moldova, și anume statutul persoanelor:

• **Persoană fizică** – rezident sau nerezident care nu este subiect al activității de întreprinzător;

• **Persoana fizică rezidentă** – cetățean al Republicii Moldova, cetățean străin sau apatrid care dispune de loc permanent de trai în RM, ceea ce se confirmă prin actele:

a) Pașaportul cetățeanului Republicii Moldova;

b) Pașaportul diplomatic al cetățeanului Republicii Moldova;

c) Pașaportul de serviciu al cetățeanului Republicii Moldova;

d) Pașaportul pentru persoanele fără cetățenie (apatrizi) care domiciliază permanent în R. Moldova;

e) Buletinul de identitate al cetățeanului Republicii Moldova;

f) Buletinul de identitate pentru apatrizii care domiciliază permanent în R. Moldova;

g) Permisul de ședere pentru cetățenii străini care domiciliază permanent în R. Moldova.

• **Persoana fizică nerezidentă** – cetățean al RM, cetățean străin sau apatrid care nu face parte din categoria persoanei fizice rezidente [1].

Totodată, se poate defini și scopul deplasării persoanelor fizice:

1) **Persoana fizică ce se deplasează peste frontiera vamală în scopuri personale.**

2) **Persoane ce călătoresc în scop de turism.**

3) **Persoane care trec peste frontiera de stat în scop de afaceri.**

4) *În scop de serviciu.*

Odată cu stabilirea statutului persoanei fizice, scopului deplasării, este necesar de definit și categoria bunurilor ce le au asupra lor persoanele fizice:

- **bunuri** – mărfuri, obiecte de uz personal și mijloace de transport;

- **mărfuri** – orice bunuri mobile, obiecte și alte valori, inclusiv valori valutare (monedă națională și valută străină în numerar, valori mobiliare materializate și instrumente de plată exprimate în monedă națională și valută străină), gaze naturale, energie electrică, energie termică, alt fel de energie;

- **obiecte de uz personal** – orice obiect destinat uzului sau consumului personal, sau necesităților casnice, inclusiv haine și încălțăminte personală, lenjerie de pat, echipament destinat uzului personal sau satisfacerii necesităților gospodărești, obiecte de parfumerie, de cosmetică, de igienă, medicamente, produse alimentare de necesitate personală, bunuri destinate cerințelor familiale uzuale, animale de casă, precum și instrumente portabile de care persoana are nevoie în exercitarea ocupației sau profesiei, toate aceste bunuri neputând fi destinate activității comerciale sau de producție.

De regulă, toate mărfurile introduse de către persoanele fizice au statut de mărfuri străine, importate în Republica Moldova. Reieșind, din prevederile de mai sus, colaboratorul vamal, la momentul verificării bunurilor transportate de către persoanele fizice, va stabili, inclusiv din declarațiile persoanei ce transportă marfa, care este destinația acesteia: marfă pentru comercializare sau bunuri personale. Odată cu determinarea destinației, colaboratorul va stabili și mărimea plăților necesare achitării pentru introducerea mărfurilor sau va permite introducerea cu scutire de achitare a plăților.

Așadar, persoanele fizice au

dreptul de a introduce pe teritoriul țării, fără achitarea drepturilor de import, obiecte de uz personal, bancnote, monede și cecuri în moneda națională a Republicii Moldova, bunuri a căror valoare în vamă nu depășește suma de 200 Euro și care nu sînt destinate activității comerciale sau de producție. Dacă valoarea în vamă a bunurilor depășește cuantumul neimpozabil menționat, drepturile de import se vor percepe reieșind din valoarea bunului în vamă (cuantumul neimpozabil indicat nu micșorează valoarea impozabilă a bunului).

Persoanele fizice pot introduce pe teritoriul țării sau pot primi, prin intermediul trimiterilor poștale internaționale sau a bagajelor neînsoțite, bunuri, fără achitarea drepturilor de import, cu condiția că acestea nu sînt destinate activității comerciale sau de producție, în legătură cu stabilirea la un loc de trai permanent în Republica Moldova sau cu obținerea acestor bunuri prin moștenire, precum și de a primi, prin intermediul trimiterilor poștale internaționale, fără achitarea drepturilor de import, bunuri, cu condiția că valoarea lor în vamă nu depășește suma de 200 Euro și nu sînt destinate activității comerciale sau de producție. În cazul în care valoarea în vamă a mărfurilor depășește limita neimpozabilă de 200 de Euro [2].

Prin cele evaluate se stabilește că persoanele fizice au dreptul să introducă mărfuri în scop personal, și nu în scop comercial. Tot norma legală prevede că suma maximă de evaluare a mărfurilor introduse sau valoarea în vamă a mărfurilor nu poate depăși 200 de Euro. Este de menționat că pînă la modificarea **Legii nr. 1569 din 20.12.2002 cu privire la modul de introducere și scoatere a bunurilor de pe teritoriul Republicii Moldova de către persoanele fizice** în data de 16.05.2008, se prevedea dreptul de a introduce mărfuri în scop comercial de că-

tre persoanele fizice, cu valoarea acestora de 500 de Euro.

Persoanele fizice ce transportă bunuri în sau din Republica Moldova sînt obligate să declare aceste bunuri organului vamal la trecerea frontierei. Declararea bunurilor se poate face atît verbal, cît și în scris.

Persoanele fizice au dreptul de a declara *verbal* organului vamal următoarele bunuri: obiectele de uz personal introduse în țară, precum și mărfurile indicate în anexa la prezenta lege, bunurile introduse în țară, a căror valoare în vamă nu depășește suma de 200 Euro și care nu sînt destinate activității comerciale sau de producție, mărfurile ce se scot din țară a căror valoare în vamă nu depășește suma de 1000 Euro și care nu sînt destinate activității comerciale sau de producție [2].

Declararea *în scris* se va face prin îndeplinirea formularului declarației vamale pentru persoanele fizice forma *DV-6*, unde se indică cantitatea mărfurilor declarate, precum și prețul acestora. Reieșind din datele indicate în declarația vamală, colaboratorul vamal verifică coincidența celor indicate în scris cu mărfurile transportate, stabilește valoarea în vamă a acestora.

Stabilirea valorii în vamă la mărfurile transportate de către persoanele fizice este o procedură mai complicată decît stabilirea valorii în vamă la mărfurile transportate de către persoana juridică, deoarece persoana fizică, în majoritatea cazurilor, nu dispune de acte primare (acte de plată pentru marfă), care pot servi drept bază la determinarea valorii în vamă.

În continuare vom descrie procedura utilizată de colaboratorii vamali la determinarea valorii în vamă pentru mărfurile transportate de către persoanele fizice.

Așadar, valoarea în vamă stabilită pentru mărfurile transportate de către persoanele fizice este principalul element în procedura de declarare, deoarece anume

cuantumul valorii stabilite determină achitarea sau scutirea de plăți vamale. Procedura de stabilire a valorii în vamă este reglementată de Legea nr. 1380 din 20.11.1997 cu privire la tariful vamal și se determină prin șase metode. Anume aceste metode se vor utiliza de către colaboratorul vamal la stabilirea corectitudinii declarării valorii în vamă sau a prețului mărfurilor declarate de către persoanele fizice ce transportă marfa [3].

Persoana fizică care transportă marfa o declară la momentul trecerii postului vamal. Colaboratorul vamal solicită declararea mărfurilor în formă scrisă, prin completarea declarației vamale pentru persoanele fizice tipizată (DV-6). Persoana ce declară va descrie detaliat marfa transportată, cu indicarea cantităților (bucăți, kilograme, litri, metri etc.), totodată, se va declara și prețul sau suma achitată pentru marfă anume în valuta în care au fost efectuate cumpărăturile, cu indicarea exactă a costurilor pentru fiecare categorie de marfă. Toate aceste date vor servi drept bază la determinarea valorii în vamă. Totodată, colaboratorul vamal solicită prezentarea suplimentară a tuturor actelor (bon de plată, cec etc.) ce indică prețul mărfurilor transportate.

După procedura de declarare, colaboratorul vamal va examina marfa prin efectuarea controlului fizic a acesteia, și anume prin stabilirea cantității, producătorului, materiei prime utilizate, reputației pe piață, țării de origine, țării de procurare. Ulterior colaboratorul vamal contrapune datele indicate în declarație cu cele obținute prin examenul fizic. Reieșind din rezultatele obținute, colaboratorul vamal decide asupra corectitudinii valorii în vamă declarate, iar în cazul în care s-a stabilit o valoare diminuată, acesta stabilește valoarea în vamă de sine stătător.

După stabilirea valorii în vamă, colaboratorul vamal decide asupra

mărfurilor transportate de către persoana fizică. Atunci când valoarea este de pînă la 200 de Euro și mărfurile nu constituie marfă transportată cu scop comercial, achitarea plăților vamale nu se efectuează; dacă marfa va depăși suma de 200 de Euro, iar marfa este destinată uzului personal, plățile vamale se achită reieșind din valoarea totală a mărfurilor. În cazul în care colaboratorul vamal stabilește că marfa este destinată comercializării, aceasta nu poate fi vămuită de către persoana fizică, ea nefiind înregistrată ca subiect al activității economice în Republica Moldova. Această prevedere nu permite transportarea mărfurilor în scop comercial persoanelor fizice, subiecți ai antreprenoriatului, sau deținătorilor de patentă de întreprinzător și fondatorilor întreprinderilor individuale.

Consider că odată cu modificarea **Legii nr. 1569 din 20.12.2002 cu privire la modul de introducere și scoatere a bunurilor de pe teritoriul Republicii Moldova de către persoanele fizice** a fost anulat dreptul de introducere de către persoanele fizice a mărfurilor în scop comercial pînă la 500 de Euro cu achitarea plăților vamale. Aceasta a provocat limitarea disponibilității de mărfuri pentru persoanele ce practică activitate comercială în cadrul legal.

Specificul piețelor de desfacere din Republica Moldova constă în livrarea de mărfuri din statele vecine, și anume din Ucraina sau din piața or. Odesa, numită KM 7. De regulă, procurarea mărfurilor din piața dată se efectuează prin procurare de marfă de la persoana fizică la persoana fizică și careva acte comerciale nu se eliberează, cu atât mai mult pentru aceste mărfuri nu sînt eliberate acte vamale. Deci, legalitatea transportării mărfurilor din piața KM 7 se stabilește doar în cazul transportării mărfurilor în scop personal. Cît privește procurarea și transportarea legală a

mărfurilor în scop comercial, acesta practic este imposibilă. Totuși, acest lucru a fost posibil pînă la data modificărilor operate în Legea nr.1569, cînd se stabilea limita de 500 de Euro pentru mărfurile transportate în scop comercial. Restricțiile operate în urma modificării stimulează deci contrabanda cu mărfuri din Ucraina, fapt care se depistează cu regularitate de către organele vamale. O altă latură negativă este și diminuarea plăților vamale pentru mărfurile care nu se mai transportă de către persoanele fizice cu scop comercial.

Concluzii. Considerăm necesară reexaminarea prevederilor **Legii nr. 1569 din 20.12.2002 cu privire la modul de introducere și scoatere a bunurilor de pe teritoriul Republicii Moldova de către persoanele fizice**, în contextul revenirii la dreptul de introducere a mărfurilor de către persoanele fizice în scop comercial, prin aplicarea unei grile sumare a valorii în vamă la mărfurile introduse. Acest fapt va sporii încasarea taxelor vamale, precum și va diminua riscul contrabandei cu mărfuri.

Referințe bibliografice

1. *Codul vamal al Republicii Moldova*, adoptat în baza Legii nr. 1149 din 20.07.2000 de către Parlamentul Republicii Moldova, publicată în Monitorul Oficial nr. 160-162 din 23.12.2000.

2. *Legea cu privire la modul de introducere și scoatere a bunurilor de pe teritoriul Republicii Moldova de către persoane fizice*, adoptată de Parlamentul Republicii Moldova, publicată în Monitorul Oficial nr. 185 din 31.12.2002.

3. *Legea nr. 1380 cu privire la tariful vamal*, adoptată de Parlamentul Republicii, publicată în Monitorul Oficial nr. 40-41 din 07.05.1998.

MANAGERIAL DECISION PREPARATION, ADOPTION AND ORGANIZATION OF IMPLEMENTATION PROCEDURE: ADMINISTRATIVE LAW ASPECT

Victoria ORLOVA,

Post graduate student of The Department of Administrative and Commercial Law of Odessa I.I. Mechnikov National University

SUMMARY

The article analyzed problems of working out and practical application of procedures of preparation, acceptance and the organization of execution of administrative decisions in an operational administration by manufacture. Offers on formation of the special organization-legal mechanism for the effective decision of programmed (standard) and not programmed tasks (problems) are made. Substantive provisions of special Typical rules of preparation, acceptance and the organization of execution of administrative decisions are formed.

Key words: Administrative decisions, procedures of preparation, acceptance and the organization of execution of administrative decisions; features of the decision of programmed (standard) and not programmed tasks (problems).

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются проблемы разработки и практического применения процедур подготовки, принятия и организации исполнения управленческих решений в оперативном управлении производством. Вносятся предложения по формированию специального организационно-правового механизма для эффективного решения программируемых (стандартных) и непрограммируемых (проблемных) задач. Формулируются основные положения Типовых правил подготовки, принятия и организации исполнения управленческих решений.

Ключевые слова: управленческие решения, процедуры подготовки, принятия и организации исполнения управленческих решений; особенности решения программируемых (стандартных) и непрограммируемых (проблемных) задач.

Problem definition. One of the most distinctive displays of conscious, purposeful management activity and the most essential stage in the process of governance at all levels of social administration, including those in the framework of the particular manufacturing organizations, is the preparation and adoption of the managerial decisions. Any administration body of the company or firm, endowed with organizational and power authorization, implements its objectives and functions with the help of appropriate managerial decisions, which appear to be the intellectual and volitional acts forming ideas about the ways, means, forms and methods to achieve certain socio-economic or production results [1, p. 9]. Moreover, the solution of some administrative tasks gives rise to others. Each managerial cycle, while getting the subject of management closer to a solution of a particular task (or a problem), at the same time raises the need to

detect, identify and locate other means to solve managerial tasks (or problems). In other words the whole aggregate of the specific types of activities of any industrial organization managerial body employee within the overall boundaries of administrative work from the occurrence of a specific production situation to the nuts-and-bolts solutions for administrative tasks caused by it, in one way or another is connected to the preparation process and organization of implementation of managerial decisions, which represents the main type of administrative work [2, p. 39], or "major general and necessary function of management [3, p. 85]".

Topicality. The problem of decision making and execution management solutions studied by famous scientists and lawyers, as A.S. Vasiliev, V.G. Afanasiev, G.F. Osipova, L. Plunkett. But the procedure is a management decision remains little studied phenomenon in legal science. This fact deter-

mines the increased actuality of the topic of choice.

Main text. In the procedures of managerial decision-making specific steps of decision preparation and substantiation are fixed, for a particular class of administrative tasks (planning, financing, manufacturing maintenance supply etc.). They set out the order of relationships between the participant of the decision-making process, their rights, duties and responsibilities for the proper conduct of certain activities and operations that are required for taking a managerial decision. Typically, they include mandatory requirements and recommendations: on the comprehensive analysis of industrial and economic situations, on how to detect and solve management problems, the ways and forms of institutional cooperation between the participants of the decision-making process at all stages of its implementation, on the protocol of documenting the decisions and validating them by publishing

the relevant acts of governance, on forms of organization and implementation of decisions and local laws based on them, on the persons responsible for the development and organization of decision being implemented, as well as on the rational division and cooperation of their labor, etc.

Due to the consolidation of coherent actions and operations system in administrative decision-making procedures, the necessary guarantees are provided for the effective implementation of management functions. The prerequisites are created for the process of making decisions and publishing them pursuant to the local governance managerial legislation was strictly arranged and regulated in accordance with the requirements of the scientific organization of administrative work. Moreover, according to the requirements of the scientific organization of administrative work, a substantial basis for these procedures varies depending on the peculiarities of managerial tasks being solved. Specifically, when solving the so-called programmable (or standard) problems, the pre-designed procedures are applied, which are stored in special information banks of the corresponding enterprise (or firm). At the same time, when solving creative problems, there is a need to develop special organizational and managerial mechanisms (procedures) that are individualized in relation to the characteristics of the relevant class of creative (non-programmable) tasks.

Programmable (or as they are sometimes called - standard) tasks in the production operational management occupy, according to the economists' estimate, 70-80% of the total volume of tasks solved [4, p. 28]. These problems can include, in particular, the managerial situations related to the framework development for determination of the need for equipment, materials

and labor; the framework for the organization of the production plan implementation; activities related to the optioneering for preferred development and reconstruction of the company; choosing the best loading production capacity; finding the optimal process conditions, etc. All of these situations are actually multi-choice in matter. Each of them has certain peculiarities. However, their general feature is that the substantive elements of the administrative body organizational activities and the order of defining the institutional linkages and relationships that arise in the course of their analysis and solution, has been studied so well that it can be expressed in a certain schematic form (as a standard or model) with precise quantitative characteristics of the corresponding parameters.

The model (standard) is understood as a simplified representation of substantive and organizational aspects of the contemplated industrial and business situation, which is based on the sufficient information regarding its true nature. As an important methodological analysis and evaluation tool for the real facts of industrial and economic activities of a given company or firm, such models (standards) provide identification and justification of the specific ways and means to resolve the occurring production situation. They allow you to rather accurately determine in advance not only the content of the forthcoming administrative operations, but also their sequence, mutual consistency and shapes of the technological and organizational support, as well as the expected results and their effectiveness. This in turn deprives the leaders engaged in the organization of some standard administrative problems resolution from routine mental work related to the performance of duties for redistribution of powers and responsibilities between the parties to the solution of this problem, establish-

ment of the necessary connections and relationships between them, definition of restrictions and performance criteria for managerial decisions prepared and etc.

For the convenience when using certain institutional and managerial models (standards), they are categorized and arranged in various reference books. When necessary, these directories are complemented by relevant charts, tables, matrices, various figures, etc. All together these documents capture the experience gained in management tasks resolution for specific classes and therefore can be used as a special fund (or "assembly point") of the made-up managerial decisions that are used in operations management process.

Specific rules for the use of the fund, as well as the updating and renovation procedure on account of new programmable tasks solution models is defined by administration of appropriate industrial enterprise (a company or a firm) in order for it to match the real needs of the administrative apparatus. Thus, the adoption of programmable solutions and the local administrative laws based on them requires, substantially, only corrections of the existing solutions stock based on a change in quantity of values in some of the original data. Of course the development of such detailed procedures for troubled tasks solution, as those used when solving programmable (routine) task is almost impossible. Indeed, any well-functioning industrial enterprise is constantly evolving and changing. The process of managing it varies in content, highlighting new, previously unknown problems. At the same time we must not forget that, firstly, at each industrial enterprise (a company or a firm) in one or another way, experience accumulation process for managerial tasks solution evolves, allowing to produce a relatively stable classification of possible problems and

possible ways and methods of their solutions, and, secondly, the creative process is useful only when it is structured in a certain way, i.e. "subordinated" to the correct serial stages (steps) that are applicable to all types of decisions. In other words, the solution process for any creative task, according to experts in management science, is not a disordered anarchic approach where the emphasis is made on "sudden insight". On the contrary, it must be carried out within the framework of a particular procedure of the creative research, which prescribes a certain sequence of steps towards some verifiable result [5, p. 98-100]. Thus managerial decision-making procedures (although they are directed mainly at solving standard problems), basically turn to be useful in unusual situations as well when there is no fixed set of possible behaviors, and there is no pre-known algorithm for finding these options. After all, the basic steps or blocks of analytical work (situation analysis, detection and description of the problems, statement of the task, search for alternative solutions, etc.) remain equally important.

Naturally, for routine (programmable) tasks, such procedures can be developed in much more detailed manner, based on a complete description of the entire set of actions and operations that are committed by the participants of the managerial decisions preparation process and which based on their intraorganizational local administrative acts. In respect of solving creative tasks, only the most basic rules of organizational interaction and choice of analytic research methods used by the relevant managers and functional services specialists are defined. However, in any case, the procedures and rules for decision-making and organization of implementation for managerial decisions are designed to determine the regulated sequence of

actions and operations that are performed by management bodies and administrative staff participating in the work in order to obtain the optimal, in their matter, decisions and make these decisions binding.

On this basis, as we believe, Model Rules for the preparation, adoption and the organization of implementation of managerial decisions in the operations management can be developed and approved at the level of the Cabinet of Ministers of Ukraine. It would be viable to include in these Rules, in particular, the general requirements on an independent organizational provision for the function of managerial decision-making and implementation procedure, for the bodies and officials who may participate in decision-making process; for the principles of cooperation and division of their labor; for the regulated forms of scientific methods of decision-making application, the conditions of their applicability and rules of procedure; for the forms of specialists involvement and consultants participation in the development and justification of decisions; as well as the rules of documenting decisions and making them legally binding.

The Model Rules, in accordance with the principles of division and cooperation of administrative work, must establish that the organization of preparing decision projects is the prerogative of the leaders of those units to be entrusted with solving certain types of managerial tasks. They are assigned the right to give the developers binding instructions regarding any issue of their labour organization and the requirements for a particular managerial decision (specifically, the objectives and criteria for its evaluation, for the accounting of a variety of constraints; for the possibilities and limits of the use of resources available, for the timing of the preparation of decisions project, etc.).

The Model Rules should also

establish the procedure for approval of decisions at different levels of the industrial enterprise with the definition of the persons responsible for the relevant procedure implementation, implementation terms and forms for its stages, as well as the procedure of the final selection and approval of the decision by the particular authority or the manager.

A special section of the Model Rules should set out the requirements for the execution of managerial decision as an organizational document in terms of its language, style, logical presentation and ease of implementation. It also must state requirements for the order of control over the implementation of decisions and guidance for the inducement and responsibility of the actual participants of the managerial decisions development, adoption and organization of implementation procedures.

In case of the development and adoption of such Rules, the fundamental legal framework of the legal acts could be formed setting forth the legal status of administrative units and officers, who participate in the managerial decisions development, adoption and organization of implementation at the level of operations management, i.e. in specific industrial institutions, enterprises and firms. Referring to this legal basis, the officials of the relevant associations, enterprises or firms would get a chance to organize their administrative work more effectively, they would have a real opportunity to personally determine not only the objectives and criteria for future managerial decisions, but also to guide the practical activities of particular decision-makers by organizing their practical actions and operations directed at the development of possible options for this decision.

In turn, this could also contribute to the efficient organization of the administrative apparatus

for solving the relevant problem problems because solving them requires cooperative efforts of many administrators and professionals working within a well-organized mechanism for solving complex management problems.

In turn, this could also contribute to the efficient organization of the administrative apparatus work when solving the relevant troublesome tasks because for their solution the cooperative efforts of many administrators and specialists, working in terms of well-organized mechanism of complex management problems solving, are necessary.

Responsibility for the establishment of such a mechanism at the specific enterprises and other industrial institutions should be vested in members of senior management represented by the Executive director and his deputies, heads of major functional services and departments. These managers should hold personal responsibility for the preparation of timely and high-quality decisions of all problems assigned to them. They are not just involved in managerial decision-making, but also they organize it, being responsible for bringing to its preparation professionals, experts and other employees of the organization. In this regard, the aforesaid managers, as the supervisors of the managerial decisions preparation process should be entitled to the issuance of special regulatory acts that would identify all the basic requirements for content of the managerial decisions and order of their preparation, specifically: for the purpose of the adoption of specific managerial decision and criteria of its effectiveness; compulsory identification of the causes of the problem addressed and its importance for the various units of the organization; defining the possible

consequences of the problem being solved (both positive and negative); need for making certain economic calculations and justification of different variants of decision; mandatory research of experience in solving similar problems in the past; feasibility of using ready-made solutions, if they are available in the institution. These acts must also formulate the requirements for organizational forms and methods for the activity of participants involved in decision-making and the development of recommendations for the organization of decision implementation; materiel supplies and organizational technique that can be used in the decision-making process; terms of making a decision and methods of regulation and control over the course of decision implementation, as well as for the forms of reporting and motivation for the participants of decision-making [6, p. 212-213].

Besides, in the course of solving a particular problem managers should have the right to give additional guidance to its developers, if necessary, change the direction of research, apply new methods for the preparation of decision or take into account newly emerged circumstances and constraints (e.g., lack of material resources, regulations of higher authorities acts, changes in industrial and economic conditions, etc.). On the basis of these administrative acts and directives from the heads of relevant industrial enterprises, the direct study of administrative problems and the search for the optimal managerial decisions with regard to their economic, legal and social implications can be unwrapped.

Conclusions. Thus, the development of management procedures and standards for programmable (standard) problem solutions and the formation of a special institu-

tional mechanism to address the troublesome tasks, arising in the course of operations management, facilitate the creation of fairly substantial preconditions for regulating the intra-management relations that arise in the course of the managerial decisions preparation, adoption and organization of implementation. It contributes to a significant increase in the level of scientific validity and the effectiveness of managerial decisions made over the course of operations management. In turn, this may play an important role for the start-up and development of industrial enterprise business activity (enterprises, associations and firms), their adjustment to the new conditions of industrial and business activity, which are formed on the basis of developing market relations.

Cited literature:

1. Vasiliev A.S. *Preparation and adoption of managerial decisions: Procedural and institutional problems*; Monograph/ A.S. Vasiliev. Odessa, JSC "Bakhva", 1997. – 160 p.
2. Vasiliev A.S. *Managerial decisions in the industrial enterprises (legal aspect)*: - Monograph/ A.S. Vasiliev. Kiev-Odessa: «Vyscha shkola», 1986. – 200 p.
3. Afanasiev V.G. *A person in the society administration*: Monograph/ V.G. Afanasiev. - M.: Politizdat. 1977. – 382 p.
4. Osipova G.F. *Manager's paperwork*: Monograph/ G.F. Osipova. - M.: Economica, 1978. – P. 195 p.
5. Plunkett L., Hale G. *The Proactive Manager: The Complete Book of Problem Solving and Decision Making*: Monograph / L. Plunkett, G. Hale. – M.: Economica, 1984. – 167 p.
6. Vasiliev A.S. *Preparation and decision-making procedure for the management of the state enterprises, institutions and organizations* / A.S. Vasiliev. // In the book „Managerial procedures”. – M.: „Nauka”, 1986. – P. 203-216.